

ИРКУТСКИЙ КРЕТМЬ

Православный альманах

№ 1(4) 2010

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ АРХИЕПИСКОПА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

Рождество Христово!

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественское послание
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла*

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

*Зажглась свеча божественного света.
Слово на освящении нижнего придела Михаило-Архангельского
Харлампиевского храма архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима*

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Все против всех. Неизвестная гражданская война. Дмитрий Суворов

РАДОНИЦА

*Памяти настоятеля Успенской церкви
протоиерея Дионисия (Садовникова)*

СВЯТЫХ ТРОИЦА

АННА

ПАСХЕ

ПАСХЕ

III. IV.

VI. XV.

Ω. Π.

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 1(4) 2010

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ АРХИЕПИСКОПА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 5

Рождественские приветствия читателям «Иркутского Кремля» 8

НАПУТНОЕ СЛОВО

Пробуждение веры 13
Священник Евгений Старцев, настоятель
Михаило-Архангельской Харлампиевской церкви,
главный редактор альманаха «Иркутский Кремль»

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Богоявление. Святитель Иоанн Златоуст,
архиепископ Константинопольский 17

Архангел Михаил — князь небесного воинства .. 23

Зажглась свеча божественного света 27
Слово на освящении нижнего придела Михаило-
Архангельского Харлампиевского храма
Архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим

Воскресение храма 33
Алёна Байбородина

Иннокентьевские чтения – 2009 41
Православие и российское образование

Путь иркутского священника отца Феофила —
«друга Божия» 45
К пятидесятилетней годовщине со дня кончины
иркутского протоиерея Феофила Сизой (1889–1961)
Александр Шарун

Творчество как печать богоподобия 55
Иконописец Максим Красиков

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Кяхта 63
Валентин Распутин

Все против всех. Неизвестная гражданская
война 77
Дмитрий Суворов

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Быть русским 95
Митрополит Иоанн (Снычёв)

Иркутск болен декабризмом
и не лечится 103
Александр Голованов

Красота в лабиринте жизни 115
Александр Беляев

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Рождественские стихи 121

Сельский поп (русская натура)	127
<i>Владимир Личутин</i>	
«Его жизнь — жизнь России»	137
<i>О поэзии Николая Зиновьева</i>	
<i>Виктор Бронштейн</i>	
Храм на небе	141
<i>Стихи</i>	
<i>Николай Зиновьев</i>	
Мистическая память Александра Москвитина	147
<i>Михаил Варфоломеев</i>	
Красота любви	153
<i>О народном кино Лидии Бобровой</i>	
<i>Анатолий Байбородин</i>	

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

В святую ночь	163
<i>О русских рождественских традициях</i>	
<i>Виктор Кутковой</i>	
Крещение Господне — русские водокрещи . . .	171
<i>Елена Мадлевская</i>	

РАДОНИЦА

<i>Памяти настоятеля Успенской церкви протоиерея Дионисия (Садовникова)</i>	
«Итак, бодрствуйте...»	177
<i>Диакон Игорь Бакшеев</i>	
Он подарил мальчишкам счастливое детство . . .	178
<i>Николай Стеценко</i>	
Настоящий священник	179
<i>Елена Трифонова</i>	

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

«Мысли о русском с древнейших до нынешних времён»	185
Ищем человека	185
<i>О сборнике произведений лучших писателей России</i>	
<i>«Для тебя»</i>	
<i>Капитолина Кокшенёва</i>	
Над смыслом бытия	188
<i>О книге Николая Зиновьева (издание Виктора Бронштейна)</i>	

Православный альманах
Выпуск № 1 (4), 2010 г.

Учредитель
Региональная общественная организация
поддержки молодежных инициатив
«Иркутский кремль»

Главный редактор
священник Евгений Старцев

Исполнительный редактор
Анатолий Байбородин

Компьютерная графика
Елена Антхауф

Верстка
Нина Мазутова

Корректор
Инна Медведева

На 1-й странице обложки: Освящение
Михаило-Архангельского придела Михаило-
Архангельской Харлампиевской церкви
(фото В. Белевича)

На 2-й странице обложки: образ Рождества
Христово (фото: www.belygorod.ru)

На 3-й странице обложки: Водоосвящение
(фото: www.pmo-spas.ru)

На 4-й странице обложки: «Сибирский
первопроходец», художник А. Москвитин

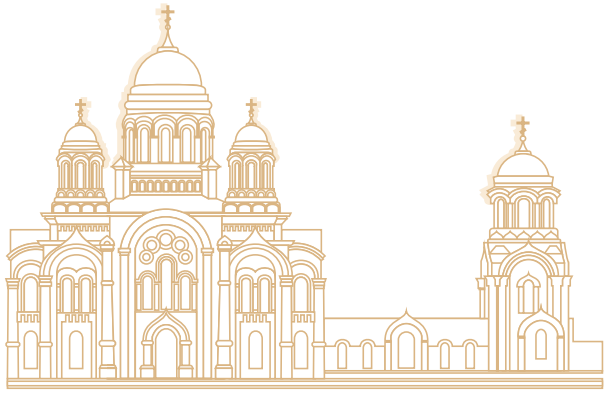
Для писем:
664025
Иркутск,
ул. С. Разина, 40, Дом литераторов

Контактные телефоны:
21-70-26, e-mail: oestar@mail.ru
р.т.: 34-20-77
сот. т.: 8-902-57-87-67-9
Байбородин Анатолий Григорьевич
e-mail: a-baiborodin@mail.ru
www.irk-kreml.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка текстов и иллюстраций, опубликован-
ных в журнале, допускается только с письменного
разрешения редакции.

Подписано в печать 18.01.2010.
Отпечатано в РГ «Пилот» (ИП Погосян Е.В.)
664003,
Иркутск, ул. К.Маркса, 11.
Тираж 2000 экземпляров

Альманах вышел при поддержке компании «СибАтом»

- **РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА**
- **РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРИВЕТСТВИЯ ЧИТАТЕЛЯМ «ИРКУТСКОГО КРЕМЛЯ»**

*Губернатор Иркутской области
Дмитрий Мезенцев*

*вице-президент
ОАО «Российские железные дороги»
Александр Тишанин*

писатель Валентин Распутин

писатель Владимир Личутин

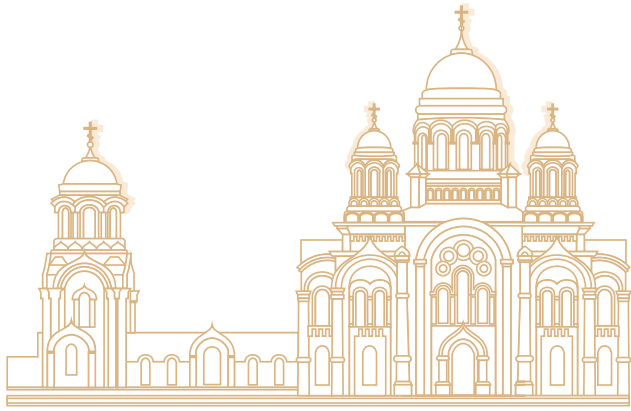
поэт Николай Зиновьев

кинорежиссёр Лидия Боброва

**С Рождеством
Христовым!**

**СИЛА ВЕРЫ —
ЗАЛОГ ЕДИНСТВА
СВЯТОЙ РУСИ**

РОЖДЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Возлюбленные о Господе архипастыри,
всечестные пресвитеры и диаконы,
боголюбивые иноки и инокини,
дорогие братья и сестры!

В светлый день Рождества Христова сердечно поздравляю вас с этим великим праздником.

На протяжении двух тысяч лет христиане всего мира с радостью и надеждой обращают мысленные взоры к событию, ставшему переломным в истории человечества. Современное летоисчисление, ведущее своё начало от Рождества и являющееся летоисчислением христианской эры, само по себе свидетельствует об исключительном значении пришествия Христа Спасителя.

Образом мира, некогда отступившего от своего Творца и ощутившего скорбь и мрак богооставленности, была Вифлеемская пещера, где от холода зимней ночи укрывались животные. Однако светозарная ночь Рождества наполнила сиянием не только пещеру, давшую приют Пречистой Деве Марии, но и всё творение, ибо через рождение Сына Божия всякий человек, приходящий в мир, просвещается Светом истины, как о том свидетельствует Евангелист Иоанн (Ин. 1, 9).

Кто-то может спросить: что означает Свет истины? Ответ на этот вопрос находим в том же Евангельском повествовании от Иоанна. Свет истины — это Сам Господь, Божественное Слово, Которое «стало плотью, и

обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14).

Через Рождение Спасителя люди обрели возможность иметь благодать и Истину (Ин. 1, 17). Благодать есть Божественная сила, даруемая Богом человеку для спасения. Именно этой силой люди побеждают грех. Без благодати не победить зла, а значит, и не победить всего того, что омрачает нашу жизнь.

Истина — фундаментальная ценность бытия. Если в основе жизни неправда, заблуждение, то жизнь не состоится. Конечно, внешне жизнь заблуждающегося человека может казаться вполне благополучной. Но это не означает, что заблуждение безобидно: рано или поздно оно проявит себя, в том числе и трагедией человеческих судеб.

Свет истины — это Божественный свет, это Божественная правда. Она неизменна и вечна, и не зависит от того, принимаем мы её или нет. Принятие человеком Божией правды определяет, в первую очередь, характер его отношений с другими людьми, способность, по слову апостола, носить «тяготы друг друга» (Гал. 6, 2), то есть проявлять солидарность с ближними, соучаствуя и в радости, и в горе другого человека. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»

(Ин. 13, 35), — говорит Господь. Однако эти вечные Божественные истины, которые только и способны преобразить нашу жизнь, сегодня перестают быть идеалами. Они настойчиво вытесняются из сознания современного человека пропагандой моральной безответственности, эгоизма, потребительства, отрицания греха как основной проблемы человеческого существования.

Именно подменой истинных ценностей ценностями ложными в основном и объясняется всё возрастающее значение так называемого «человеческого фактора» в трагических событиях, уносящих сотни жизней. Этим же объясняются и кризисы, которые в масштабе всей планеты сотрясают экономику, политику, окружающую среду, семейную жизнь, отношения между поколениями и многое другое.

Значение празднования Рождества Христова состоит в том, что оно приближает к нам Спасителя, помогает отчётливее увидеть Его Лик, проникнуться Его благой вестью. Господь вновь и вновь таинственно рождается для нас во глубине наших душ, дабы мы «имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Событие Вифлеемской ночи входит в современную жизнь, помогает нам увидеть её с иной, порой непривычной и неожиданной, точки зрения. То, что казалось самым важным и огромным, вдруг предстаёт малозначительным и скоропреходящим, уступая место величию и красоте вечной Божественной истины.

И с особой силой звучат сегодня слова Спасителя: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20). Эти слова даруют надежду, основанную на твёрдом убеждении, что какие бы искушения ни постигали нас в этой жизни, Господь не оставит Своего наследия.

Минувший год в жизни Церкви нашей был отмечен многими важными событиями. Собравшийся в Москве в Храме Христа Спасителя Поместный Собор избрал после кончины Святейшего Патриарха Алексия II его преемника. Укрепляемый молитвой и поддержкой епископата, клира и многочисленной паствы, с упованием на волю Божию принял я выпавший мне жребий патриаршего служения. Совершая богослужения в Москве, в ряде российских епархий, а также на Украине, в Белоруссии и Азербайджане, я имел радость молитвенного общения с нашим благочестивым православ-

ным народом, с молодыми и пожилыми, с людьми среднего возраста и с детьми. Везде я мог видеть светлые лица людей, искреннее выражение глубокой веры. Это стало для меня сильнейшим духовным переживанием и зримым свидетельством единства Святой Руси, которая силой веры своего многонационального народа преодолевает социальные, имущественные, возрастные, этнические и прочие границы, сохраняя в условиях современных политических реалий своё духовное единство.

Это единство скрепляется единой Церковью, в которой Божественной благодатью преодолевается всё временное и преходящее. Здесь перед человеческим взором предстаёт подлинное величие непреходящих ценностей. Именно поэтому Божественная истина должна служить главным ориентиром для всякой человеческой деятельности, для развития и движения вперёд.

Отрадно видеть, что всё большее количество наших современников начинает осознавать свои духовные истоки, ценить свою религиозную и культурную традицию. И сегодня торжество праздника разделяют не только те верующие, которые прочно укоренены в Православии, но и те, кто только находится на пути к обретению спасительной веры и, может быть, впервые переступает порог храма, сердцем откликаясь на Евангельский призыв.

Молитвенно желаю вам, Преосвященные владыки, всечестные отцы, дорогие братья и сестры, обильных милостей от Родившегося в Вифлееме Богомладенца Христа, дабы благодатью Божией умножилась ваша радость, уврачевались болезни и утешились скорби. Да будет свет Вифлеемской звезды путеводным для каждого из нас, и да благословит Господь труды на ниве благоустройства жизни Церкви, государств, в которых мы живём, и наших обществ, и да одарит всех нас неотступным пребыванием в Евангельской Истине.

Рождество Христово 2009/2010 г.
г. Москва

Дорогие жители Иркутской области,
читатели журнала «Иркутский Кремль»!

Примите искренние поздравления с Рождеством Христовым!

На протяжении многих столетий этот праздник дарит людям негасимый свет веры, надежды и любви. Он обращает нас к непреходящим ценностям, которые лежат в основе всей христианской цивилизации и питают православную культуру. Рождественские торжества приносят в нашу жизнь согласие и добрые помыслы, милосердие и взаимное уважение.

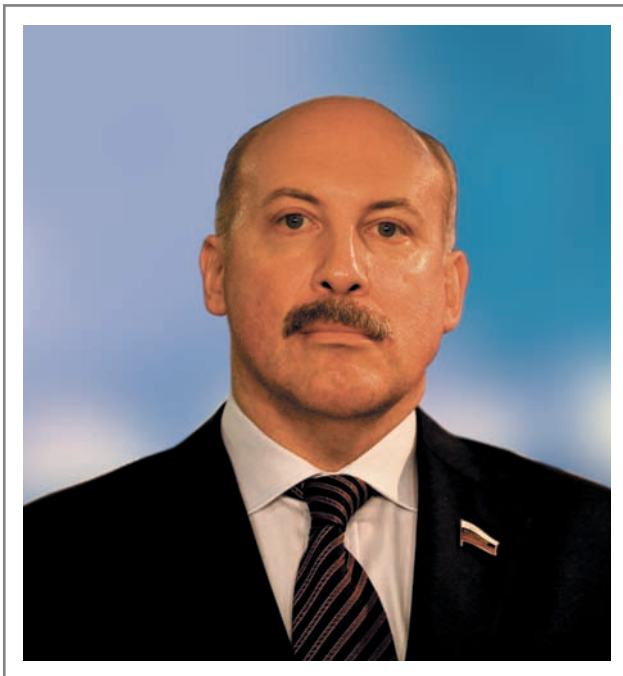
Сегодня представители Русской право-

Дорогие иркутяне,
читатели журнала «Иркутский Кремль»!

Поздравляю вас с Рождеством Христовым! Желаю всем достойной жизни, и чтобы достоинство жизни каждого выразалось не только в обретении земных благ, но и в бескорыстном и деятельном служении во благо ближнего, во славу и мощь Государства Российского, уже много веков прирастающего Сибирью.

Радуюсь вместе с иркутянами, что за месяц до Рождества Христова свершилось в Иркутске великое событие — из «мерзости запустения» возрождён в былом величии, в благодатной

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

славной церкви помогают нуждающимся, проявляют заботу о семье и детях, о нравственном здоровье общества и укреплении моральных устоев. Уверен, что постоянное внимание к этим важнейшим вопросам будет способствовать сохранению в Приангарье межрелигиозного согласия, утверждению идеалов добра, мира и справедливости.

От души желаю всем жителям Иркутской области, читателям журнала «Иркутский Кремль» крепкого здоровья, счастья, благополучия, всего самого доброго вам и вашим близким!

Дмитрий Мезенцев,
губернатор Иркутской области

красоте Михаило-Архангельский Харлампиевский храм. Освящён нижний предел, и отныне иркутяне могут исповедаться и причащаться и в этом старинном храме, возрождаясь душой к спасительной любви к Богу, к братьям и сёстрам.

Знаменательно, что двери храма открылись и для богослужения, и для православно-просветительской деятельности. Знаю о многих просветительских проектах Харлампиевского прихода, среди которых особо отмечу издание православно-исторического, литературно-художественного журнала «Иркутский Кремль» — журнала, призванного послужить возрождению в народе былой православной

духовности и народной нравственности. Многие лета журналу, а сотрудникам его и читателям человеческого счастья!

Александр Тишанин,
вице-президент
ОАО «Российские железные дороги»,
г. Москва

Позвольте и мне поздравить читателей и издателей журнала «Иркутский Кремль» с Новым годом и Рождеством Христовым!

Судьба этого общественно-православного журнала оказалась счастливой с первых же номеров. Журнал приняли читатели, у него нет недостатка в авторах.

Чуду Возрождения Харлампиевского храма, можно считать, сейчас предшествует кропотливая духовная работа подготовки прихожан.

Ещё раз с праздниками!

Валентин Распутин, писатель,
г. Москва

Братья и сёстры!
Читатели журнала «Иркутский Кремль»!

С Рождеством Христовым вас, с пожеланием любви, ибо сказано у Апостола Павла в Первом послании к Коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий». В том и призвание нашего православно-исторического, литературно-художественного издания: утверждать в людях веру, надежду, но прежде — любовь.

Редакция журнала «Иркутский Кремль»

Сибиряки,
читатели журнала «Иркутский Кремль»!

Когда-нибудь Сибирь откроет свою тайну, и тогда обнаружится, что это не просто древняя русская земля, но отчина и родительница русского народа, родное гнездо, к порогу которого мы возвращаемся, как блудные дети к матери своей, вспоминая себя, полузабытых. Только вернувшись в Сибирь, на свою исконную древнерусскую родину, мы и стали вновь великороссами. Пусть русскому народу не станет переводу.

С Рождеством Христовым, братья и сёстры!

Владимир Личутин, писатель,

Дорогие иркутяне,
читатели журнала «Иркутский Кремль»!

«Будьте единомысленны», — говорил Христос своим ученикам. Но все ли православные нашего времени являются Его учениками?.. Поэтому кроме мыслей о личном спасении, пусть нас объединяет мысль о спасении нашего земного Отечества. Пусть молитва о спасении России, переживающей очередную смуту, не покидает наших сердец. Вспомним слова Христа: «Я с вами во все дни до скончания века»... И чего же нам бояться, если с нами Бог?!

С Рождеством Христовым!

С любовью во Господе,
ваш Николай Зиновьев,
поэт,
Кубань

Дорогие иркутяне,
читатели журнала «Иркутский Кремль»!

С Рождеством Христовым вас, с пожеланием веры, надежды, любви! Рада, что в моём фильме «Верую» по мотивам рассказов Василия Шукшина были заняты и талантливые иркутские артисты, что после Шукшинского юбилея картина была представлена именно в городе Иркутске. Мне посчастливилось побывать в вашем старинном русском городе, и дай вам Бог сохранить его величавое благолепие, которое досталось от православного купечества, от вдохновенных мастеров.

Лидия Боброва,
кинорежиссёр,
г. Санкт-Петербург

• **ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕРЫ**

*Священник Евгений Старцев,
настоятель Михаило-Архангельской
Харлампиевской церкви,
главный редактор альманаха
«Иркутский Кремль»*

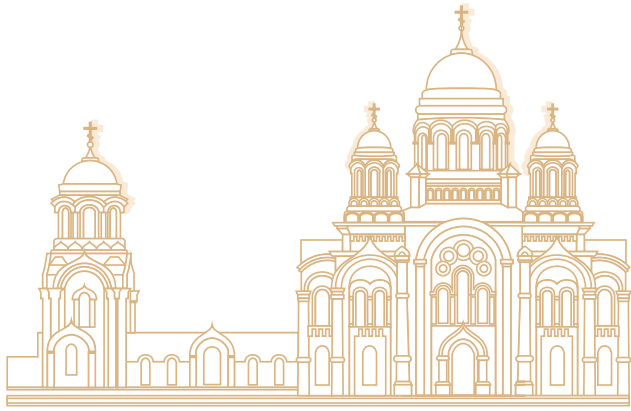
Напутное
Слово

фото Виктора Белевича

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕРЫ

Священник Евгений Старцев,
настоятель Михаило-Архангельской
Харлампиевской церкви,
главный редактор альманаха
«Иркутский Кремль»

Дорогие братья и сёстры,
уважаемые читатели «Иркутского Кремля»!

Поздравляю вас с Рождеством Христовым! Очередной номер нашего журнала готовился к выходу в свет в морозные январские дни, когда казалось, что долгожданное потепление неизвестно когда наступит и что зима нынче особенно сурова... Что-то похожее испытывали мы совсем недавно, когда со скорбью взирали на поруганный Харлампиевский храм, подчас уже не веря в его возрождение.

Однако случилось то, что не могло не случиться. 13 декабря, в воскресенье, в день святого апостола Андрея Первозванного мы стали участниками освящения нижнего придела храма — Михаило-Архангельского.

Ликовали сердца духовенства и прихожан, у многих видны были слёзы, когда великая симфония Божественной литургии вновь зазвучала под старыми сводами церкви.

Ещё один действующий храм появился в Иркутске. Просторный, светлый, благоукрашенный и величественный, способный вместить не одну сотню прихожан, он теперь уже многим по сердцу в нашем городе. И пусть ещё очень многое предстоит сделать, первый итог можно уже подвести. То, что людям не возможно, — Богу возможно!

И ведь всё так у русского человека, во всей его многовековой истории. Во время смуты и во время духовного своего возрождения, во время войн и недолгого мирного затишья — русский человек уверяется во Христе вновь и вновь лишь в соработничестве Ему... Каждый получит награду по своему труду. Ибо мы со-

работники у Бога (Пав., 1. кор. 3.9). Стоит лишь русскому отказаться от себя прежнего — безумного гордеца-безбожника, как он снова и снова будет одарён величайшими дарами Отца нашего Небесного. Или, говоря словами священномученика Иллариона, никакой человек, может быть, так не заглядывал в бездны отрицания, как человек русский. И никто ещё так щедро не был Им благодетельствован!

Без Веры и без Церкви вряд ли понятными будут очевидные эти истины. Но для того-то и восстанавливаются и строятся храмы, призывая к пробуждению веры в каждом из нас. И исключительно лишь заботой Божией о людях своих можно объяснить свершившийся факт возрождения Харлампиевской церкви.

Теперь нам хочется, чтобы Михаило-Архангельский Харлампиевский храм был полон людьми — молящимися, трудящимися во славу Божью и Отечества нашего, народа Российского. Нам надо всем вместе молитвенно возродить храм — и духовенству, и прихожанам. Двери храма должны быть открыты для всех тех, кто пытается свою собственную жизнь устроить духовно, примириться с Богом, найти в жизни её истинный смысл. Мир гибнет без Веры. Ибо, как тело без духа мертво, так и Вера без дел мертва! (Иак. 2.25).

фото: www.club.photo.ru

Человек должен не просто согласиться, что Бог есть, но должен прежде всего прийти к Богу, примириться с Ним, принять то, что Он предлагает, а Он в великом таинстве евхаристии предлагает Самого Себя. Вот это самое главное, к чему призвана церковь земная. Помочь человеку войти в ограду Церкви Небесной. Утвердиться в Духе и Вере ...но не на мудрости человеческой, а на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем... не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей (Пав. 1. кор. 2.6). Очень часто люди своей начитанностью и мудростью человеческой ограничивают своё сознание, оставаясь духовно слепыми. Вроде бы все мы видим, а причинно-следственную связь событий, происходящих вокруг нас, заботу о себе Божию мы ощущать не хотим. А видеть, что мир духовен — это видеть, в том числе, и материальные последствия, которые случаются по первопричине событий, происходящих в мире духовном. Первичен всё-таки Дух!

Мы знаем, где правда и куда идти, потому что мы идём к тысячелетнему опыту церкви, опыту русского народа. И знаем также, чем должны увенчаться наши земные человеческие отношения. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоанн. 13.35). Ту самую любовь, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит (Пав. 1 кор. 13.4). Вот к каким духовным вершинам зовёт нас Господь! И скажите, как постичь это без Церкви?!

Низкий поклон всем, кто славно потрудились на храме Божием! Кто приложил всё своё сердечное старание в непростых подчас условиях, кто пожертвовал свои средства — и большие, и малые — во славу Божию и к славе своей. Воистину не напрасно трудились зиждущие!

Пройдёт время, освятятся все приделы в нашем храме. Уйдёт в прошлое и забудется нынешняя суровая зима. Неизменным останется лишь любовь Божия к людям и наша сыновья по Нему печаль.

- **БОГОЯВЛЕНИЕ**

*Святитель Иоанн Златоуст,
архиепископ Константинопольский*

- **АРХАНГЕЛ МИХАИЛ –
КНЯЗЬ НЕБЕСНОГО ВОИНСТВА**

- **ЗАЖГЛАСЬ СВЕЧА**

- БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА**

*Слово на освящении нижнего придела
Михаило-Архангельского
Харлампиевского храма
Архиепископ Иркутский
и Ангарский Вадим*

- **ВОСКРЕСЕНИЕ ХРАМА**

Алёна Байбородина

- **ИННОКЕНТИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ –
2009**

Православие и российское образование

- **ПУТЬ ИРКУТСКОГО СВЯЩЕННИКА
ОТЦА ФЕОФИЛА –
«ДРУГА БОГА»**

*К пятидесятилетней годовщине
со дня кончины иркутского протоиерея
Феофила Сизой (1889–1961)
Александр Шарун*

- **ТВОРЧЕСТВО КАК ПЕЧАТЬ
БОГОПОДОБИЯ**

Иконописец Максим Красиков

БОГОЯВЛЕНИЕ

Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский

Скажем ныне нечто о настоящем празднике. Многие празднуют праздники и названия им знают, но повода, по которому они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, все знают, а какое это — Богоявление, и одно ли оно или два, этого не знают. А это постыдно — каждый год праздновать праздник и не знать его повода.

Поэтому прежде всего необходимо сказать, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое будущее, которое произойдёт со славой при кончине мира. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: «Явися благодать Божия, спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживём в нынешнем веце», — а о будущем: «ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (Тит. 2, 11–13). И пророк об этом последнем сказал так:

«солнце обратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели прийти Дню Господню великому и просвещённому» (Иоил. 2, 31). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Поэтому в этот праздник все, почерпнув воды, приносят

её домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своём не портится с течением времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два, и три года, остаётся неповреждённою и свежеею, и после долгого времени не уступает водам, только что почерпнутым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, Кто Он, об этом послушай Иоанна Крестителя, который говорит: «посреде вас стоит, Его же вы не весте» (Ин. 1, 26). И

Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда крестился; до этого дня Он не был известен народу.

удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня? «И аз, — говорит он, — не ведех Его: но Пославый мя крестити водою, Той мне рече: над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым» (Ин. 1, 33). Итак, отсюда видно, что — два Богоявления, а почему Христос приходит на крещение и на ка-

кое крещение Он приходит, об этом необходимо сказать: ибо и это необходимо знать, равно как и то. И наперёд надобно сказать вашей любви о последнем: ибо из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое преступление, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещённую законом, кто приходил от заражённого, кто общался с прокажёнными, тот омылся, и до вечера был нечист, а потом очищался. «Да омыет тело своё водою чистою, — говорится в Писании, — и нечист будет до вечера, и чист будет» (Лев. 15, 5; 22, 4). Это не были поистине грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их через это более благочестивыми, с самого начала приготавливал их к точнейшему соблюдению важнейшего.

Итак, иудейское омовение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, ибо оно освобождает от грехов, очищает душу и подаёт дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего: оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущими через себя от первого к последнему. Ибо Иоанн руководил не к соблюдению телесных очищений, но вместо них увещевал и советовал переходить от порока к добродетели и полагать надежду спасения в совершении добрых дел, а не в разных омовениях и очищениях водой. Иоанн не говорил: вымой одежду твою, омой тело твоё, и будешь чист, но что? — «сотворите плод достоин покаяния» (Мф. 3, 8). Поэтому оно было выше иудейского, но ниже нашего: крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения: оно заповедовало каяться, но не было властно отпускать грехи. Поэтому Иоанн и говорил: «аз крещая вы водою... Той же вы крестит Духом Святым и огнём» (Мф. 3,

11). Очевидно, что он не крестил Духом. Что же значит: «Духом Святым и огнём?» Вспомни тот день, в который Апостолам «явишася разделени языцы яко огненнии, и седе на едином коемждо их» (Деян. 2, 3). А что крещение Иоанново не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел, «обрет некия ученики, рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше? Они же реша к нему: но ниже, аще Дух Святой есть, слышахом. Рече же к ним: во что убо креститесь? Они же рекоша: во Иоанново крещение. Рече же Павел: Иоанн убо крести крещением покаяния», — покаяния, но не отпущения грехов; для чего же он крестил? «Людем глаголя; да во Грядущаго по нем веруют, сиречь в Христа Иисуса. Слышавше же креститесь во Имя Господа Иисуса: и возложу Павлу на ня руке, прииде Дух Святой на ня» (Деян. 19, 1-6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Ибо, если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского Крещения и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Итак, из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и

каким крещением? Ни прежним — иудейским, ни последующим — нашим; ибо Он не имел нужды в отпущении грехов; как это возможно для Того, Кто не имел никакого греха? «Греха, — говорится в Писании, — Он не сотвори, ни обретеса лесь во устех Его» (1 Пет. 2, 22); и ещё: «кто от вас обличает Мя о гресе?» (Ин. 8, 46). И Духу не была непричастна плоть Его; как это могло быть, когда она в начале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким крещением крестился Он, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? — Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился

Иудейское омовение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, ибо оно освобождает от грехов, очищает душу и подаёт дар Духа.

не по причине греха и не имея нужды в даре Духа; ибо, как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствовавших тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил: «Сотвори-те плод достоин покаяния», послушай, что он говорит Ему: «Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне» (Мф. 3, 8, 14)? Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он столько далёк был от нужды креститься по той же причине, сколько был выше и несравненно чище самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: «Иоанн убо крести крещением покаяния, да во Грядущаго по нем веруют» (Деян. 19, 4); это было следствием крещения. Если бы Иоанн подходил к дому каждого и, становясь у дверей, вызывал на улицу и, держа Христа, говорил: «Он есть Сын Божий», то такое свидетельство было бы подозрительно, и это дело было бы весьма затруднительно; также, если бы он, взяв Христа, вошёл в синагогу и показал Его, то и это опять сделало бы свидетельство его подозрительным; но когда весь народ стекался из всех городов к Иордану и оставался на берегах реки, когда и Сам Он пришёл креститься и получил свидетельство свыше гласом Отца и наитием Духа в виде голубя, то свидетельство о Нём Иоанна сделалось несомненным. Поэтому он и говорит: «и аз не видех Его», представляя свидетельство своё достоверным (Ин. 1, 31). Они были по плоти родственниками между собою: «се Елизавет, южика твоя, и та зачат сына», говорил Ангел Марии о матери Иоанна (Лк. 1, 36); если же матери были в родстве, то, очевидно, — и дети.

«Над Него же узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Нём, Той есть крестяй Духом Святым» (Ин. 1, 32–33)

Поэтому, так как они были родственниками, то, чтобы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провёл всё прежнее время своё в пустыне, чтобы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какой-либо подобной причине. Но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нём; поэтому он и говорит: «и аз не видех Его». Откуда же ты узнал? «Пославый мя, говорит, крестити водою. Той мне рече». Что Он сказал тебе? «Над Него же узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Нём, Той есть крестяй Духом Святым» (Ин. 1, 32–33). Видишь ли, что Дух Святой снизшел не как в первый раз тогда нисшедший на Него, но чтобы показать проповеданного и наитием Своим, как бы перстом, указал Его всем. По этой причине Он пришёл на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал: «Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?» — то Он отвечал так: «остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду» (Мф. 3, 14, 15). Видишь ли кротость раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит: «исполнити всяку правду»? Правдою называется исполнение всех заповедей, как говорится: «беста праведна оба, ходяще в заповедех Господних беспорочна» (Лк. 1, 6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл, не исполнил её, то приходит Христос и исполняет эту правду.

А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдой. Как Христос обрезался, принёс жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное, повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чём, послушай, как говорит Иоанн: «Пославый мя крестити водою» (Ин. 1, 33); также и Христос: «мытарию и людие оправдиша Бога, крещеся крещением Иоанновым; фарисее же и законницы совет Божий отвергоша о себе, не крещаша от него» (Лк. 7, 29, 30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал

Кустодиев Б.М. «Крещенское водосвятие», х.м., 1921 г.

Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всеми другими заповедями исполнил и эту. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев: это-долг, который род наш должен был уплатить; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть. Пришел Христос и, нашедши нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил от неё тех, которые не могли уплатить. Поэтому Он не сказал: «нам должно сделать то и то», но «исполнити всяку правду». «Мне, Владыке имеющему, — говорит Он, — надлежит уплатить за неимеющих». Такова причина Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина и та, о которой сказано прежде этой. Поэтому и Дух нисшёл в голубя; ибо где — примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принёс масличную ветвь — знак человеколюбия Божия и прекращения потопа, и теперь в виде голубя, а не в теле, — это особенно должно заметить, — нисшёл Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит: «Аще не обратитесь, и будете яко дети, не увидите в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Но тот ковчег, по прекращении потопа, остался на земле, а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это Непорочное и Нетленное Тело находится одесную Отца.

Упомянув о Теле Господнем, скажу немного и об этом, и потом окончу речь. Многие ныне приступят к Священной Трапезе по случаю праздника. Но некоторые приступают не с трепетом, а толкаясь, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, перебивая ближних, с великим смятением... Чем, скажи мне, смущаешься ты, человек? Что беспокоит тебя? Необходимые дела, конечно, призывают тебя; в этот час ты особенно сознаёшь, что у тебя есть дела, особенно помнишь, что ты находишься на земле, и думаешь, что обращаешься с людьми? Но не каменной ли душе свойственно думать, что в такое время ты стоишь на земле, а не ликуешь с Ангелами, с которыми ты возносишь победную песнь Богу? Для того Христос и назвал нас

орлами, сказав: «идеже труп, тамо соберутся орли» (Мф. 24, 28), — чтобы мы восходили на небо, чтобы парили в высоте, возносясь на крыльях духа; а мы, подобно змиям, пресмыкаемся во прахе и едим землю. Быв приглашён на обед, ты, хотя бы и прежде других насытился, не осмеливаешься выходить прежде друзей, когда другие возлежат ещё; а здесь, когда ещё продолжается священнодействие, ты в самой середине оставляешь всё и выходишь? Достойно ли это прощения? Какое может быть оправдание? Иуда, приобщившись последней вечери в ту последнюю ночь, поспешно вышел, тогда как все прочие возлежали. Вот кому подражают и те, которые выходят прежде последнего благодарения! Если бы он не вышел, то не сделался бы предателем; если бы не оставил соучеников, то не погиб бы; если бы не удалился от стада, то волк не захватил бы его одного

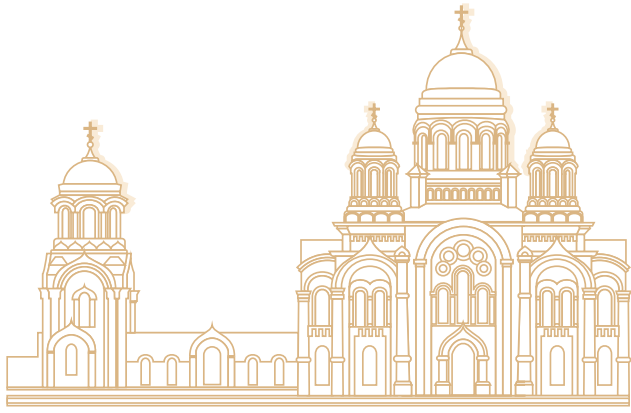
Когда Иоанн сказал: «Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?» — то Он отвечал так: «Остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду» (Мф. 3, 14, 15).

и не пожрал бы; если бы он не отделился от Пастыря, то не сделался бы добычей зверя. Поэтому он (Иуда) был с иудеями, а те (апостолы) с Господом вышли, воспевая. Видишь ли, по какому образцу совершается последняя молитва после жертвоприношения? Будем же, возлюбленные, представлять себе это, будем помышлять об этом, страшась предстоящего за то осуждения. Будем присту-

пать к Священной Жертве с великим благоговением, с надлежащим благоговением, чтобы нам заслужить большее благоволение у Бога, очистить свою душу и получить вечные блага, коих да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, и держава, и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

**АРХАНГЕЛ МИХАИЛ —
КНЯЗЬ НЕБЕСНОГО
ВОИНСТВА**

«Святой Архангел Михаил,
защити нас в борьбе,
не дай нам погибнуть на страшном суде».

Архангел Михаил — один из высших ангельских чинов. Слово «ангел» на греческом языке значит «вестник». Согласно Священному Писанию, Бог через ангелов сообщает людям о своей воле. Приставка «архи» к некоторым ангелам указывает на их более возвышенное служение сравнительно с другими ангелами.

Имя Михаил переводится — «Кто, как Бог». Священное Писание, повествуя о явлении ангелов христианам, собственным именем называет только тех, которые несут особую миссию в утверждении Царства Божия на земле. Существует семь архангелов, одним из которых является архангел Михаил.

Архангел Михаил в Священном Писании именуется «князем», «вождём воинства Господня» и изображается, как главный борец против дьявола и разного беззакония среди людей. Отсюда его церковное именование «Архистратиг», т. е. старший воин, вождь. Так, архангел Михаил явился Иисусу Навину в качестве помощника, при завоевании израильтянами Обетованной земли. Он явился пророку Даниилу в дни падения Вавилонского царства и начала созидания Мессианского царства. Даниилу было предсказано о помощи народу Божию со стороны архангела Михаила в период предстоящих преследований при Антихристе. В книге «Откровения» архангел Михаил выступает как вождь в войне против дракона-дьявола и прочих взбунтовавшихся ангелов. «И произошла война на Небе: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось им места на Небе. И низвержен

был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной». Апостол Иуда кратко упоминает об архангеле Михаиле, как о противнике дьявола (Нав. 5, 13; Дан. 10; 12, 1; Иуд. 9; Откр. 12, 7-9; Лк. 10, 18). Церковь почитает архангела Михаила как защитника веры и борца против ересей и всякого зла.

* * *

Указание на роль Михаила в битве добра и зла повлияло на многие эсхатологические христианские труды. Согласно христианской этике Архистратигу Михаилу Богом была дарована не только победа над сатаной, но и роль судьи на Страшном суде, на который он призовет души трубным гласом. Тема архангела Михаила, взвешивающего на Страшном суде души грешников, стала традиционным мотивом иконографии Страшного суда, а сам архангел Михаил приобрёл роль покровителя умерших. Это представление об архангеле Михаиле нашло своё отражение и в его гимнографии: «Святой Архангел Михаил, защити нас в борьбе, не дай нам погибнуть на страшном суде».

* * *

Образ архангела Михаила присутствует во многих христианских апокрифах: «Евангелие от Никодима» (IV век) сообщает, что Михаилу Иисус Христос после сошествия в ад вверил души томившихся в нём праведников, чтобы отвести их в рай. «Откровение Павла» (конец IV века) указывает на то, что архангелу Михаилу Богом вменяется совершение ритуального омовения душ покаявшихся умерших перед тем как они входят в Небесный Иерусалим: «И сказал я архангелу: «Что сие, господин мой?» И говорит он мне: «Сие есть Ахеронтово озеро, внутри же его — град Божий. Не всем дозволено войти в этот град, разве только покаявшись в грехах своих. Когда же человек покается и преставился от жизни, предаётся он Михаилу, и бросают его в Ахеронтово озеро, и уж затем приносит его оно ко граду Божию в соседство к праведникам». «Хождение Богородицы по мукам» (X век) представляет Михаила как проводника Пресвятой Богородицы Девы Марии по аду, который показывает и объясняет ей причины мучений грешников. В начале апокрифа приводятся хайретизмы по подобию акафиста, в которых Царица Небесная так обращается к Михаилу: «Радуйся, архистратиг Михаил, слуга незримого Отца, радуйся, архистратиг Михаил, собеседник Сына Моего, радуйся,

архистратиг Михаил, слава шестикрылых, радуйся, архистратиг Михаил, правящий всеми и у престола Господа стоящий по достоинству, радуйся, архистратиг Михаил, имеющий вострубить и пробудить от века почивших, радуйся, архистратиг Михаил, первый из всех вплоть до престола Божия».

«Апокрифическое Откровение Иоанна Богослова» рассказывает, что архангелы Михаил и Гаврил по указанию Бога вострубят в рога бараньи и «от гласа трубы той сотрясётся вся земля, как предрекал пророк: И от гласа воробьиного восстанет всякая трава, — то есть от гласа архангела восстанет всякое естество человеческое». Таким образом архангелы призывают людей на Страшный суд.

К архангелу Михаилу обращаются с молитвами об исцелении. Это связано с почитанием Михаила Архангела как победителя злых духов, которые являются источником болезней. Во многих местах Малой Азии существуют целебные источники, посвящённые святому Михаилу. В Константинополе святой Михаил также почитался как великий небесный исцелитель и его главная святыня — Михалион, находился примерно в 80 км от столицы Византийской империи (в этом месте он по преданию явился императору Константину).

По христианской этике херувимом, вооружённым мечом, у врат рая стоял архангел Михаил. В частности, этот сюжет включается в его житийные клейма в православных иконах. На ряде икон нимб архангела Михаила состоит из растительного орнамента, что символически указывает на то, что он небесный страж, стоящий у врат рая.

* * *

Существует множество легенд о чудодейственной силе архангела Михаила. Так, согласно легенде, во Фригии, недалеко от города Иераполя, был храм, посвящённый архангелу Михаилу, построенный одним из жителей города в благодарность за исцеление его дочери водами целебного источника, располагавшегося на том месте. В этом храме в течение 60 лет служил пономарём Архипп Херотопский, прославившийся своей добродетельной христианской жизнью. Язычники, питая злобу к Архиппу, решили уничтожить храм и одновременно убить Архиппа. Для этого они соединили в один по-

ток две горные реки и направили его на храм. Архипп начал молиться архангелу Михаилу о предотвращении бедствия, и тогда около храма появился святой Михаил и, ударив жезлом по горе, открыл в ней широкую расселину, куда устремились воды потока, и храм остался неприкосновенным. Место, где совершилось это чудо, получило название Хоны.

В 590 году в Риме свирепствовала чума. Папа Григорий Великий проводя торжественное шествие с молебном об избавлении города от эпидемии увидел на вершине мавзолея Адриана архангела Михаила, вкладывающего свой меч в ножны. После этого начался спад эпидемии. В память об этом событии на вершине мавзолея была установлена скульптура архангела Михаила, а сам мавзолей с X века стал называться замком святого Ангела.

* * *

При осаде в 630 году итальянского города Сипонта лангобардами архангел Михаил явился в видении епископу этого города и ободрил утрашённых жителей, пообещав им свою помощью победить и изгнать врагов. Предание гласит, что лангобарды услышали сильный гром и увидели облако, сходящее на гору Гарган с огнём, дымом и молниями. Это утрашило их и обратило в бегство. Узнав о явлении архангела Михаила, они отказались от арианской ереси. Согласно святоотеческому преданию, архангел Михаил спас рядом с Афоном одного отрока, которого злоумышленники хотели утопить, чтобы получить найденную им богатую сокровищницу. В память об этом чуде на Афоне Дохиаром, царедворцем болгарским, был построен храм в честь архангела Михаила, а найденное отроком золото пошло на его украшение.

Чудо о спасении в 1239 году Новгорода от нашествия войск хана Батыя описано в Волоколамском патерике (первая половина XVI века). Патерик повествует, что Бог и Богородица защитили город явлением архистратига Михаила, запретившего Батыю идти на Новгород. Когда же Батый в Киеве увидел фреску с изображением Михаила, то сказал: «Сей ми възбрани поити на Великий Новъгородъ».

По преданию, возникшему на Балканах, архангел Михаил обучил мучеников Флора и Лавра искусству управлять лошадьми. Предание оказало влияние на иконографию данных

святых — они изображаются с конями, поводья которых держит в руках архангел Михаил.

Изображение архангела, начиная с X века, неизменно присутствует на боевых знамёнах.

В иконописи Архангел Михаил часто изображается с тростью-копьем в одной руке и особой сферой-зерцалом (символ предвидения, переданного Архангелу Богом) в другой. На более поздних иконах Михаил может изображаться попирающим ногами дьявола, в левой руке как победитель держит зелёную финиковую ветвь, в правой — копье с белой хоругвью, на которой начертан червлёный крест (символизирует победу Животворящего Креста над дьяволом) либо держит в руках пламенный меч и щит. Начиная с XII века изображения архангела Михаила появляются в композиции страшного суда, он изображается грозным воином с весами, одну чашу которых пытается перевесить дьявол. Иногда Михаил изображался как сопроводитель душ умерших на Страшный суд, взвешивающий грешные и праведные дела людей.

Также Михаил может быть представлен как архистратиг Сил Небесных, облачённый в воинские доспехи, либо скачущим на коне. Архангел Михаил часто изображается на северных дверях иконостаса, в деисусном чине иконостаса и в составе так называемого «ангельского деисуса». Из икон, посвящённых Михаилу, можно отметить «Чудо Архистратига Михаила в Хонех», «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» и «Собор Архангела Михаила». Архангел Михаил сыграл огромную роль в православной архитектуре. Около двадцати церквей, более десяти соборов в России и за рубежом носят имя архангела.

Кроме того, он изображён в качестве одного из щитодержателей на Гербе Российской империи (второй — архангел Гавриил). Архангел Михаил считается небесным покровителем Архангельска (который получил в честь него своё имя), Киева, а также ряда других городов и изображён на их гербах.

В начале IV века Русская Православная Церковь установила праздник «Собора» (т. е. совокупности) святых ангелов во главе с архангелом Михаилом 8 ноября (по новому стилю 21 ноября). Кроме того, 19 сентября (6 сентября по старому стилю) утверждён православный

праздник в воспоминание чуда архангела Михаила в Хонех (Колоссах).

* * *

В 1908 году в России, когда страну захлестнула богоборческая революционная бесовщина, во имя спасения Русского Царства был создан монархический «Русский народный союз имени Михаила Архангела», который выделился из «Союза русского народа». Основным руководящим органом была избираемая на собраниях на три года Главная палата из 14 членов (находилась в Петербурге); отделы союза имелись в Москве, Одессе, Киеве и многих других городах. Программа в значительной степени совпадала с программой «Союза русского народа», но признавала необходимость Государственной думы, избранной по закону 3 июня 1907 года (при полном лишении избирательных прав евреев и ограничении представительства Польши и Кавказа), поддерживала аграрную политику П.А. Столыпина. «Русский народный союз имени Михаила Архангела» выступал в периодической печати (газета «Колокол», еженедельники «Прямой путь» и «Зверобой»), распространял книги и брошюры, проводили собрания, беседы, массовые антисемитские кампании. С падением русского самодержавия (февраль 1917), с захватом российской власти американскими и германскими революционными евреями во главе с Лениным и Троцким, деятельность монархического «Союза...» была запрещена, а представители его были подвергнуты жесточайшим репрессиям.

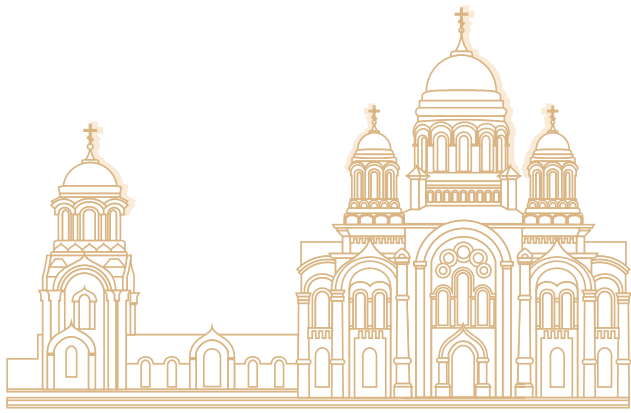
По материалам сайтов «Православие.ru», «Википедия — свободная энциклопедия», «Большая Советская энциклопедия».

Информационный центр
«Иркутский Кремль»

ЗАЖГЛАСЬ СВЕЧА БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

фото издательства «Иркутский Кремль»

Архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим

Слово
на освящении нижнего придела
Михаило-Архангельского
Харлампиевского храма

Всечестные отцы,
дорогие братья и сестры!

Это великое событие для нашего города и всей области. Это необычайная радость — возродился ещё один храм, словно зажглась свеча, называемая храмом Господним, которая восходит от земли к небу, являясь местом особого присутствия Божия. Ведь храм благочестия — самое главное строение на земле. Неслучайно, когда казаки покоряли сибирские земли, с ними шли священники, и совместными усилиями они воздвигали здесь прежде всего храм. Храму, как месту Бога, живущего и сущего, отводили первостепенное значение. И под сенью храма, под его благодатным покровом проходила вся их жизнь.

Сегодня, дорогие братья и сестры, наверно, уже не осталось среди нас свидетелей закрытия Михаило-Архангельского Харлампиевского храма. Но все мы были свидетелями тому, каким был храм до восстановления. Когда мне в течение всего епископского срока пребывания на Иркутской кафедре доводилось проходить мимо этого храма, кровью обливалось сердце, потому что видел я здесь «мерзость запустения, стоящую на святом месте» (Мф.24:15). Но, к счастью, святыня неомрачима. Как золото, где бы оно ни находилось, стоит лишь его поднять и стряхнуть с него пыль, как оно тут же засияет для нас тусклым золотым светом.

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм не был передан Иркутской Епархии, а когда его всё же нам передали, то оказалось, что финансовых возможностей для восстановления храма нет. Мы прекрасно понимали, что весь объём необходимых работ должен быть сделан в одночасье, моментально, как можно скорее, чтобы храм не разрушился.

Действовавший тогда глава региона Борис Александрович Говорин создал авторитетную комиссию, чтобы исследовать этот храм. И вот, когда мы пришли сюда, а это было зимнее время, мы увидели изнутри небо. Мы увидели все разрушения и трещины, в одну из которых я даже смог протиснуться и выйти наружу. Существенно был нарушен фундамент храма, потому что здание стояло открытым, и рекой лились дождевые воды, которые подмывали основание храма. Кроме того, был повреждён водопровод, и вода хлестала месяцами, подмывая устои, на которых зиждился святой храм.

И вот один из авторитетных членов комиссии Ю.А. Шкуропат говорит: «Я как строитель прямо вам скажу, что восстановить этот храм — невозможно. У него нет связки даже в кирпиче. И потому лучше не думать о его восстановлении. А можем сделать только одно, если хотим,

чтобы храм был, — снести этот храм и построить на его месте абсолютно новый».

Но кто бы из нас на это решился, у кого бы поднялась рука это сделать?! Мы видели жутчайшие разрушения, но сердце говорило, это делать нельзя ни в коем случае, иначе будет уже не древний храм, а полный новодел. Этот будет не тот храм, который веками намолен нашими отцами, бабушками, прадедами, пра-родителями, а совсем иной, новый храм, и не будет той дивной истории, которая свидетельствовала о древности этого храма. Храм решили не сносить, но и средств для его восстановления не имелось, ведь нужны были огромные деньги.

* * *

Когда пришёл сюда губернатор Тишанин Александр Георгиевич, я поведал ему о проблеме восстановления этого храма. И совершенно неожиданно, такова была милость Божия, промысел Божий, он действительно ухватился за эту идею и сказал, что готов покровительствовать храму.

Изначально, вы прекрасно понимаете, это здание является государственным, и тем не менее, за бюджетные средства нельзя было его восстанавливать. И тогда был создан фонд «Развитие Приангарья», из этого фонда часть средств шла на восстановление храма.

И храм воздвигался, восстанавливался, реставрировался, приводился в порядок такими темпами, которые не знало строительство ни одного объекта в Иркутске. Потому что здесь была выполнена колоссальная работа. И это в основном благодаря патронажу Александра Георгиевича Тишанина, который бывал здесь очень и очень часто. Нередко его рабочий день начинался именно с осмотра Харлампиевского храма. И конечно, те средства, которые собирались, были использованы строго по назначению. То, что представлялось нам в качестве проделанной работы, мы видели воочию. Да и по документам, я могу вам свидетельствовать, что здесь, в храме, всё было абсолютно честно. Потому что у Александра Георгиевича есть страх Божий, и он хотел, чтобы храм был восстановлен.

Так уж промыслительно случилось, что здесь ранее трудился отец Василий Комарницкий и проделал огромную работу по очистке

храма. Сколько отсюда было вывезено мусора — не поддаётся исчислению. Трудно даже представить, что здесь творилось. Когда убрали все советские надстройки и перекрытия, освободили от них храм, то вдруг увидели, что огромные трещины, через которые мог протиснуться человек, сошлись. Нагрузка была дана другая, и здание превратилось в более монолитное и цельное. Я благодарен отцу Василию, что он тогда принимал все усилия, чтобы сохранить этот святой храм.

Промыслу Божию было угодно, чтобы здесь, в наших краях, появился и отец Евгений Старцев, которому губернатор Тишанин, доверяя, поручил с нашего согласия дальнейшее восстановление храма. Работа закипела. И делалось всё на совесть, и такими объёмами и темпами, которые нам не представлялись возможными. И с отличным качеством.

* * *

Много было различного рода искушений, различного рода инсинуаций вокруг храма, особенно с уходом Александра Георгиевича Тишанина. Многие пытались обвинить губернатора в том, что здесь, в святом храме, он отмывал деньги каким-либо образом. Я не могу ручаться за деятельность всего аппарата губернатора, но могу сказать, что здесь, на восстановлении храма, ни одна копейка не была потрачена вотще. Была создана парламентская комиссия. Мне стыдно говорить о тех выводах, которые она сделала. В угоду не знаю каким деятелям некоторые члены комиссии стали говорить, что средства расходовались неподобающим образом. Чтобы показать, что это так, пустились даже на подложные документы. Если мы, положим, затратили на огромные канализационные работы 2,1 миллиона рублей, то в комиссии запятую поставили после 21 миллиона рублей. А когда говорилось о больших окнах, они спрашивали, разве могут эти окна стоить 3000 рублей, а это стеклопакеты, сделанные из натурального дерева. И тогда им говорили: обратитесь в любую фирму, узнайте — сколько они стоят. Потом они понуро свидетельствовали, что таких цен давно не существует.

Но это всё подрывало темпы строительства. И в результате мы оказались должны подрядчикам, которым не успел Александр Георгиевич выплатить деньги. И только какая-то часть уже

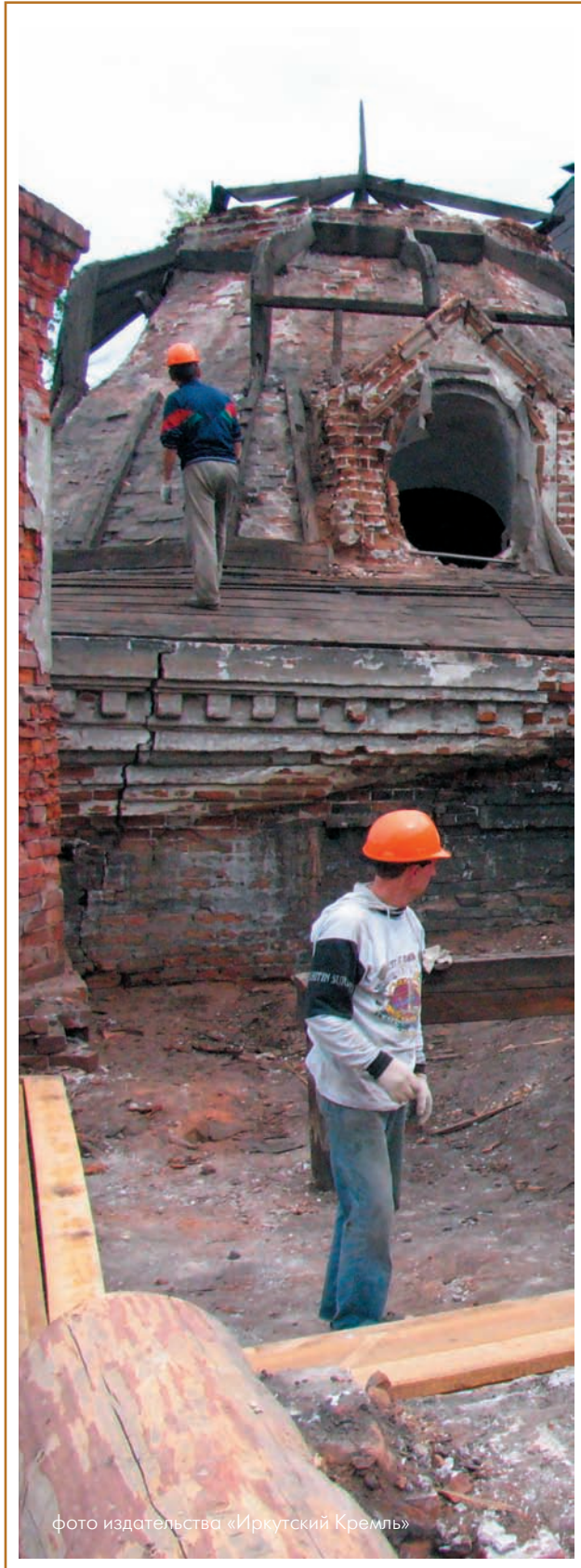

фото издательства «Иркутский Кремль»

при следующем губернаторе Есиповском была перечислена на погашение этого долга. Затем перечислил и нынешний губернатор, который также заботится о благоуукрашении и благоустройстве этого храма и был восхищён тем объёмом, который здесь сделали, потому что он, будучи сенатором от нашей области, видел это полуразрушенное здание, и оно мозолило ему глаза.

И сейчас у нас образовался долг перед подрядчиками, который мы постепенно по суду реструктурировали, постепенно выплачиваем, и первые транши в этом месяце уже оплачены. Оплачены во многом благодаря жертвователям, которые вносили свои деньги для того, чтобы завершить основные восстановительные работы, потому что сбой темпов восстановления грозил необратимым разрушением храма. Так, накануне землетрясения я говорил в областной администрации, что нельзя приостанавливать работы, — у нас в подвешенном состоянии находится главный купол. Малейшее землетрясение подействует на весь храм, и храм будет разрушен. Не удалось уговорить сразу. Когда всё-таки случилось землетрясение, мы молились о том, чтобы не рухнул купол и не натворил множество бед. И по промыслу Божию купол устоял.

И хотя жертвователи помогли нам избавиться от беды, у нас остаётся задолженность перед строителями. И тем не менее, если бы мы вернулись к разговору о судьбе этого храма и если бы знали, что предстоит нам пройти, — оказаться в должниках, когда зачастую вопрос так решается: либо ты платишь, либо твоё место в местах заключения, — и в этом случае, поверьте, мы всё равно взяли бы за восстановление храма. Потому что понимали — другого выхода нет, и всё мы сможем во укрепляющем нас Иисусе Христе по слову апостола Павла.

Это действительно так: святой храм был восстановлен по благословению и с Божией помощью. Зажглась свеча божественного света.

* * *

В силу сложившейся ситуации и понимая, что здание живёт тогда, когда в нём находятся люди, когда они молятся здесь, мы решили: откроем сначала нижний храм, для того чтобы в нём совершались богослужения. Средства, ко-

торые будут собираться здесь, и добровольные пожертвования пойдут на погашение долга и дальнейшее благоустройство храма.

Я говорил Его Святейшеству Святейшему Патриарху Кириллу о сложившейся ситуации. И он обещал в 2011 году посетить город Иркутск, и возможно, что в программе его посещения будет и освящение этого храма полностью, и верхнего его Успенского придела. И мы надеемся, что так и произойдёт. И, надеюсь, мы с помощью Божией подготовим храм уже полностью. И я думаю, что и с вашей помощью, вашими молитвами, вашим предстательством и помощью нашей Церкви, эту задачу мы выполним.

Мне хотелось бы выразить искреннюю признательность и молитвенную благодарность прежде всего Александру Георгиевичу Тишанину. Земной ему поклон. Потому что благодаря ему были произведены эти работы. Земно хочется поклониться и отцу Евгению Старцеву, который здесь пребывал и днём и ночью, трудился, не покладая рук. Земно нужно поклониться и отцу Василию Комарницкому, который на начальной стадии прилагал все усилия для того, чтобы святой храм был очищен и в нём начались богослужения. Мой земной поклон и Алексею Павловичу Козьмину, который, возглавляя фонд «Развитие Приангарья», способствовал тому, чтобы храм восстановился. Мой земной поклон и всем вам, дорогие меценаты, что щедро жертвовали, чтобы завершить работы уже начатые, и сейчас не перестают жертвовать для того, чтобы восстановление храма продолжалось. Земно мы кланяемся вам, дорогие братья и сестры, которые своими молитвами, своим молитвенным предстательством вымаливают у Господа ту благодатную помощь, без которой не было возможным дело совершившееся.

И сегодня мы обращаемся к вам и со своими молитвами, и с просьбами оказать ту сильную помощь, чтобы завершить этот храм во всём блеске и красоте. И мне думается, что он будет украшением не только Иркутску, но и всей Иркутской земле. Потому что мы восстанавливаем храм, в котором продолжается история, не прерываясь, ибо это не вновь отстроенный, а возрождённый древний храм, свидетель трёхвековой истории Иркутска.

фото издательства «Иркутский Кремль»

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРАМА

Алёна Байбородина

История храма

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм был построен в 1738 году на средства мореплавателя и торговца Емельяна Югова. Тогда она была деревянной, а в 1777 году началось строительство каменного здания храма. Храм имеет несколько приделов, в том числе во имя архистратига Михаила и священномученика Харлампия, поэтому церковь именуется Михаило-Архангельской Харлампиевской. В едином комплексе с церковью была возведена колокольня, на которую в 1797 году был водружён большой колокол весом — 263 пуда 20 фунтов. В те времена самой большой бедой для иркутских зданий были постоянные пожары. Один из них не пощадил и Харлампиевский храм, которая значительно пострадала от огня в 1879 году. Выгорели верхние приделы, колокольня и ограда. Но храм был восстановлен силами иркутских меценатов и обычных прихожан.

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм имеет большое значение для истории России. Частыми прихожанами церкви были путешественники и мореплаватели, путь которых проходил через Восточную Сибирь в далёкие страны. В храме получали благословение моряки, отправляющиеся на Алеутские острова, Камчатку, в Америку и Японию. Благодаря этому храм ещё называли «морским». Да и в декоре фасада храма — картуши, символизирующие карты. В числе прихожан церкви был известный морской путешественник Григорий Шелихов, здесь венчался адмирал Колчак. Велико просветительское значение храма. В разное время при церкви существовали богадельня, школа, приют для слепых и другие социально-значимые учреждения.

В декабре 1917 года храм стал крепостью для юнкеров в их сопротивлении большевикам.

В годы революции храм был частично разрушен, а в 1932 году закрыт после соответствующего постановления ВЦИК. В советское время здание храма использовалось под общежитие и библиотеку. В 1995 году указом президента РФ церковь была объявлена памятником культуры федерального значения и принята под государственную охрану, а в 1998 году здание храма возвращено Иркутской Епархии.

Православные храмы — основа духовной русской жизни. Храмы, что разрушены временем или безбожной идеологией, напоминают потухшие свечи — и обогрели бы светом Любви Божьей живущих на земле, вселили веру в бессмертие души и подарили мудрость не от мира сего, да люди обходят их стороной. Такая судьба была и у Михаило-Архангельского Харлампиевского храма. Долгое время храм разрушался на глазах иркутян, и сгинул бы с лица земли, если бы не молитвенные обращения к Богу православных иркутян, если бы не труды братьев и сестёр. С верой и молитвой разрушенный храм был восстановлен и засиял праздничными белыми сводами и золотыми куполами. Видеть восстановленный Михаило-Архангельский Харлампиевский храм во всём его великолепии — это поистине чудо! Ведь храм был настолько разрушен, что всех, кто говорил о его реконструкции, называли не иначе как авантюристами.

Праздник для всех православных

Двери возрождённого Михаило-Архангельского Харлампиевского храма открылись для прихожан 13 декабря 2009 года. В этот день архиепископ Иркутский и Ангарский высокопреосвященнейший Вадим освятил Михаило-Архангельский придел храма. Храм ещё не полностью восстановлен — завершается ремонт фасадов, сдан первый этаж, осталось провести необходимые отделочные работы на втором и цокольном этажах.

На торжественном освящении придела был установлен престол, как знак вселения Бога в храм, омовение и миропомазание, облачение и освящение престола, была отслужена божественная литургия. Во время службы была также совершена хиротония во диаконы. В этот день в обновлённом храме собралось более 300 иркутян. Владыка Вадим наградил благодарственными дипломами всех, кто тру-

дился над восстановлением храма, и выступил с поздравительной речью:

— Это великое событие для нашего города и всей области. Это необычайная радость — возродился ещё один храм, словно зажглась свеча, называемая храмом Господним, которая восходит от земли к небу, являясь местом особого присутствия Божия. Ведь храм благочестия — самое главное строение на земле. Неслучайно, когда казаки покоряли сибирские земли, с ними шли священники, и совместными усилиями они воздвигали здесь прежде всего храм. Храму, как месту Бога, живущего и сущего, отводили первостепенное значение. И под сенью храма, под его благодатным покровом проходила вся их жизнь.

Выступил на открытии храма и священник Евгений Старцев, руководивший восстановлением храма:

— Сегодня возрождён храм, который многие годы находился в поруганном, полуразрушенном состоянии и казалось, что не будет у нас более ни сил, ни средств, чтобы его спасти. Но явилась воля Божия, нашлись средства, и благословением правящего архиерея и молитвами прихожан, приходивших в полуразрушенный храм, — случилось преобразование и возрождение. В каждом из нас случается такое, когда человек обращается к Богу и обретает его в сердце своём. Всякий человек, обретающий Православие, преобразуется и становится не поруганным, полуразрушенным и ветхим, а преображённым, готовящимся к жизни с Богом в жизни вечной.

В этот день было много поздравлений — от тех, кто оказывал финансовую помощь в реконструкции храма, от тех, кто молился за его восстановление, от прихожан церкви.

— Это упрёк властям города, что в самом центре Иркутска, где горожане проводят много времени, стоял развалившийся храм и, фактически, погибал на наших глазах, — сказал в интервью генеральный директор ООО «Сибатом», член Союза писателей России Виктор Бронштейн. — Ещё бы одно землетрясение, и храм окончательно превратился бы в руины на глазах всего города. Отрадно, что мы не дали погибнуть и сгинуть с лица земли самому масштабному, величественному и одному из самых старинных иркутских храмов. Здесь венчался знаменитый Колчак, который внёс большой вклад в историю России, в этом храме участники морских экспедиций получали благословение.

В речах прихожан звучала единая мысль, что восстановление храма — Промысел Божий. Мало кому верилось, что столь скоро поднимется разрушенный храм и белой красой засияет над городом. Прихожане выражали надежду, что в сём храме возродится православная общинная жизнь, которой и жив был всегда русский человек, и жива была Россия. Ибо русская идея — Святая

фото Виктора Белевича

Русь, слившая сердца людей воедино в любви к нашему Господу Богу Иисусу Христу.

От проекта до воплощения

История реконструкции церкви началась в 2003 году при губернаторе Борисе Говорине. В то время настоятелем храма был отец Василий Комарницкий. Тогда из регионального бюджета выделили средства на создание проекта храма. Проект был подготовлен, но затем выяснилось, что он имеет ряд существенных недостатков.

Отец Евгений рассказал и о главном «попроке» первого проекта реконструкции. В ходе работ предполагалось просто уничтожить часть храма, ту, что, по мнению авторов проекта, не поддаётся восстановлению. В частности, проект подразумевал демонтаж всей северной части храма, то есть двух приделов — Харлампиевского и Жён мироносиц. Решиться на уничтожение половины храма никто не отважился бы — это уже походило бы на богоборческий акт, а потому было принято решение изменить концепцию реконструкции храма.

— В том, что второй проект реконструкции храма был успешно реализован, есть несколько причин, — сказал отец Евгений. — И первая — усердная молитва православных иркутян. Владыка называл этот храм «моя стена плача», проезжая мимо него и видя, как он разрушается. Кроме того, это была воля действующего тогда губернатора Александра Георгиевича Тишанина, потому что ему было очевидно, как инженеру, что здесь затраты предстоят огромные. Сметная стоимость проекта — 400 млн рублей. Это была решимость человека, который, не оглядываясь на политическую конъюнктуру, вышел на крупные компании и попросил у них финансовой поддержки. Надо отметить, что на реализацию проекта не было потрачено ни одного бюджетного рубля. Мы не хотели, чтобы из региональной казны нам перечисляли средства в ущерб пенсионерам, малоимущим и другим социальным категориям граждан, нуждающимся в государственной поддержке. Все средства, затраченные на восстановление храма, это добровольные пожертвования людей и организаций, в том числе внебюджетного фонда «Развитие Приангарья», из которого было выделено в общей сложности около 100 млн рублей. Существенную помощь оказал и известный меценат и поэт Виктор Владимирович Бронштейн, придя на помощь в самое тяжёлое время.

По словам священника Евгения Старцева, проект реконструкции храма был создан по традиционной технологии. В основание залили новый фундамент, из-за экономической целесообразности кровлю положили медную, а не железную, как была раньше в храме, поскольку она служит дольше. Шпиль украсила позолота, купола церкви, кресты — с золочением. Окна и двери храма были сделаны из прочного

фото издательства «Иркутский Кремль»

фото издательства «Иркутский Кремль»

материала — красного дерева, изделия из которого могут сохранять свой вид очень долго.

Однако из-за ветхости храма восстанавливать его было очень сложно. С чувством тревоги отец Евгений Старцев и его помощники устанавливали колокольню и восьмерики. Но своды выдержали нагрузку и даже не потрескались при семибалльном землетрясении.

— В тот момент мы понимали, что реконструкцию нужно проводить комплексно — одновременно восстанавливать и фундамент, и стены, и крышу. Обязательно нужно было убрать леса, чтобы не гнили стены, вставить окна и двери, чтобы здание не вымерзало, укрепить своды и сделать ещё массу работы. Если стройку ещё можно остановить, то реставрацию категорически нельзя было прекращать. Любой перерыв в работе или разбивка на этапы могли привести к обрушению мокрых, промёрзших сводов храма, а значит, и деньги, пожертвованные на реконструкцию, могли уйти впустую.

фото Виктора Белевича

Поклонное слово

Реконструкцию Михаило-Архангельского Харлампиевского храма проводили на самом высоком уровне. Авторы проекта — компания «Улан-Удэархпроект».

Над восстановлением храма трудился большой и дружный коллектив. Это специалисты строительного-реставрационной компании «Идеал-Строй» под руководством Владимира Бедаева (руководитель бригады отделочников Вера Ефимова), фирмы «Ремстройреставрация» под руководством Сергея Скаллера, а также при участии известного иркутского кон-

сультанта-технолога Людмилы Валентиновны Антоновой, без внимания которой не обошлась ни одна серьёзная реставрация в городе. Кроме того, работы по реконструкции храма проводили мастера компаний «Стройсервис» (прораб Евгений Игнатъев), «Лесна» (руководитель Владимир Левин), «Эгрегор» (генеральный директор Анатолий Кулев), «Энергостройсервис» (руководитель Николай Афанасьев),

главный инженер восстановительных работ Сергей Михайлович Пельменев, архитектор Владимир Анатольевич Быков. Колокола отлиты в Тутаеве (недалеко от Ярославля) известным мастером Николаем Александровичем Шуваловым. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II называл его лучшим колокольным мастером в России. Он является продолжателем традиционной русской школы изготовления колоколов. Кровлю делали мастера из Челябинска и Иркутска.

Особая благодарность жертвователю и меценату Виктору Владимировичу Бронштейну, председателю

Общественной палаты Иркутска Александру Ивановичу Голованову, генеральному директору компании «Ангарскцемент» Олегу Геевскому, Анатолию Мырзаку. Низкий им поклон за труды и терпение.

Автор иконостаса — молодой, но достаточно опытный иконописец Максим Красиков. Родом художник из Улан-Удэ, сейчас живёт и работает в Иркутске. Иконостас написан в стиле московской школы иконописи. По словам отца Евгения, иконы являются в храме не случайно, не внезапно, а по Промыслу Божьему, ведь это окно в мир духовный. «Важно, чтобы это окно было не затуманенным, не испорченным, а чистым, чтобы оно не искажало духов-

фото Виктора Белевича

ное зрение человека на горний мир», — говорит священник.

Божественная литургия через 77 лет

По словам священника Евгения Старцева, новый губернатор Иркутской области Дмитрий Мезенцев — человек верующий, православный, поэтому старается также оказывать посильную помощь в восстановлении храма. Так, по его рекомендациям из фонда «Развитие Приангарья» было выделено на реконструкцию ещё 5 млн рублей.

Хотя это небольшая сумма в общей смете необходимых для реконструкции средств, но иркутяне увидели в том принципиальную позицию областной администрации, которая не оставляет церковь без своей поддержки.

Сегодня величественный Михаило-Архангельский Харлампиевский храм имеет общую площадь около 1,5 тыс. метров. Оригинальное отличие храма от других иркутских церквей в том, что в нём три уровня — цокольный, первый и второй этажи. С того горестного дня, когда был закрыт Михаило-Архангельский Харлампиевский храм, прошло 77 лет, и двери его вновь открылись для божественной литургии. В приходе молитвенное служение будет продолжаться православно-просветительской работой. Уже второй год издаётся журнал «Иркутский кремль», подготовлен к печати детский православный журнал.

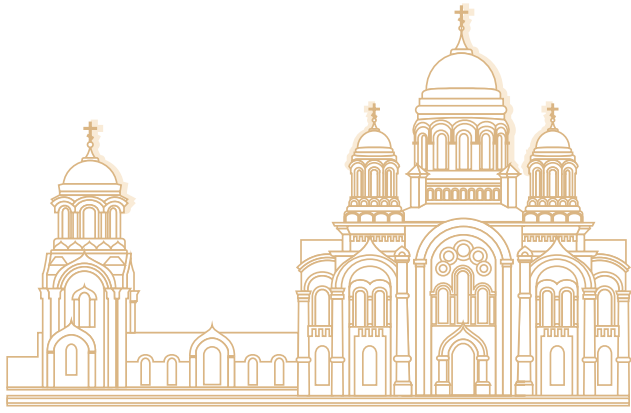
— Нам хочется, чтобы в храме окормлялись и творческие люди, поскольку творчество — это образ богоподобия в человеке, — говорит отец Евгений. — Храм призван дать им веру в Бога в её православной чистоте и благодати, убедить, что художественный талант их должен служить воспеванию любви к Богу и человеку ради спасения в жизни вечной.

фото Виктора Белевича

ИННОКЕНТИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2009

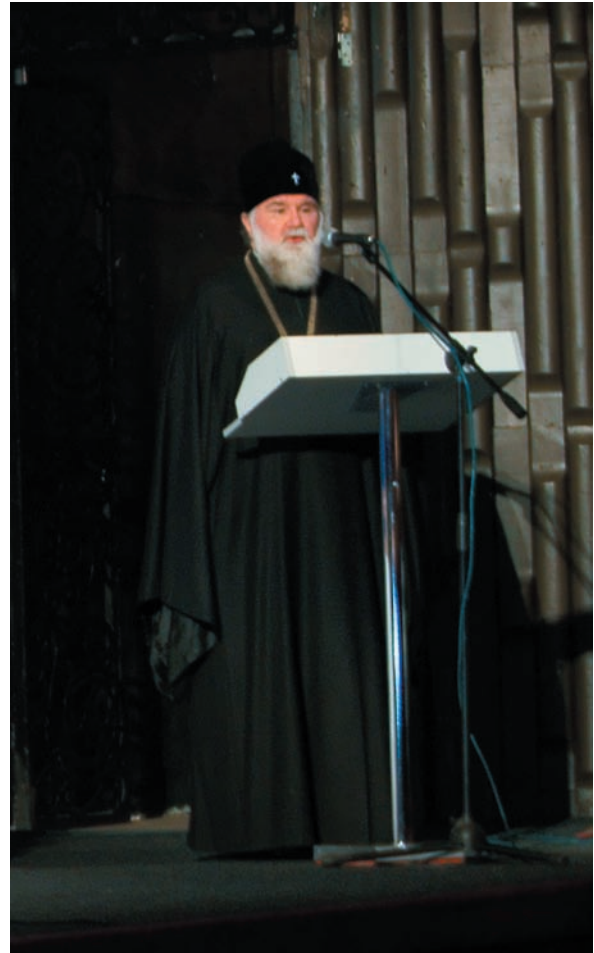

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В конце прошлого года в рамках «Иннокентиевских чтений» в Иркутске состоялась научно-практическая конференция «Православие. Образование. Культура», посвященная актуальным проблемам духовно-нравственного развития подрастающего поколения, проблемам изучения и восприятия основ православной этики в современной России, вопросам преодоления религиозной и культурной нетерпимости в условиях этнической разнородности населения нашей страны.

Пленарное заседание, прошедшее в помещении Театра юного зрителя, прошло в торжественной атмосфере, в честь открытия конференции был отслужен молебен. Напутственные слова участникам конференции были сказаны священнослужителями из Иркутска и Москвы, сотрудниками администрации и работниками образования, а также состоялось выступление хора Иркутской епархии.

В докладах, представленных на пленарном заседании конференции, затрагивалось множество злободневных проблем российского общества, высказывалось много пожеланий относительно будущего России и участия каждого человека в формировании российского будущего. Главная тема, которая звучала во многих выступлениях: введение в систему российского высшего и среднего образования дисциплины «Основы православной культуры». Рассматривая с разных позиций это нововведение, все участники пленарного заседания пришли к общему выводу о необходимости развития сис-

темы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи, расширения культурного кругозора современного подрастающего поколения, достижения грамотности населения в вопросах культуры и религии.

Высокопреосвященнейший Вадим, Архиепископ Иркутский и Ангарский, сказал:

— Сегодня, мои дорогие, я радуюсь тому, что возможен сам диалог с властью на тему «Православная культура в системе российского образования». Наш диалог подтверждает, что мы являем собой общество гражданское и общество, озабоченное и судьбой своего Отечества, и благополучием своего народа. И тут встают вопросы, которые нам действительно надо разрешить, в ходе диалога, чтобы доказать, что мы — люди единой Отчизны и единой доброй воли. Мы можем поднять образование на должный национально-культурный и духовно-нравственный уровень, если будем использовать огромный опыт Русской Православной Церкви. Начиная эту конференцию, я хочу, чтобы мы с вами говорили от чистого сердца и поднимали и пытались найти решение именно животрепещущих проблем, потому что образование несет еще и функцию воспитания. Молодое поколение должно стать не только людьми интеллектуально развитыми. Они должны быть еще и носителями высоких моральных ценностей, только тогда возможно укрепление нашей государственности, только тогда возможна великая Россия, да хранит ее Господь!

Далее было зачитано обращение губернатора Иркутской области Дмитрия Федоровича Мезенцева:

— Сегодня перед нами стоят непростые задачи поиска путей сохранения духовно-нравственных ценностей, возрождения культурных и национальных традиций. В послании Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева Федеральному собранию подчеркивается, что духовное единство народа — это такой же важный фактор, как экономическая и политическая стабильность. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, самобытной культуре, памяти своих предков. Именно такие национальные богатства являются базовыми для укрепления суверенитета и

единства страны, фундаментом для социально-экономических преобразований. В Иркутской области развивается конструктивное сотрудничество между учреждениями образования, культуры и Иркутской епархией в вопросах духовно-нравственного воспитания и просвещения. Уверен, что конференция позволит обобщить накопленный опыт по возрождению интереса к истории своего народа, его духовным и национальным традициям, даст возможность обсудить пути развития образования и культуры.

Далее по программе «Иннокентиевских чтений» министр образования Иркутской области Виктор Стефанович Басюк вручил благодарственные письма организаторам регионального этапа I Всероссийской Олимпиады по Основам православной культуры 2008/2009 года. С докладами на пленарном заседании выступили: руководитель Отдела религиозного образования Иркутской епархии, протоирей Владимир Килин («Православие и культура»), декан педагогического факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета, игумен Киприан («Духовно-нравственная культура как основа отечественной традиции»), ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования Лев Михайлович Дамешек («Подготовка кадров для преподавания «Основ православной культуры» в образовательных учреждениях Иркутской области»).

После пленарного заседания началась работа секций, где были заслушаны доклады по проблемам введения в систему образования основ православной этики.

Информационный центр
«Иркутского Кремля»

ПУТЬ

ИРКУТСКОГО СВЯЩЕННИКА

ОТЦА ФЕОФИЛА — «ДРУГА БОГА»¹

Александр Шарун

Памяти протоиерея
Феофила Сизой
(1889–1961)

Повестка

Матушка Степанида ждала почтальона каждое утро с нетерпением. Давно не было вестей от старшего сына, Флегонта. Он офицер, воюет на фронте. В этот раз почтальон принесла заказное письмо. Степанида расписалась в получении, прочла обратный адрес, и глубокая тревога овладела ей. Это было письмо от властей: «Исполнительный комитет городского совета... Сизой Феофилу Флегонтовичу». Ничего хорошего такие письма их семье не приносили. В смятении она провела остаток дня, ожидая прихода супруга со службы. Он трудился в пе-

Семья о. Флегонта Сизой. Рядом с матерью – Феофил

дагогическом институте, главным бухгалтером. В этот день задержался, работал над отчётом. Взяв в руки письмо, он расстроился тоже. Аккуратно отрезал край жёсткого конверта, вынул тонкую бумажку. Повестка. «Вам необходимо явиться в Исполнительный комитет городского

совета... к 10 часам, в кабинет...». Повестки всегда предвещали горе. Матушка всплакнула. Феофил тихо произнёс: «На всё воля Божья». Ещё раз перечитал документ.

Повестка была странной. В тексте, отпечатанном на пишущей машинке, не было обычных слов: «В случае неявки вы будете доставлены силой». Наверное, секретарь забыла напечатать, поторопилась. Он уже дважды сидел в домзаке, так по-новому называлась тюрьма. Знал существующие порядки и возможные хитрости, которые применяли карательные органы при аресте.

Идёт 1943 год. Польша воевала. Более четверти века большевики стремятся уничтожить служителей культа, известны любые очаги веры в Бога. Он православный священник, его отец был священнослужителем тоже, прадеды служили Богу на протяжении веков. Наверное, он последний, настает его час. Большинство бывших иркутских сослуживцев-клириков в это время находились в заключении.

Стало известно, что по всей стране в живых осталось всего четыре епископа, они тоже сидели. А ведь нужны три епископа, чтобы рукоположить во епископы нового брата. Новые хиротонии² не предвидятся, их некому будет проводить. Священникам нет места в коммунизме.

Матушка, всхлипывая, принялась собирать корзинку с нужными вещами: поношенной тёплой одеждой (могут отобрать хорошую), уложила сухари и пачечку чая. Продукты выдавались по карточкам, поэтому снабдила она его в тяжкий путь скудно. Дома оставалась большая семья: три дочери и сын, пятилетний внук. Ночь показалась бесконечной.

Утром вся семья стояла перед иконами, занимавшими передний угол. Отец Феофил прочёл утренние молитвы, 90 псалом. Перекрестил всех детей, обнял матушку. Двинулся в неизвестность, навстречу судьбе.

Они жили на съёмной квартире из двух комнат, в частном доме, в Глазковском предместье Иркутска. В центр города нужно было идти пешком. Медленно передвигал ноги отец

Мать – Анна Ивановна Сизой

Феофил, пытался запомнить и летние деревья, и запах реки Ангары, и вид глазковских улиц. Вот пересёк мостик через овраг в роще «Звёздочка». Он любил это тихое место. Дошёл до единственной в Глазково аптеки, на углу улиц Профсоюзной и Жарниковской. Отцу Феофилу никак не удавалось запомнить новое имя улицы, он пользовался прежним. В аптеке было светло, привлекали внимание большие банки с пивками. Купил пузырьки с йодом и марганцовкой.

Вокзал жил суетливой жизнью: пришёл эшелон с ранеными, металась обременённые узлами, сундуками эвакуированные, женщины с ребятишками, горланили пьяненькие инвалиды, требуя помощи, «положенного».

Двигаясь по Ангарскому мосту, он всегда вспоминал мужа своей дочери. Именно с этим мостом связана его трагическая судьба. Добросовестный и трудолюбивый слесарь Николай Федькович был ещё и удачливым спортсменом, капитаном команды «Локомотив». Команда выиграла чемпионат России в 1937 году. Тут и появилась анонимка, в которой говорилось, что группа троцкистов, вся команда «Локомотив», планирует взорвать новый мост, построенный в честь В.И. Ленина. После скорого и несправедливого разбирательства вся команда была сослана на Колыму, тренер погиб. На руках дочери Анастасии остался сын Лёнечка, который родился уже после ареста отца. Вот уже шесть лет нет от него вестей. Жив ли?

Со вздохом постоял над рекой. Ангара спасала семью все последние годы. Его, священника, не держали на работе, даже самой тяжёлой. Кормила Ангара, рыбалка. С началом войны была организована артель по заготовке рыбы. Среди рыбаков отец Феофил пользовался большим уважением, сдавал выловленную рыбу пудами. Молитвы и река спасали от праздности, уныния и суетливости.

Домзак

Приближаясь к горисполкому, Феофил старался вспомнить те тонкости поведения, которые следует учесть будущему арестанту. Его арестовывали дважды. Первая волна арестов, прошла в 1922–1923 годах. Отец Феофил знал, что в это время в Иркутске жестоко расправлялись со священниками, которые встречали армию А.В. Колчака крестным ходом, как освободителей от большевиков. В Кутулике, где он в это время служил, забрали и его. Местные чекисты не были подготовлены к работе с таким контингентом. Заключённым предложили «анкету», отпечатанную в типографии, где лишённый свободы должен был сам придумать и написать, в чём его обвиняет власть большевиков. Он написал в анкете лишь свою фамилию и

имя. Неожиданно его отпустили, потребовав: «честным трудом искупить свою вину». Он продолжал служить в храме, совершать требы, оставался «тихоновцем», сторонником курса Патриарха Тихона.

В далёком сибирском посёлке не ощущалось влияние церковной власти. Все проблемы приходилось решать самому. В

стране формировался церковный раскол, появились «обновленцы», «григорианцы», которых люди справедливо называли «церковными самочинниками и раздорниками». Миряне, большинство населения посёлка, любили своего батюшку, следовали за святынями, какими были иконы, древние православные обряды, отделяя благодатность святыни от безблагодатности обновленцев. Десять лет прошли в постоянном напряжении.

Деятельность церковной общины была строго ограничена стенами храма. Церковь стала рассматриваться как частное «доходное» предприятие, которое должно было облагаться высокими налогами. В случае их неуплаты духовенство и члены приходских советов могли быть арестованы, а сами приходы закрыты.

Коллектив бухгалтерии Иркутского педагогического института в 1941 году. Справа: главный бухгалтер А. Ружников, слева: его заместитель Ф. Сизой

Религия окончательно становится синонимом контрреволюции. Проведение повседневных служб, и особенно праздничных, строго регламентировалось. Необходимо было оформлять и согласовывать с поселковым советом порядок и маршрут следования крестного хода, количество участников. В начале 20-х запретили колокольный звон. 1928–1929 годы явились переломными во взаимоотношениях государственной власти и Церкви в целом. Продолжался массовый «антирелигиозный поход», во время которого в стране повсеместно закрывались храмы, снимались колокола, конфисковывались остатки ценной церковной утвари.

Повторно его арестовали в 1932 году. Это произошло после того, как в храм во время службы вошла группа активистов, нарушивших ход службы. Он успел передать на хранение важнейшие служебные книги и церковную утварь надёжному человеку. Ночью за ним пришли, содержали в г. Улан-Удэ вместе с политическими и ворами. Обвинения не предъявляли, на допросы длительное время не вызывали.

Заключённые в камере разделились на группы: блатные играли в карты, политические спорили, «церковники» многими часами строили предположения о своей судьбе. Запомнился молодой заключённый, с необычной фамилией Понш, проворовавшийся служащий. Он хвастливо говорил всем: «А, ерунда, меня выпустят скоро, я — строитель!». Неоднократно сидевший заключённый спросил с издёвкой: «Ну и что же ты построил?». Понш разлохматил пышные рыжие волосы и засверкал голубыми глазами: «Я решал такие строительные задачи! У меня такой ум!». Обратившись к «церковникам», стал хвалиться: «Я придумал, как можно разрушить старую церковь в Иркутске, неподалёку от центрального рынка. У неё были очень толстые стены, массивные колонны фундамента. Взрывы не помогли. Тогда я предложил подпереть верхний храм снизу брёвнами, заключённые подрубили кирпичное основание, а брёвна мы подожгли! Всё рухнуло! До этого нужно было додуматься!». На это ответил старый сиделец, презрительно сплюнув: «Не строитель ты, а порчак!».

За дело Феофила горячо взялся молодой иркутский следователь. Он то запугивал слишком вежливого подозреваемого, то переходил к вкрадчивым уговорам. Требовал указать

на «врагов народа», примитивно надругался, обещал уничтожить всю семью. «Твой двухлетний сын, Агафангел, так ничего и не узнает о своих родителях!» Чекист относился к железнодорожному ведомству, поэтому измышлял и приписывал чудовищные преступления на транспорте, добиваясь «чистосердечного признания». После допросов Феофил тихо молился, вспоминая слова псалма: «Ты укротил гордых, проклятых, уклоняющихся от заповедей Твоих. Сними с меня поношение и посрамление, ибо я храню откровения Твои», «Гордые крайне ругались надо мною; но я не уклонился от закона Твоего» (Пс. 118). Неожиданно следователя перевели на дальний участок дороги. Появился другой дознаватель. Он сказал, что его мать знала отца Феофила как очень порядочного человека. И взял на себя большую ответственность, промыслом Божиим, освободил священника, посоветовав уехать в Иркутск. В 1932 году отец Феофил был вынужден подать прошение о выводе его за штат. При этом оставался православным священником, тихоновцем.

Ещё десять тяжелейших лет прошло: безработица, скитанье по съёмным квартирам. Грузчик, сторож, чернорабочий, — нигде не удавалось проработать более шести месяцев. Лишь в 1936 году Феофил Сизой был принят на работу в бухгалтерию рабфака Совторговли. После репрессий не осталось грамотных специалистов, а с началом войны многие из оставшихся ушли на фронт. И тогда удалось устроиться на работу делопроизводителем в педагогический институт, быстро стал заместителем, а затем и главным бухгалтером. При этом он носил бороду, достаточно длинные волосы. Работа с денежными и материальными ценностями требовала максимума внимания и ответственности, по строгим меркам военного времени. Служба в государственном учреждении гарантировала получение продовольственных карточек. По просьбе близких людей о. Феофил совершал редкие требы, обычно крещение детей. Это происходило поздно ночью, за закрытыми ставнями, с минимумом участников.

Продовольственные карточки получала и матушка Степанида Александровна — она регулярно и помногу сдавала кровь, необходимую раненым бойцам в иркутских госпиталях. Её организм страдал от постоянной кровопо-

тери, требовалось полноценное питание и лечение. А ведь матушка Степанида родила отцу Феофилу девять детей, выжило лишь пятеро. Что ждёт семью теперь?

Чудесное поручение

Ну, вот и добрался до Тихвинской площади. Здесь ещё сохранились следы разрушенного кафедрального собора. Его взрывали не один день, бригады рабочих, в основном женщины, тачками развозили обломки храма, распределяя по площади. Уничтожен и стоявший с противоположной стороны площади храм Тихвинской Божьей матери. Вид площади был крайне уныл.

Милиционер бегло взглянул в повестку и направил в нужный кабинет. Перекрестившись, постучал в дверь, вошёл. Его встретила секретарь. Прочитав повестку, доложила и впустила в кабинет. За длинным столом сидел суровый чиновник, председатель горисполкома. Предложил сесть. Некоторое время молча разглядывал приглашённого.

Перед ним сидел крепко сложенный мужчина, возрастом чуть за пятьдесят, с умными, спокойными серыми глазами, с аккуратно подстриженной бородой, чуть рыжеватыми пышными волосами на голове. Он принёс корзину. Хозяин кабинета прошёлся вокруг стола, молча сосредотачиваясь, затем остановился напротив.

— Гражданин Сизой, правительство СССР приняло решение открыть для проведения служб некоторые храмы. Вам поручается начать службы в Крестовоздвиженской церкви города Иркутска. Необходимо обеспечить сбор денежных средств верующих. Страна продолжает ведение войны. Вы должны обеспечить учёт и сохранность денежных поступлений, лично отчитываться и сдавать в Госбанк. Согласны ли вы?

Первое, человеческое, движение души отца Феофила было — отказаться. Вдруг это испытание, хитрая уловка. Какие могут быть службы после всего, что было недавно: террор, разрушение храмов? Они хотят получить признание в антисоветской деятельности... Уничтожить! Справившись с собой, священник попросил разрешения посоветоваться с матуш-

кой. Выиграть время. Чиновник хмыкнул, сказал строго:

— До завтра!

Не прощаясь, указал на дверь.

Феофил с трудом дождался окончания трудового дня, во время которого передумал многое, мысли путались. Разве может закончиться массовый «антирелигиозный поход»? Мы должны свидетельствовать Истину. Не оттолкнуть! Не пожалеть хотя бы малой частички тепла для тех, кто ищет и нуждается в нём. Суметь донести до сердца ближнего свою веру, свои убеждения, свой небольшой опыт. В каком состоянии храм? Где взять дефицитнейшие продукты для богослужений: вино, свечи, ладан, муку, ведь всё выдаётся по карточкам? Пойдут ли в храм запуганные люди? О каком доходе говорит чиновник? Нет! Не нужно отвлекаться от главного, об остальном позаботится Бог.

Путь домой показался короче, ноги несли быстрее. На вечернем семейном совете все отговаривали отца. Двенадцатилетний сын, Агафангел, задал вопрос: «Ведь если ты будешь служить в храме, нам не дадут продовольственных карточек?». Дочь спросила: «Придётся платить налоги и за храм и за служение?». Но чем больше они беспокоились за него, тем больше росла уверенность, вспомнились слова завет родителя, о Флегонта: «Священник принадлежит Христовой Церкви, а не семье!».

— Это ещё одно испытание Господа для меня. Я должен его выдержать. Нести весть о том, что Христос пребывает в нашей Церкви, что Церковь на протяжении уже двух тысячелетий живёт и действует, что сонмы святых и праведников уже прошли тем спасительным путём, которым ныне идём мы, живущие на Земле православные христиане. Вспомните слова апостола Иакова: «Корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулём управляются, куда хочет кормчий». Даже если служение моё будет коротким, оно укрепит мирян города в вере! Я буду служить! Да будет воля Твоя!

Утром он быстро дошагал до исполкома. Председатель, большевик со стажем, был не приветлив, хмур. Без лишних слов предложил передать дела в институте, приступить к службе в храме. Пообещал выделить по разнарядке требуемое для службы. Предложил обследовать состояние свечного заводика при храме. Дал

указание: краткие проповеди должны быть направлены на призывы помощи Красной Армии. Текст молитв, возгласов на Ектиньи, подлежит согласованию с Уполномоченным по делам религий. Выдал разрешение на служение, подписанное заведующим городским коммунальным хозяйством Иосифом Брикманом³.

Заклучил словами:

— Партия не прекращает идеологическую борьбу с религией! Вы — идеологически чуждый элемент!

После чего достал из сейфа полуметровый ключ от дверей храма:

— Под вашу ответственность!

По-прежнему с корзинкой в руке, отец Феофил вошёл во двор Крестовоздвиженского храма. В нём ранее, в разгар всесоюзной борьбы с религией, пытались организовать антирелигиозный музей. Вход в храм «украшала» фанерная красная звезда, трепетали на ветру обрывки транспаранта «Религия — опиум для народа». Повернулся механизм старого замка, открылась дверь. Внутри всё было покрыто пылью, в разбитых окнах под высоким куполом ворковали голуби. Часть икон была вынута из рам, передана в художественный музей, либо утрачена. Но в целом храм, дом молитвы, сохранился!

Здание нуждалось в основательном ремонте. Службы можно было проводить только в «летней», не отапливаемой его части. «Зимняя» часть храма имела печи, и именно там до конца 1943 года размещался антирелигиозный музей, хранилось музейное имущество. Но и повреждений здесь было больше, требовался дорогой капитальный ремонт.

Встав на колени перед царскими вратами главного придела Воздвижения Креста Господня, отец Феофил горячо молился, прося помощи у Господа, заступничества Божьей Матери. «Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца».

Он предвидел трудности, не ожидал послаблений и милости от властей. Вошёл в алтарную часть храма. Престол был на месте, сохранились его одежды, утварь исчезла, как выяснилось, она была передана в музей. Потребовалось специальное решение исполкома Иркутского Облсовета депутатов трудящихся «для выдачи группе верующих культового имущества из числа дуплетных экземпляров, хра-

нящихся в областном краеведческом музее и не имеющих художественной или исторической ценности». Разрешалось выдать: 3 антиминса, 3 дарохранительницы, 10 священнических, 5 диаконских облачений и 1 архиерейское облачение. Подсвечники были свалены в тёмном углу храма, частично помяты. В целом же дом Божий, место молитвы существовал! Здесь можно было служить!

Выяснилось, что инициатива открытия храма исходила от группы мужественных верующих, которые неоднократно и очень настойчиво, не раз получая отказы, обращались к властям с просьбой зарегистрировать православную общину и передать здание Преображенской церкви Иркутска. Однако Горисполком принял неожиданное решение — разрешил открыть Крестовоздвиженский храм. Таким образом, четыре человека представляли интересы верующих города (они собрали подписи 51 горожанина), поставили свои подписи под прошением властям, вот их имена: Елена Васильевна Быкова, Пелагея Кузьмовна (так в документе) Замазчикова, Мария Фёдоровна Петрова, Вера Афанасьевна Касурина, бывшие прихожане Спасо-Преображенской церкви. Вокруг них сформировалась «двадцатка», ответственные за арендуемый у государства храм⁴. В общине был и казначей, и контрольный орган — ревизионная комиссия.

Был назначен настоятель храма — пятидесятичетырехлетний протоиерей Стефан Попов. Несмотря на то, что формально он был старше по церковной должности, основную ответственность за хозяйственную и финансовую деятельность общины нёс иерей Феофил. Но при этом он был, прежде всего, — служителем Церкви (регулярно проводил службы, требы, духовно окормлял верующих), а уж затем — администратором. Духовный контекст его деятельности превалировал, был ведущим.

Воодушевлённые женщины провели уборку. Была получена мука, дрожжи, отыскиались формы для просфор. Нашлась и просфорница, которая знала искусство изготовления просфор и другого ритуального хлеба. Это не простая работа, которую может выполнить случайный человек. Она совершается с нужными молитвами, в чистоте. Тесто долго и тщательно промешивается для того, чтобы в нём исчезли даже мелкие пузырьки. Если

просфоры получаются ноздреватыми, значит, просфорница не постаралась вымесить тесто, и батюшка может их вернуть, как негодные для проскомидии.

Свечи для службы изготавливал сам отец Феофил, из остатков воска, по самой древней технологии. Ладан для каждения собирался по кусочкам от многих людей, смешивался с сибирской канифолью. Столяр отремонтировал три аналоя. Можно было начинать службы.

Первая служба

1 августа 1943 г. храм стал вновь функционировать. Наступил день первой службы. Вызывая недоумение жителей Иркутска, зазвонил колокол Крестовоздвиженской церкви. Он призывал на молитву. Повинуясь зову, не веря в чудо, верующие люди потянулись к храму. На солею вошли священники, они поцеловали образ Спасителя, образ Богородицы, поклонились образам святых, собравшимся в храме, немногочисленному своему приходу.

Отец Феофил вошёл в алтарь, произнося слова псалма: «Вниду в дом Твой, поклоняюся храму Твоему во страхе Твоём», приступил к облачению. «Боже, очисти меня грешного и помилуй меня!» Облачился в стихарь, поцеловав его, затем возложил на себя епитрахиль, произнося слова Писания: «Благословен Бог, изливающий благодать на священники Своя...». Завязал длинные тесёмки правого поруча, нарукавника: «Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила врагов и множеством славы Своей Ты истребил супостатов». Глубокий смысл слов молитвы проник до самых глубин души молящегося, вызвав необыкновенное, ра-

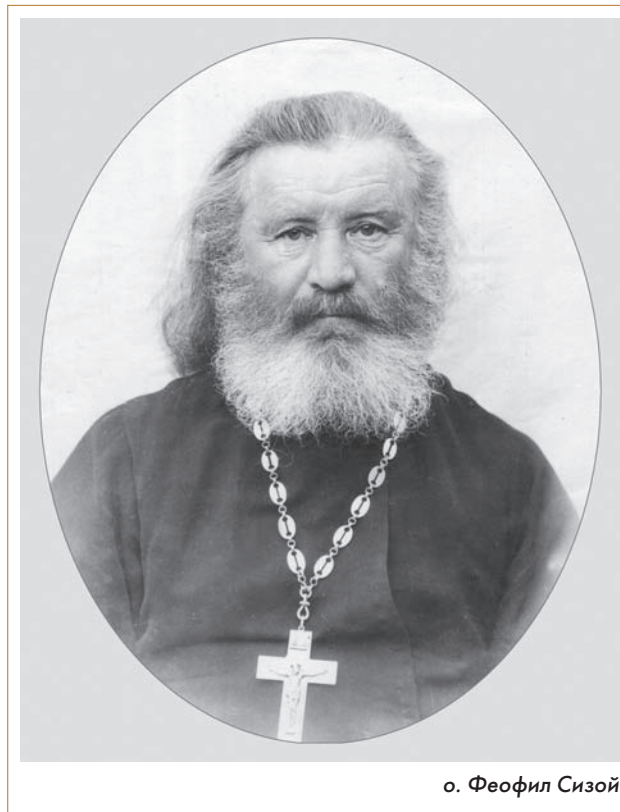
нее не испытанное волнение. Надевая другой поручь, он вновь поразился смыслу слов, которые ранее произносил неоднократно: «Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоим заповедям». Опоясался поясом, собираясь в путь небесного служения, надел фелюнь: «Священники Твои, Господи, облечутся в правду и преподобии Твои радостью возрадуются».

Предстояло заново освятить осквернённый храм. Обычно это делает епископ. Известно, что в исключительных случаях это может сделать и иерей. Отец Феофил нашёл в книге, сохранившейся от отца, нужное чинопоследование, провели водосвятие и с нужными молитвами окропили храм, совершили каждение.

На лицах пришедших в храм сияли улыбки радости. В большинстве это были женщины, они ждали и молились за своих близких, «недугующих и страждущих, пленённых» — погибающих и погибших в страшной войне, за находящихся в заточении, пропавших без вести. Присутствовали и мужчины: инвалиды войны, измученные лишениями рабочие. Невозмутимо следил за службой Уполномоченный по делам религий,

заслуженный большевик. Ещё несколько строгих мужчин стояли с бесстрастными лицами, производя в уме подсчёты числа прихожан, им предстояло писать отчёт. Внимательно стремились проникнуть и оценить смысл древних слов молитв и действий. Они не крестились и к кресту не подошли.

Небольшой хор стремился петь слаженно. Это не всегда получалось, и тогда священник помогал выйти в нужную тональность. Хор был сформирован несколько позже, в нём стала петь дочь отца Феофила, Анастасия. Она работала делопроизводителем и профессионально пела

о. Феофил Сизой

в Иркутской филармонии, была солисткой, колоратурным сопрано. Выступала в концертах. В хоре пели артисты Иркутского радио и музыкального театра⁵. Уже через год хор левого клироса был вполне профессиональным. Хором руководил канонарх-баритон Зосима Шастин, пели теноры: Иннокентий Шастин, слепой Арсений. В их исполнении проникновенное, торжественное пение: «Милость мира...», «Иже херувимы...», «Разбойника благоразумного...», «Яко с нами Бог!» заставляло прихожан переживать самые возвышенные чувства. Спокойная уверенность священника внушала оптимизм, созидательная мудрость и цельность позволяла скорее почувствовать, чем увидеть, скрытую силу.

Позже, лишь 7 октября 1943 года, появился указ Патриарха Сергия о назначении о. Феофила штатным священником. В июле 1944 года в Иркутске побывал архиепископ Варфоломей (Городцов Сергей Дмитриевич), который в то время руководил громадной епархией Сибири и Дальнего востока из Новосибирска. В августе того же года пришло известие от архиепископа о награждении о. Феофила саном протоиерея. Возведение в сан состоялось значительно позже, в декабре 1946 года, при посещении архиепископом Иркутска. Позже были вручены и другие награды: палица, крест с украшениями.

Особенно трудно было служить зимой. Для того чтобы попасть на раннюю утреннюю службу в храм, батюшка зимней тёмной ночью шёл пешком через торосы замёрзшей Ангары. Это кратчайший, но опасный путь из Глазково до храма. Весной подтаявший лёд заливался талой водой, громко трещал под ногами. В то время в «летнем» приделе храма не было централизованного отопления, но службы проводились. Особенно холодно было в алтарной части. Отец Феофил служил в ватных брюках, тонком ватном подряснике, валенках, с обнажённой головой, однако

глаза его всегда излучали тепло, что согревало прихожан.

Приходилось экономить электричество, так как храму был назначен четырехставочный тариф (на 400 % увеличивалась плата за электричество). Все доходы храма за службы и требы тщательнейшим образом учитывались: число проданных свечей, просфор, нательных крестиков, сборы и др. Следуя договорённости с властями, отец Феофил лично доставлял выручку храма в своём портфеле, проходя путь до Госбанка. Из доходов прихода вычитались немалые налоги, оставляя на нужды храма минимум. Налоги выплачивал и священнослужитель, приравненный к частному предпринимателю. Прихожане охотно жертвовали деньги храму для передачи на нужды Армии. В личном

У отца Феофила и матушки Степаниды радость — с фронта вернулся сын Флегонт. 1945 г.

архиве о. Феофила сохранились аккуратно подшитые квитанции о банковских вкладах. Властями не оглашались сведения о том, что верующие, иркутские прихожане, во время Отечественной войны собрали деньги на танковую колонну. Они были уверены в том, что Церковь точно по назначению и без потерь передаст их средства.

По мере того, как временно партийное руководство страны ослабило давление на РПЦ, после 1943 года, из мест заключения стали возвращаться священнослужители. Вернулся и получил разрешение к служению после тюрьмы и ссылки в КОМИ АССР митрофорный протоиерей о. Николай Пономарёв. В сентябре 1944 года он был назначен благочинным церковью Иркутской области. Клир Крестовоздвиженской церкви существенно укрепился. Харизматическая личность, о. Николай привлекал всеобщее внимание, он был величав, красиво и витиевато говорил, служил в сверкающей митре, его руки пахли дорогими духами. Отец Николай был монументален, не все решались с лёгкостью общаться с ним. Он редко и избирательно служил требы для особо уважаемых персон, круг его общения ограничивал-

ся избранными. Второй священник о. Феофил был доступен, мягок, прост в общении, поэтому прихожане чаще обращались к нему с доверием, доносили свои проблемы, каялись в грехах, приглашали на требы. В это же время клир пополнился ранее служившим в этом храме диаконом, о. Михаилом (М.М. Шляпкиным).

В 1949 году после заключения и работы на предприятиях Дальстроя, на Колыме, вернулся старый знакомый о. Феофила, Михаил Александрович Шастин, чьи предки отмечены на протяжении веков в церковных летописях. Он получил 10 лет, мог и не вернуться никогда, стать вечным каторжанином. Но Бог миловал. В 1950 году Михаил Шастин рукоположён во дьякона. Отец Феофил и диакон Михаил любили служить вместе, хорошо дружили семьями.

Приход

Жизнь храма проходит в его приходе. Он состоял из людей, представлявших самые разные слои общества. На исповедь приходили малограмотные, но искренние старушки; прошедшие сквозь войны ветераны, чудовищно изувеченные инвалиды; измученные, нервные мужчины и женщины, прошедшие лагеря и ссылку. Все они надеялись на помощь, нуждались в совете и участии, во взаимодействии, ожидали оценки своих поступков, облегчения от прощения на исповеди.

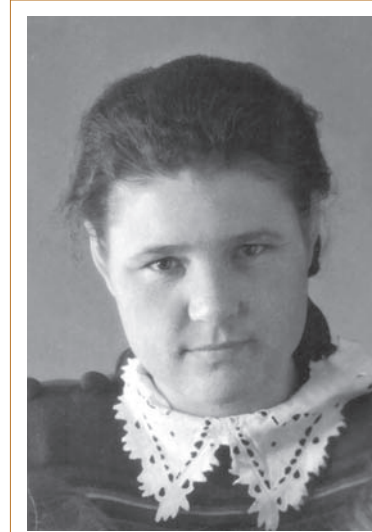
Среди глубоко верующих прихожан, регулярно посещающих храм, хорошо начитанных интеллигентов, разбирающихся в православии, особенно выделялась яркая личность — Н.В. Шилов. Он работал доктором Иркутского лепрозория, больницы

Н.В. Шилов

для прокажённых. Она располагалась в районе Лисихи. Отец Феофил дорожил дружбой с доктором. Тот и другой любили ранние службы, проходившие при свечах, с проникновенным пением малого хора. В конце службы священник выходил из алтаря, благословлял и целовал друга и вручал, до времени прикрытую епитрахилью, большую «девятичинную» просфору.

В городе не только верующие уважали и ценили инженера-строителя Татьяну Павловну Евфратову. Статная, с красивыми тёмными глазами, она хорошо пела, владела музыкальной грамотой, была прекрасно начитана, имела широкий кругозор. Работала инженером в хозяйственной части Иркутского института травматологии и ортопедии. Когда началось строительство Иркутской ГЭС, она на свои средства, распродав часть имущества, перенесла храм посёлка Листвяничное с затопляемого берега Ангары вглубь пади Крестовой. Проектные работы выполнила сама и очень грамотно. Храм и сейчас стоит на лиственничных сваях на небольшом островке, посередине речушки. Она была очень отзывчивым человеком, оказывала помощь многим нуждающимся в ней людям. Именно Татьяна Павловна приняла и устроила на жильё студентов Александра Меня с другом, приехавших на учёбу из Москвы, в семью Евтихеевых. Под влиянием её и иркутского духовенства проходило становление и возмужание известного богослова. Т.П. Евфратова принимала действительное участие в организации ремонтных работ в иркутских храмах.

Е.Е. Прасолова

службу и, обратившись к отцу Феофилу, попросили петь в хоре две подруги — Катя (Екатерина Ефимовна Прасолова, в замужестве Евтихеева) и Лида (Лидия Васильевна Щапова).

Екатерина родила девятерых детей, четверо её мальчиков стали священниками — монахами. Лидия, с благословения о. Феофила, обучилась пению профессионально, руководила многие годы хором Крестовоздвиженской церкви. До конца 2009 года её знали как монахиню — мать Дионисию. В памяти подруг сохранились ободряющие слова отца Феофила: «Каких детей любит Господь? Весёлых и здоровых! Будьте оптимистами! Не бойтесь испытаний».

Необычна судьба Владимира Осиповича Конопацкого. В начале века он был посвящён во диаконы, служил в храмах, но затем в 1905 году оказался вовлечён в революционное движение, был за это на короткое время заключён в тюрьму, в связи с чем оставил диаконское служение. Учительствовал, учился в Иркутском университете, работал пиротехником, столяром. С православной верой не порывал, был прилежным и вдумчивым прихожанином. С отцом Феофилом его связывала духовная близость и дружба. В 1945 году стал псаломщиком и певцом Знаменского собора, был по его прошению восстановлен в сане диакона, вернулся к служению Церкви. Хорошо образованный, начитанный, он прекрасно разбирался в догматах веры, владел мастерством оратора. Будучи диаконом, в преклонном возрасте, он читал в храме проповеди, которые слушались прихожанами с затаённым дыханием.

Естественно, с такими яркими личностями проводилась активная работа «компетентных органов»: плановые собеседования, запугивание, провокации. Ставилась задача — заглушить ростки веры. Она решалась весьма хитроумно: обыватель воспринимал происходящее примитивно: идёт противоборство с «врагами народа», власть желает добра людям. Старательные карьеристы продолжали оказывать давление, подвергая негибкие убеждения верующих и священнослужителей тяжким испытаниям. Имена свои гонители скрывали, они сегодня никому не известны. А ведь они получали почести за свою работу. Правительственные награды сегодня превратились в

прах, о «подвигах» против своего народа ветеранам сегодня стыдно кому-либо рассказать.

За ними стояли власть, сила, общественное мнение, а перед ними — личность, вооружённая внутренней силой — твёрдостью духа, крепостью веры. Страдальцы не рассчитывали на ореол мученика в глазах соотечественников — истерзав, многих казнили скрытно, рассчитывая на полное забвение героев веры. Вести такую работу сотрудникам органов было очень сложно, слишком различался интеллектуальный уровень противников.

Драматичная история страдающего и побеждающего Православия позволяет убедиться в том, что Сила Божия не отступила от православных, действитель-

но проявляется, что существует такая Церковь, которая сохраняет целостное христианское видение мира, духовность которой не заслонена политикой. Она не бросает свою паству на произвол судьбы, а как заботливая мать ведёт своих чад ко спасению.

Отец Феофил служил в Крестовоздвиженском храме до 1961 года. В новогоднее утро он собирался на службу. Но подвёл шофёр, который должен был отвезти престарелого священника в храм, проспал, встречая Новый год. От волнения случился инсульт, и отец Феофил скончался. Матушка Стефанида Александровна последовала за ним в скором времени. Они похоронены рядом на Глазковском кладбище, слева от входа.

Примечания

¹ Феофил (евр.) — «Друг Бога».

² Хиротония — (греч.) рукоположение.

Чин посвящения в священнослужители.

³ 31 мая 1943 года религиозная община была зарегистрирована исполкомом горсовета.

⁴ В скором времени инициаторы-активисты были устранены от работы в «двадцатке».

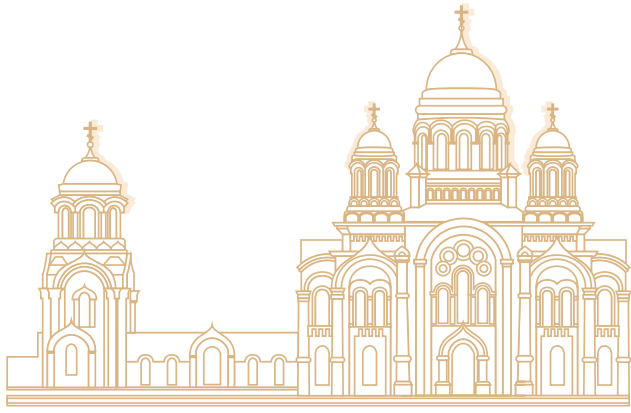
⁵ В основе труппы были тогда артисты эвакуированного в Иркутск Ленинградского театра музыкальной комедии.

Л.В. Щапова

**ТВОРЧЕСТВО
КАК ПЕЧАТЬ БОГОПОДОБИЯ**

рассказывает иконописец
Максим Красиков

Творчество — это проявление Бога в человеке. Знаменитый философ Николай Бердяев говорил: «Творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве заложена в человеке как печать его богоподобия, как знак образа Творца». Однако творчество может быть проявлением Бога только тогда, когда оно ведёт человека к свету любви и добра, к его духовному возрождению. Таким творчеством является иконопись, которую называют соборным творчеством церкви. Среди иркутских мастеров иконы есть немало по-настоящему талантливых художников, самобытных иконописцев. Один из них — Максим Красиков, иконописец Михаило-Архангельского Харлампиевского храма. Мы встретились с иконописцем, и он рассказал о своём творчестве, о работе в иркутском храме.

— Как вы стали иконописцем? Расскажите, где вы учились, что повлияло на выбор профессии?

— Увлечение художественным творчеством было в моём роду всегда, начиная с прабабки. Например, мама, математик по профессии, всегда рисовала. Да и отец любил рисовать. Жена у меня тоже художница. Однако на выбор творческого пути в большей степени повлияло одно событие. Когда мне было 14 лет, я познакомился с известным в России и в мире иконописцем Сергеем Валерьевичем Вершининым. Он родом из Сибири, учился у архимандрита Зенона, который был основателем возрождения постсоветской, послереволюционной иконописи. Так сложилось, что Сергей Валерьевич преподавал в художественной школе, где в то время я получал начальное художественное образование. Поначалу я не думал, что буду рисовать иконы, особой склонности к этому за-

Иконописец Максим Красиков

нятию у меня не было. Но когда стал работать с Сергеем Вершининым, иконопись, можно сказать, запала в душу творческую. Я занимался в его мастерской в Троицком храме в Улан-Удэ. Там было интересно — приезжали москвичи из Суриковской академии, работали с нами. Я помогал рисовать орнаменты, иконы. Художники мастерской работали, используя различные, порой сложные техники, например, роспись по сырой штукатурке, то есть создание фресок. Сергей Валерьевич много рассказывал о истории православной церкви, привил любовь к иконописи и христианской православной вере. Поэтому мне хотелось развиваться в этом направлении, расти. В этой мастерской я прошёл хорошую школу иконописной живописи.

После художественной школы я окончил художественное училище в Улан-Удэ (факультет художественной графики), а затем поступил в Тобольскую духовную семинарию на иконописное отделение, где по окончании получил квалификацию — иконописец-реставратор. Следующие два года работал в этой семинарии преподавателем на отделении фресковой живописи. Но оставаться там я не хотел, поэтому, когда священник Евгений Старцев, ныне настоятель Харлампиевского храма, пригласил меня поработать в Улан-Удэ, я с радостью согласился.

Со священником Евгением Старцевым я знаком с детства. Он дружил с моими родителями, когда я был ещё ребёнком. Мои родители, все наши друзья и нынешний настоятель Харлампиевского храма, в период моего детства и юности были прихожанами Троицкого храма в Улан-Удэ. Это была сплочённая дружная община, очень хороший приход, что тоже повлияло на выбор жизненного пути.

— Для того чтобы писать иконы, художник должен получить соответствующее образование, активно участвовать в церковной жизни, изучать богословие. Великих иконописцев

лояльными к заказчикам, уметь писать иконы в любом существующем в иконописи стиле (важно не самовыражение, а служение). Художник должен владеть навыками написания икон для разных храмов — больших, маленьких, там, где много света, и где света недостаточно. Несмотря на то, что я и другие художники нашей мастерской предпочитаем каноническую иконопись, но если необходимо написать иконы в другом стиле, например в реалистичном, то мы без колебаний берёмся за работу, потому что нам интересны все стили и жанры.

Иконостас Михаило-Архангельского придела Харлампиевского храма (фото Виктора Белевича)

древней Руси, таких как Андрей Рублёв и Даниил Чёрный, в сохранившихся летописях называют праведниками, в них говорится, что своими добрыми делами они превосходили всех. А что ещё необходимо знать, какими качествами обладать для того, чтобы писать иконы?

— В иконописи совершенно другие критерии, другие законы, чем в обычном светском искусстве. Иконописцы должны быть более

— Иконописцу можно заниматься традиционной живописью?

— Да, конечно. Например, недавно мы выполняли заказ от одной коммерческой компании на написание двух реалистичных икон с изображением святых, которые будут размещены в Москве на улице напротив монастыря. Размер каждой работы — два метра на метр. Директор компании — православный человек,

поэтому так решил украсить фасад своего офиса. На этих работах были совмещены три жанра: и портрет, и пейзаж, натюрморт. Работать было интересно, вспомнили годы учёбы.

— Какую работу вам больше всего нравится выполнять?

— Мне больше всего нравится расписывать стены. Очень интересно работать на белой стене, на большом формате. Пусть это довольно сложная и дорогостоящая техника, поэтому росписи стен в храмах делают очень редко. Я давно не работал в этой технике. Я занимался фресковой живописью, когда расписывал алтарь Свято-Одигитриевского собора, когда преподавал в Тобольской духовной семинарии. Сегодня фресковая живопись не востребована.

— Наверно, у иконописца должно быть два главных качества — трудолюбие и терпение. Ведь без них сложно осилить те большие объёмы работы, которые приходится выполнять в храмах.

— Сложно сказать, но за последние два с половиной года мы работаем без выходных и перерывов. Работа — круглые сутки, дома фактически не бываем. Вот сейчас мы приехали из Подмоскovie, и там за два с половиной месяца мы написали четырёхъярусный иконостас.

— Многие художники, искусствоведы часто спорят между собой по поводу двух подходов в иконописи. Одни утверждают, что символическая плоскостная икона более правильная, исторически верная, чем реалистичная, другие придерживаются противоположной точки зрения.

— Вы знаете, мне кажется, в иконописи могут существовать разные стили и направления. Ведь Бог всех нас разными создал. Лично мне нравятся больше иконы, написанные в канони-

ческом, традиционном стиле, они более молитвенные. Так исторически сложилось, что Россия всегда была хранительницей византийских традиций, наверно, поэтому её называют третьим Римом. Все наши мастера иконописи учились у византийцев, бежавших из своей страны после распада Византии. Да и российские храмы по своей архитектуре напоминают византийские. Каноническая икона, на мой взгляд, ближе к русской православной церкви, как и «знаменный распев», который сейчас возрождается в православных храмах. Это очень красивый, мелодичный стиль. Если в храме — канонический иконостас,

хор, поющий в технике «знаменный распев», идёт ранняя литургия, горят свечи, то это, несомненно, самая идеальная атмосфера для хорошей молитвы.

— У вас есть любимое направление в иконописи?

— Мне нравится эклектика — сочетание сербских и русских традиций иконописи.

— Чем сербская икона отличается от русской?

— Сербская икона ближе к византийским традициям иконописи. Наша русская иконопись тоже напоминает византийские иконы, но в сербской иконописи эти традиции сохранились больше. Традиционно византийские иконы отличает силь-

ная графика, детальная проработка объёмных и плоских форм, много сложных сочетаний цветов, используются лессировки (техника, при которой один цвет ложится на другой так, чтобы предыдущий просвечивал через верхний слой). Такие иконы ближе к реалистичной живописи. Между тем на иконах московской школы, как правило, изображения плоскостные, палитра состоит из нескольких локальных цветов.

Максим Красиков и Антон Чубаков
(фото Виктора Белевича)

ΣΥΝΑΞΙΣ ΤΩΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΩΝ

ΜΙΧΑΗΛ ΚΑΙ ΤΩΝ ΑΛΛΩΝ ΑΠΛΟΤΩΝ ΔΥΝΑΜΕΩΝ

Икона «Собор архистратига Михаила и прочих бесплотных сил». Начало 1780-х гг. (из иконостаса Харлампиевской церкви)

— Расскажите, в каких храмах вы работали?

— Я работал в городах Тюменской области, в Москве, Улан-Удэ, Иркутске. В Подмосковье работал в Даниловом монастыре. Сейчас кроме работы в Харлампиевском храме мы делаем иконостас для одной из православных церквей Дрездена (Германия). Это небольшая домовая церковь.

— Что для вас является самым сложным в работе?

— Вы знаете, бывают очень требовательные заказчики. Например, однажды пришлось переписывать икону для московской игуменьи. Это была икона с изображением святого Пантелеймона. Игуменья попросила написать икону, которую видела в детстве, охарактеризовала её и показала нам икону, которая размещена у неё в храме, сказав, что эта работа напоминает ей икону, увиденную в детстве. Мы посмотрели, и оказалось, что икона очень тёмная, на ней почти не видно изображения. Одним словом, мы не знали — в каком же стиле её писать. Но надо было выполнять заказ, и мы сделали выводы по поводу стиля, цветовой палитры и написали икону. Пришла заказчица принимать работу и говорит: «Не мой Пантелеймон, не мой!». Пришлось согласиться...

— Сейчас в Михаило-Архангельском Харлампиевском храме завершается реконструкция, позади огромный объём работы. Расскажите о вашем участии в восстановлении убранства храма.

— Мы разрабатывали эскизы, работали с резчиками, позолотчиками, писали иконы. В нашей мастерской и архитекторы, и резчики, и столяры, и позолотчики. Всего шесть человек — я, моя жена — иконописец Екатерина Красикова, иконописец Артём Чубаков из Воронежа, резчик Владимир Анатольевич Быков, архитектор Юлия Гензик, мастера по работе с деревом Павел и Сергей Бриг.

— В чём особенность создания иконостасов Харлампиевского храма?

— Мы хотим придать храму особую благолепность, ведь реконструкция Харлампиевской церкви — это значимое для Иркутска событие, и когда она будет завершена, надеемся, что к 2011 году, на её освящение в Иркутск приедет святейший патриарх Кирилл.

Мы хотим использовать в убранстве храма

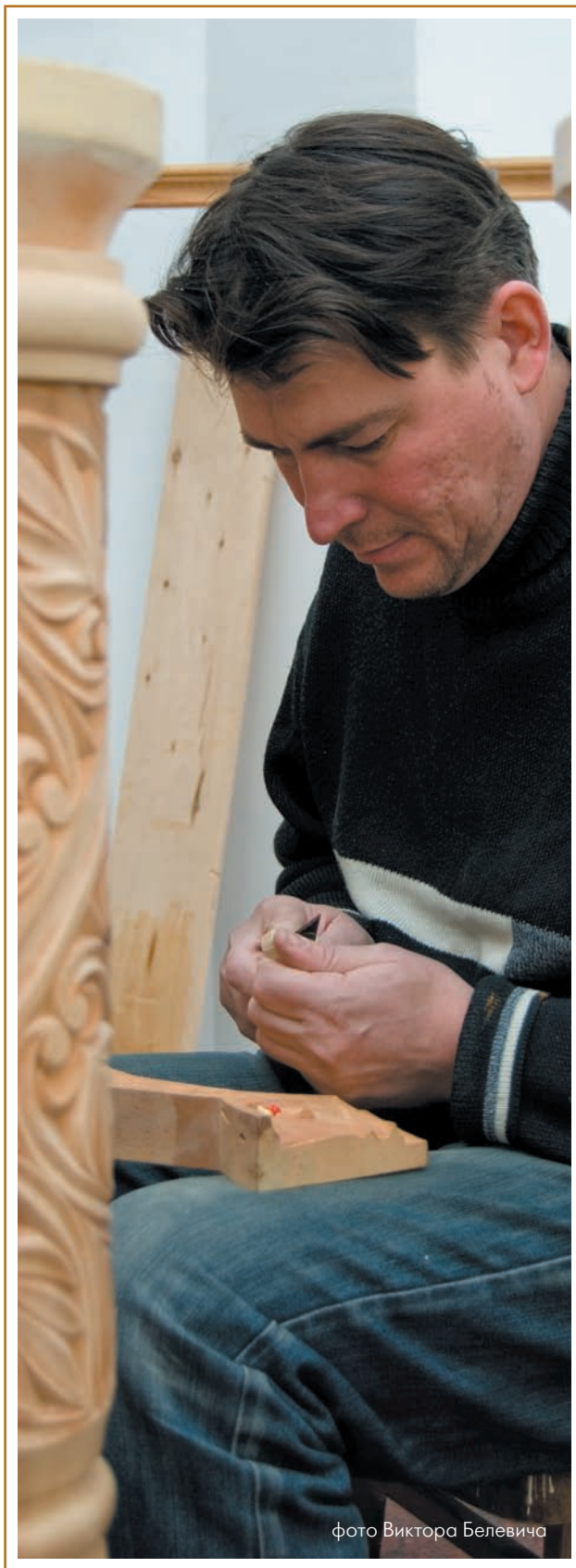

фото Виктора Белевича

фото Виктора Белевича

максимальное разнообразие материалов — и басму, и посеребрённую бронзу, и белое золото (платина в позолоте).

Иконостас Михаило-Архангельского предела храма создан в традиционном стиле русской иконы, его ещё называют московской школой. На правой стороне иконостаса изображён архангел Михаил и его деяния, на левой — три святителя: Иннокентий Иркутский, Софроний Иркутский и Иннокентий Московский. Храмовая икона и почитаемые иконы — левая и правая. В верхней части иконостаса — две иконы — Тайная вечеря и Троица.

— Сколько времени ушло на создание иконостаса Михаило-Архангельского предела и что было самым сложным в работе?

— Этот иконостас фактически был готов ещё два года назад. Но в то время было приостановлено финансирование реконструкции церкви, поэтому иконостас был установлен в храме только сейчас.

В настоящее время мы работаем над эскизами оформления второго и цокольного этажей. Пока трудно сказать, как будут выглядеть эти приделы.

Большой иконостас на втором этаже, надеемся, будет воплощением нашей мечты. Мы планируем установить пятиярусный или даже шестиярусный иконостас, размером 10x10 м. Его очень сложно сделать, необходима большая подготовительная работа. При разработке конструкции нужно учитывать ветровую нагрузку, существующую сейсмичность. Мне думается, что Харлампиевский храм будет одним из красивейших во всей Иркутской области.

* * *

Художник вдохновенно рассказывал о своей работе, а мне подумалось — насколько удивительно творчество иконописца: своей кистью он словно пишет саму добродетель, тот духовный свет, который так необходим человеку в нашем земном несовершенном мире. Хочется пожелать художнику, чтобы этот свет всегда был его путеводной звездой, а творчество дарило радость духовного возрождения.

Беседовала
Алёна Байбородина

- **КЯХТА**

очерк

Валентин Распутин

- **ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ.
НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА**

Дмитрий Суворов

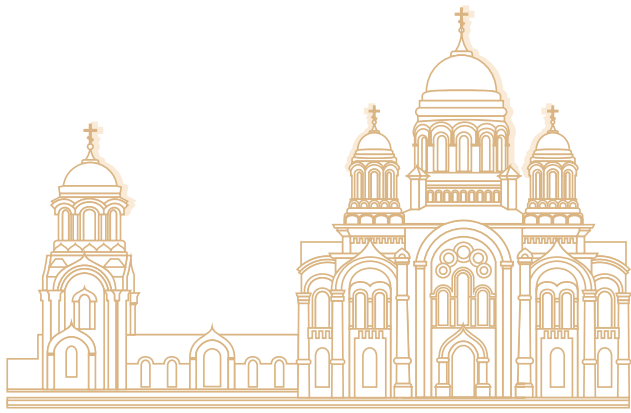
Скрижали
Истории

КАХТА

ОЧЕРК

Валентин Распутин

Мы приехали в Кяхту поздно, а утром, поднявшись на гору, откуда вся Кяхта открывалась как на ладони, я вспомнил свою бабушку Марию Герасимовну, безграмотную и мудрую деревенскую старуху, которая никуда с Ангары не отлучалась, с сомнением относилась к существованию в мире англичан и французов, но в Кяхту верила неукоснительно. С детства слышал я её вздохи: «Это чё ж такое деется, это пошто Кяхта-то простаивает?» — когда трудно стало с чаем, без которого бабушка обходиться не могла. Много без чего могла, а без чая никак. Она страдала без него так сильно, раз за разом поминая и заклиная Кяхту, что в неокрепшем моём умишке надолго отложилось, будто Кяхта — это второй после Москвы по важности город, влияющий на судьбу всякого и каждого.

И вот теперь передо мной лежал маленький городишко, какие прежде называли заштатными, почти сплошь в старой части деревянный, со склонов трёх сопок стекающий вниз и открыто, но несмело выходящий в четвёртую сторону — к монгольской границе. И лежал как-то немускулисто и расслабленно, казалось, даже удручённо, словно до сих пор не пришёл в себя от последнего решительного поворота судьбы. Позднее это впечатление если и не изменится, то отмякнет, сделается точней и справедливей, но поначалу оно таким именно и было: неужели это Кяхта? Неужели это Кяхта, которая во весь XIX век гремела на всю Россию, к которой с почтением относились в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, которую называли «песчаной Венецией», заказы которой исполняли в первую очередь, зная, что Кяхта не скупится, которая из всех сибирских городов спустя полтора века после Мангазеи приняла на себя её славу «златокипящего города»? Неужели всё это

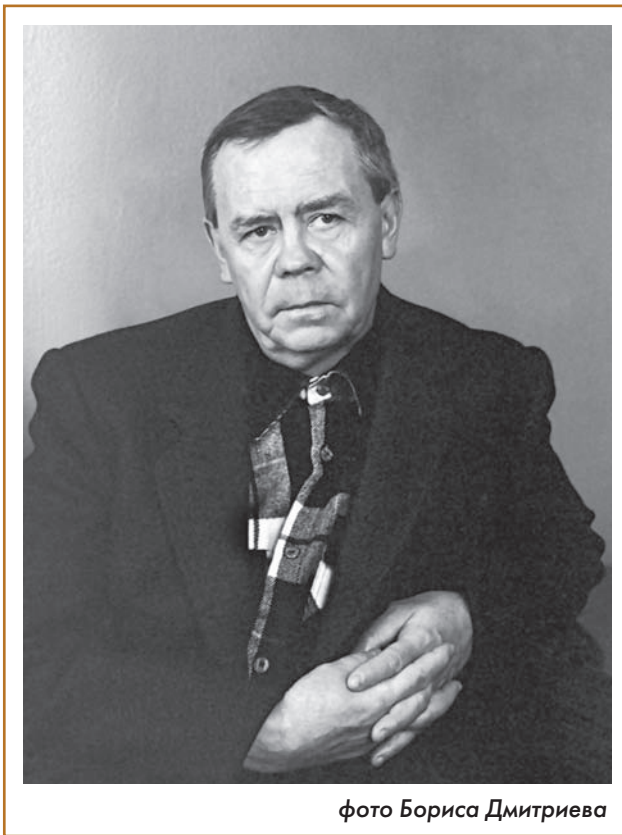

фото Бориса Дмитриева

здесь и происходило? Днём и ночью вон оттуда, от границы, где теперь монгольский город Алтан-Булак, шли верблюжьи караваны с чаем и холстами, выгружались вон за теми стенами Гостиного двора, где позже была прядильно-трикотажная фабрика, и купцы, прибывшие из глубин Китая, шли отдыхать вон в тот двухэтажный каменный Посольский дом на территории пограничного контрольно-пропускного пункта. Неужели и верно, что с Воскресенским собором, стоящим сейчас сиротливо и сутуло, только два-три храма в России и могли соперничать по богатству, что в нём были хрустальные колонны, а строился и расписывался он итальянскими мастерами? Что тёмные и полуразрушенные три двухэтажных дома возле речки Кяхты — это остатки посёлка миллионеров, где их, один другого богаче, ворочавших огромными оборотами, собралось в слободе за двадцать громких величин? И это только в Кяхте, а ведь жили-были они ещё и в городе.

Даже из местных жителей далеко не каждый сегодня знает, что нынешняя Кяхта вобрала в себя небольшую слободу под этим именем и город Троицкосавск. Теперь они сошлись в одно целое. Линия между ними почти неразличима. Пожалуй, провести её можно вон там, где справа от дороги на насыпи-кургане стоит памятник А.В. Потаниной, жене и помощнику в

тяжких трудах прославленного сибирского писателя и учёного Г.Н. Потанина, и где на месте кладбища, на котором была похоронена Александра Викторовна, позднее был разбит стадион. Город оставался по эту сторону от кладбища, слобода располагалась по ту, поближе к границе. Буквально в ста метрах от Кяхты начинался китайский город Маймачен, от которого теперь ничего не осталось. Здесь, в Кяхте, особенно хорошо заметно, какие изменения произошли в этой части света в прошлое столетие.

Зря моя бабушка в военное и послевоенное время надеялась на Кяхту. Кяхта отлучена была от чайных дел и потеряла торговое значение намного раньше. Упадок её начался ещё в XIX веке, но Кяхта и прежде знавала кризисы, умела сопротивляться им и оставалась в силе вплоть до революции, даже до монгольской революции 1921 года.

* * *

Кяхта — дитя торгового брака России с Китаем. До этого, говоря народным словом, были шашни. И при Алексее Михайловиче, и при Петре Великом все попытки завести серьёзные связи с самолюбивым и осторожным засибирским соседом кончались ничем: китайцы не держали условий, русские купцы из пределов Монголии и Китая высылались обратно. То, чего удалось добиться специальной миссии графа Саввы Рагузинского, в сущности, подготовлено было Петром, но осуществлено уже после его смерти. Много месяцев провела миссия в Китае, обговаривая пункты соглашения, натерпелась и унижений и волокиты, переезжала с места на место, и, наконец, в августе 1727 года соглашение было заключено и вошло в историю под именем Буринского договора: стороны подписали его на реке Буре, в восьми верстах от Кяхты. По нему определялась южная граница России и позволялся проезд русских купцов внутрь соседней территории, а для меновой торговли решено было поставить в двух местах пункты, по одному с каждой стороны, которые могли бы поддерживать меж собой постоянные связи.

Выбор с нашей стороны такого пункта на реке Кяхте — особое условие Саввы Рагузинского. Позднее много обсуждалось, отчего город заложен был не на полноводных Селенге или Чикое, а на маленькой речушке, которая

и в те времена своими размерами вызывала лишь милую улыбку. Надо сказать, что Кяхта и ныне, имея водопровод от Чикоя, страдает от недостатка воды. Но осторожный, учитывающий каждую мелочь московский посол выбрал речку, текущую не из Китая, а в Китай. Недолго она туда течёт, но в этом месте течёт именно туда, что и сыграло свою роль. Почему? Потому, вероятно, что граф Рагузинский боялся коварства соседей, которые при неладах могли отравить воду. Не забывайте, что происходило это в первой трети XVIII века, а тогда подобные предосторожности были не лишними.

Таким жребием и избрана была Кяхта, и так на этой речушке появилась крепость, ставшая затем городом Троицкосавском. «Савск» — в честь Саввы Рагузинского. А рядом возникла слобода. Сибирского купца в старые времена не приходилось подталкивать к освоению новых земель, он готов был на любые кулички, если они сулили ему выгоду и деятельность. Кяхта — уголок не из самых райских на земле. Пески, летом изнуряющая жара, зимой бешеные ветры; нравы, не отличавшиеся в то время мягкостью и благородством ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Иркутске, здесь и вовсе должны были представлять смесь плохого с худшим. На что, кроме барыша, рассчитывал купец, направлявший свои семейные повозки на нижний край России, можно только предполагать. Барышом довольствовались те, кто из знатных городов для ведения дела направлял сюда своих представителей, комиссионеров, осевшим же фамилиям этого было мало. Пески не втоптать, ветры не унять, зной не заговорить — значит, в песках под ветром и зноем следовало создать приличествующую карману и благородию жизнь, за которую не было бы совсем стыдно ни перед заезжим гостем, ни перед собственной дочерью, обучающейся манерам и французскому языку. Начиналось, вероятно, с этого, затем пошло дальше.

Не вдруг, не сразу, но и без долгой приглядки, примеривая дом к дому, разрасталась слобода. Застройщиком и архитектором её прежде всего было дело, выгодная торговля. К двадцатым годам XIX века роли поменялись: не город правил слободой, а слобода городом. Она давала ему и окрестным сёлам работу, меценатствовала над ним, открывала училища, строила храмы, была законодательницей

вкусов. Рядом со слободой богател и город, но, богатея, терял власть и всё чаще оглядывался на слободу: что скажут в Кяхте? Постепенно даже и в названии Троицкосавск стал подменяться Кяхтой.

Позднее Кяхта добилась почти невозможного. Единственная на всю Россию, она вытребовала себе право быть самоуправляемым городом. Формальное подчинение генерал-губернатору мало что значило, это прекрасно понимали и в Иркутске, и в Кяхте. Граф Муравьев-Амурский, бывший в середине XIX века восточносибирским генерал-губернатором, для отвода глаз назначил пограничным губернатором в Кяхту своего родственника Деспот-Зеновича, попавшего в Сибирь за вольнодумство.

Странная водилась у прославленного графа родня: другой его родственник, не кто иной как Михаил Бакунин, опасный государственный преступник, в 1861 году в роли доверенного лица кяхтинского купца Сабашникова бежал из Сибири на американском барке.

В обязанности пограничного губернатора входило первое разрешение могущих возникнуть между двумя государствами недоразумений, а также борьба с контрабандой. Вообще же городом управлял «Совет старшин торгующего на Кяхте купечества», который руководил торговлей, взимал налоги за чайное место, что давало хорошие деньги, и распределял их на торговые и городские нужды.

Нигде, кроме как в Кяхте... Эти слова объяснением, недоумением и удивлением не однажды возникают, когда знакомишься с историей города.

Начать с того, что ни в каком другом месте во всем свете Кяхта и не могла появиться, тут, в

этом углу, где сходились разные религии, культуры и судьбы народов, и была её точка, тут и велено было ей родиться. Возникнув из недр экзотики, она сама от начала и до конца была экзотикой, быть может, не совсем представляя, что это такое. Но она была российской территорией и обязана была подчиняться российским законам, не всегда удобно ложившимся на особенности её занятий и быта.

Нигде, кроме как в Кяхте...

Между слободой и китайским городом Маймаченом, например, никаких ограничений и никакого контроля в движении туда и обратно не существовало: «ходы куда хоты». Но по дороге из Троицкосавска в слободу, из одного российского пункта в другой, едва разделённых между собой полутора

вёрстами, стояла таможня, обыскивающая пешего и конного, его величество и его нижайшество. Искать логику в российских законах и всегда-то представляло немалые затруднения, а в середине XIX века законами по отношению к Кяхте управляло одно

упрямство. Торговлю обязывали быть только меновой: вы нам чай и «китайку» (бумажное полотно), мы вам меха, мануфактуру и кожи. Однако китайцев товарный обмен не устраивал, они требовали за чай серебро и золото. Китайцы требовали золото, а русское правительство решительно, под страхом каторги, запретило пользоваться им в торговых операциях: или сбывай топоры и кожи, или закрывай дело. Вопрос стоял так: быть или не быть Кяхте, потому что ни китайцы, ни московские власти на уступки не шли, а таможне даны были строгие предписания.

Что оставалось кяхтинцам делать? От мала до велика они объединились в контрабанде.

Чайные ряды

Это было великое надувательство не расположенных к ним установлений, о котором все знали, в котором все участвовали и все закрывали глаза, делая вид, что ничего противозаконного не происходит. Торговля могла продолжаться на металл, она на него и продолжалась. «Экипажи делались с двумя днами, с потайными ящиками в оглоблях, осях, колёсах, хомутах, дугах — словом, везде, где только была возможность устроить помещение для золота и серебра», — свидетельствовал Д.И. Стахеев, журналист и писатель, в то время торговавший в Кяхте и хорошо знакомый с её нравами. Присланный для борьбы с контрабандой губернатор Деспот-Зенович очень скоро разобрался, что к чему, махнул на свою миссию рукой и счёл за лучшее заняться изданием «Кяхтинского листка», в должности цензора защищая его от цензуры.

И так продолжалось десятилетиями, в которые Кяхта не только не пострадала, а, напротив, расцвела — пусть и преступной, недозволенной, но от этого не менее привлекательной красотой. Построены были Гостиный двор в слободе и Гостиный двор в городе, к двум деревянным церквушкам прибавились три больших каменных собора, один из которых в слободе являл собой роскошь, недоступную, пожалуй, и столицам. Разбили бульвар, для орошения его провели водопровод, открылись именные училища, выписывались для них библиотеки. На путешественников этих лет, оставивших свои впечатления о Кяхте, производят сильное действие две вещи — яркая бутафория Маймачена, где по китайским законам близ границы не разрешалось жить женщинам, и вызывающее богатство слободы.

Ограничения на торговлю сняты были в 1861 году. В 1885 году в Кяхту впервые приезжает по судьбе политического ссыльного

И.И. Попов, оставивший о себе в Сибири память общественной деятельностью. Попов был зятем самого видного кяхтинского мецената и прогрессивного деятеля из купцов А.М. Лушникова и прожил в Кяхте не один год. В своей книге «Минувшее и пережитое» он посвящает ей, пожалуй, самые полные, живые и интересные воспоминания. Не впечатления путешественника и гостя, а свидетельства очевидца и участника многих событий. Быть может, временами Попов описывает Кяхту излишне восторженно, но ведь и для восторженности нужно было сохранить настроение и не поддаваться привыканию, которое способно сгладить и принизить всё что угодно. Чтобы этого не произошло, требовалась, конечно, далеко не обычная обстановка.

Панорама Кяхты, 1881 г.

«Апартаменты кяхтинцев, — описывает И.И. Попов, — были обширные и располагались в двух этажах. Верхний этаж отводился под парадные комнаты. Комнаты всегда были со вкусом меблированы, и аляповатости меблировки купеческих

семей России я не встречал в Кяхте. Картины, библиотека, музыкальные инструменты, бильярд, иногда зимний сад и всегда роскошные комнатные растения, какие я редко встречал даже в России. Усадьбы кяхтинских купцов занимали относительно обширные площади. С главным домом, флигелями, кухней, баней, службами, каретниками, конюшнями на десятки стойл, коровниками, конским и скотским двором, садом, где часто бил фонтан, и т. д. Дом кяхтинца — полная чаша, с массой челяди и служащих, с погребами редких вин и гастрономии, непосредственно выписанных из столиц, а то из-за границы, с каретниками, полными разнообразных экипажей, конюшнями с кровными рысаками, выездными, верховыми, беговыми, рабочими лошадьми, каковых

только для домашнего обихода содержалось 40–60. Для детей имелись ослики, у которых были также свои экипажи. Скотный двор был полон коров, всякой птицы. Всё выписываемое было добротное, высокого качества: «всё равно втридорога платить — на бутылку целковый падает: стоит ли после этого дешёвую дрянью выписывать» — так рассуждали кяхтинцы. И выписывали обувь, костюмы, обстановку и пр. из столиц, а дамские туалеты нередко от самого Борта из Парижа. Известный портной в Петербурге Новотня находил выгодным для себя раз в год приезжать в Кяхту и брать заказы. Сняв мерки, он получал заказы по телефону. Артисты, концертанты не боялись трястись от Иркутска и мёрзнуть несколько сот вёрст — они знали, что гастроль с лихвой окупится».

Давайте переведём дух. Я позволил себе эту длинную выписку не только для того, чтобы показать, в какой роскоши купалась кяхтинская верхушка. Чего и ждать от удачливого прыща, за каковой можно принять Кяхту, где миллионер сидел на миллионере и погонял миллионером! Разумеется, выхвалялись друг перед другом, не без этого, богатство требовало демонстрации и шума. Но бешеное богатство могло являть себя бешеным безобразием и дурным вкусом, нередко так оно и случалось, за примерами и в России, и в Сибири далеко ходить не надо. В Кяхте же в продолжение XIX столетия постепенно создалось в среде купцов независимое, образованное, с передовыми для своего круга взглядами общество. Общество, разумеется, небольшое, но влиятельное, к которому прислушивались и подражали. Соревнуясь во внешней демонстрации богатства, принято было соревноваться и в его благом употреблении. Со всем плохим и хорошим, замечательным, исключительным и непонятым это была всё та же Россия, но — проташенная через Сибирь, порастрясшая по её дорогам часть старых качеств и натёршая часть новых, остановившаяся там, откуда по морям до Европы было ближе, чем до собственной столицы. Так или иначе это сказывалось на взглядах кяхтинского промышленника.

Вести выгодное дело — первая заповедь всякого торговца. От сибирского купца сама эта огромная и невозделанная земля потребовала расторопности, живого ума и образования, без которых ещё можно было обходиться

в XVIII веке, но не в XIX. В XIX, чтобы соперничать со своим братом соотечественником и европейцем, приходилось присматриваться, как хозяйничает европеец, что имеет он в своём обзаведенье, какие машины и приёмы, угадывать, куда он в торговле метит. Случались среди сибиряка, разумеется, всякие экземпляры, но экземпляры случаются во все времена, и речь не о них. На фигуру кяхтинского купца повлияло, кроме того, пограничное положение города, в котором он жил, даже и не отдалённость города, а заброшенность, обрётшая его на духовное нищенство и на влияние сильной соседней культуры. Одинокими и судорожными усилиями противостоять этому было нельзя, потребовались для поддержания порядка и духа постоянные общественные мероприятия и сборы. Так введены были акциденции — местный налог за чайное место, дававший немалые деньги. В кяхтинце по всей логике вещей должно было разыграться самолюбие, подогреваемое богатством, и оно, разумеется, разыграло. Московское купечество ставит новый собор краше старых, давайте и мы не поскудимся. Петербург одевается у Новотни, а мы чем хуже? Далеко, говорите, от Петербурга, неудобно ездить на примерку? Ничего, Новотня сам к нам приедет, не пожалеет. Княгиня К. заказала в Париж платье Борту? Ну и мы закажем Клавдии Христофоровне — что за оказия? Если моя дочь показывает способности, отчего бы ей не брать уроки скульптуры у Родена? И верно, дочь А.М. Лушниковой Екатерина у него их и брала, и Роден считал её лучшей своей ученицей. В Кяхту приезжали на жительство из Германии и уезжали в Швейцарию, никого это не удивляло.

«Показать товар лицом» имело здесь широкий смысл. Это значило, во-первых, показать себя, своё твёрдое положение и европейские вкусы одновременно с демократичностью и широкой натурой. Дочь могли выдать замуж за французского коммерсанта, сына женить на горничной. Американец Д. Кеннан, написавший хорошо известную у нас книгу «Сибирь и ссылка», побывав в Кяхте, заметил, что земля мала, — он встретил там и европейцев, и европейскую культуру, и продающиеся в лавке предметы Нового Света. С.И. Черепанов, оставивший воспоминания о Кяхте двадцатых-тридцатых годов XIX века, уже в то время называ-

ет тамошних купцов «высокообразованными людьми, каких среди русского купечества не было». Едва ли верно, что «не было», решительные противопоставления в таких случаях чаще всего несправедливы, но и на кяхтинских весах, составивших это мнение, лежал, стало быть, не случайный груз местной культуры.

«Показать товар лицом» значило также показать свой город, который являлся здесь лицом России. Ясно, что кяхтинцы украшали и благоустраивали его прежде всего для себя, для сносного и даже красивого житья, чтобы меньше чувствовалась отдалённость, однако имел место и «показ». Рядом стоял китайский Маймачен, невольное соревнование с ним происходило постоянно и во всём. Кяхта не только не должна была ударить в грязь лицом, но и по многим статьям, не зависящим от традиции и нравов разных народов, превзойти. По тому, как живут в Кяхте и как работают, судили вообще о русских. Почти на всех путешественников, переступающих границу, в Маймачене производили впечатление чистота и восточная нарядность города, а больше всего — тучные и диковинные обеды из сорока–шестидесяти блюд.

В Кяхте тоже любили угощать и нередко утомляли чаями, в которых не было недостатка, а возле ведёрных самоваров не пустовали и столы, но не это главным образом оставалось в памяти после Троицкосавска и Кяхты, не меню заставляло вспоминать «песчаную Венецию», а нечто иное, что касалось образа жизни и мысли, в некотором роде даже образа богатства, который имел здесь заметные отличительные черты.

Но «товар лицом» — это и в прямом смысле товар, умение торговать и отказ от нечистых средств в торговле. Торговая община вырабатывала свои законы и заставляла соблюдать их всякого, кто рассчитывал быть жалуемым. Во второй половине XIX века ко всему подозрительные китайцы полностью доверяли кяхтинцам. Сделки на огромные суммы обычно совершались под слово, и так же, как прежде обман, это стало в порядке вещей. Из последних десятилетий до нас дошёл только один случай, когда слово кяхтинца чуть было не лопнуло, но купечество, прознав об этом, выложило все свои наличные и спасло себя и своего собрата от позора.

Из Кяхты вышли фамилии Боткиных, Сабашниковых, Белоголового, Прянишникова, ставших в России знаменитыми своими талантами в культуре, науке и медицине. В реальном училище преподавал И.В. Щеглов, известный сибирский историк. В войсковой русско-монгольской школе учился будущий знаменитый бурятский учёный Доржи Банзаров. Здесь жил и работал автор песни «Славное море, священный Байкал» Д.П. Давыдов. Сын декабриста Николая Бестужева А.Д. Старцев (он воспитывался в семье селенгинского купца Старцева и носил его фамилию) собрал лучшую в Европе библиотеку китайских манускриптов. В Кяхте снаряжали свои экспедиции исследователи Азии Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, Н.М. Пржевальский и Г.Е. Грум-Гржимайло, П.К. Козлов и В.А. Обручев, тут они подолгу жили и выступали перед кяхтинцами с лекциями, помогли открыть краеведческий музей и отделение Географического общества.

Размышляя о судьбе этого маленького городка с громкой славой, поневоле задаёшься вопросом: а что было бы, не пойдя направление кяхтинского купечества вот так, как оно пошло, когда богатство не впало в чванство и самодурство, не отворотилось от наук и искусств и умело даже и сквозь мощну видеть российские потребности. Разумеется, взгляд сквозь мощну был несколько смещённый, однако смелость, самостоятельность, критический прищур отнять у него нельзя. Выручали образованность, знакомство с европейскими порядками, общение со многими передовыми людьми того времени. Кяхтинцы не раз без всякой опаски собирали деньги и высылали их Герцену на издание «Колокола». Через Кяхту переправлялась корреспонденция в Лондон, а из Лондона через Китай доставлялись номера журнала. Здесь не боялись открыто их обсуждать и передавать друг другу. Крепкое положение и отдалённость, независимость от властей и вызывающая самость создали особый общественный климат с откровенно высказываемыми мнениями и взглядами, при котором смешивались высокомерие с демократичностью, здравый смысл с упрямством. Всё было. Было, что один из самых больших воротил Кяхты Н.Л. Молчанов, отправив ругательную телеграмму издателю «Московских ведомостей» М. Каткову за помещённую там, по его мнению, какую-то глупость, шёл после

этого на репетицию самодеятельного театра разучивать роль рядом с учителем и конторским служащим. И было, что другой воротила, поговорив о Герцене, скупал билеты на представление приезжей труппы и раздавал их своей дворне, отнюдь не из образовательных целей, а чтобы досадить «торгующему на Кяхте купечеству». Без всего этого и Кяхта была бы не Кяхта, а одна только вывеска. Но и при этом, при всём своём многоцветье и многотипье, при правилах и сопутствующих им исключениях из правил, она имела определённое лицо, и лицо это выглядело значительным и культурным.

Но могла или не могла Кяхта при ином направлении и порядке местных вещей стать другим городом — тёмным, сытым и неповоротливым, каковых по матушке России водилось не так уж мало? Отчего происходит, что неприметный по всем статьям, далеко стоящий от больших дорог городок издавна питается

культурой, заводит богатые библиотеки и музеи, выписывает лучшие издания, организует духовную жизнь, а город неподалёку, более богатый, выгодно стоящий и удачливый, тешится полусонным существованием, заглушая живую мысль тяжёлой одышкой? Отчего? Не оттого ли, что в одних случаях единственным делом считается «дело», капитал, любым способом обогащение и материальное утверждение, а в других побеждает разумное мнение, что капитал не может существовать ради капитала, иначе человеку при капитале грозит перерождение в зверя. Логика настолько простая и верная, что на практике чаще всего оказывалась недостижимой.

Уж в чём, в чём, а в безынициативности и неповоротливости кяхтинское купечество обви-

нить невозможно. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов XIX века, когда чай в Россию пошёл через моря по открытому Суэцкому каналу, оно выдержало страшный удар. Перевозка по воде обходилась в десять раз дешевле, чем через всю матушку Сибирь по дождям и морозам. Вот тут, когда грянула беда, и обозначилось, чем была Кяхта для Сибири: извоз по всему пути от китайской границы за Урал, мануфактурные фабрики и кожевенные заводы, работающие только на Кяхту, многочисленные ремёсла среди населения, заготовка пушнины от Оби до Камчатки. Кяхтинцы сделали всё, чтобы их прошение дошло до царя и было

рассмотрено к удовлетворению спасительных предложений: пошлину за фунт чая снизили с сорока копеек до пятнадцати, цветочного — с шестидесяти до сорока, таможенно перенесли в Иркутск, позволив беспошлинную торговлю в ближних районах. Европу как ры-

Троицкий собор, вторая половина XIX века

нок сбыта Кяхта потеряла, но Сибирь и часть России остались за ней. И тридцать лет после того, до следующего, ещё более мощного удара, Кяхта продолжала процветать и благополучно конкурировать с морскими перевозками. Кяхтинский купец пользовался уважением во всей промышленной и торгующей России, кяхтинский купец первой гильдии — это было особое, высшее звание и огромный авторитет. Он проникал в Монголию и Китай и становился компаньоном чайных фирм, открывал фабрики в Пекине, добывал золото на Лене и бил бобров на Камчатке, участвовал в проникновении на Аляску и занимался хлопком в Туркестане. И даже чуть было не погубивший Кяхту Суэцкий канал умудрился использовать в свою выгоду, провозя чаи вокруг Европы через Ле-

довитый океан в устье Енисея, где не существовало пошлыны. Он провёл к Байкалу собственный, намного короче почтового, чайный тракт со станциями, ямщиками и рабочими, имел на Байкале и Амуре свои пароходы, приводя их опасными и дальними путями не откуда-нибудь, а с лондонских верфей.

Тут, вероятно, вернее было бы говорить о новом типе русского человека, своей деятельностью сокрушившего сказку о тяжёлой русской созерцательности и симпатичной лени. После поразительного по своему упорству и устремлённости броска казаков через Сибирь к Тихому океану в первой половине XVII века, после мангазейского торгово-промышленного чуда, вызывающего удивление до сих пор, после шелиховской кампании в Америку — Кяхта была следующим «пружинным» действием на просторах Сибири русского характера, показавшего способности не только накапливать, но и мощно проявлять энергию.

На рубеже двух столетий Кяхту ждал новый удар. Он пришёл со строительством Транссибирской магистрали, которая взяла на себя все перевозки и сделала ненужной прежнюю систему доставки грузов.

Кяхтинское купечество ещё пытается сопротивляться, отыскивая новые дела, готово строить на концессионных началах Трансмонгольскую железную дорогу, участвует в изысканиях, но начинается мировая война, затем революция и гражданская война... Кяхту занимают войска интервентов. Ей предстояло сыграть ещё одну роль — стать центром подготовки монгольской революции. Кяхтинские тузы, совсем недавно уверенные в том, что среди местных рабочих не может быть недовольных, с удивлением и страхом взирают на уличные процессии с красными флагами. И, наконец,

проснувшись однажды, Кяхта видит, как догорает Маймачен, партнёр её по торговле с китайской стороны, бок о бок с которым было прожито почти двести лет.

Напрашивается слово, что история рванулась вперёд, теряя по пути своих любимцев, однако история к своим любимцам возвращается редко, а так хочется, чтобы Кяхта не потерялась окончательно в безвестности.

* * *

Мы приезжали в Кяхту дважды. В первый раз в 1985 году, когда в России только что была объявлена «перестройка», и во второй — спустя десятилетие, когда она дала свои обильные плоды. Что значит десятилетие для богатой и красочной истории Кяхты — только один шаг... Но этот шаг, внешне малозаметный, если смотреть на Кяхту со стороны, изнутри оказался окончательным движением в какой-то глухой тупик, в неподвижность, при которой организм дышит, надеется, ищет деятельности и — не находит, изъятый из обращения, точно вещь.

И в третий раз я побывал в Кяхте спустя ещё десять лет, проездом из Монголии, всего несколько часов.

Случилось так, что первые два моих приезда в Кяхту пришлось на одну и ту же пору в октябре, когда после «бабьего лета» такая гуляла по Забайкалью благодать с ненатужным теплом и солнцем, что хоть проверь календари. Люди раздевались до рубашек, дали стояли в чистых и отчётливых картинах, в бесточном воздухе держался возбуждающий запах сухих степных трав, от деревянных домов доносило нагретостью и стариной. Мы ходили по Кяхте днями, расспрашивая, сравнивая и раздумывая, то удивляясь, то огорчаясь и недоумевая, поднимались на невысокие горы, одну и дру-

Воскресенский собор, конец XX века
(фото Бориса Дмитриева)

гую, вставшие по бокам города, и всматривались в рисунок улиц с таким вниманием, будто в нём могло явиться хоть тенью какое-то скрытое очертание. Всматривались — и невольно приходили к мысли о властной усталости Времени на исходе второго тысячелетия. Точно от людей уже ничего не зависит, и все их благие намерения, все попытки освободиться от давящей тяжести и предрежённости судьбы ни к чему привести не могут.

Сравнивать приходилось двойным сравнением — с тем, что, по описаниям, было раньше, лет сто назад, и с тем, что застали мы в пер-

приготавливаемый для создания в нём музея географических открытий в Центральной Азии, во второй раз после революции постигло ещё большее разрушение и надругательство. Граждане обнищавшей «свободной» России после 1991 года, как и граждане «свободной» Монголии, кинулись в торговлю, и по обе стороны контрольно-пропускного пункта на границе рядом с собором выстроились километровые очереди «челноков». Они простаивали в ожидании досмотра долгими часами и ночами на ветру и морозе. Чтобы развести костры и согреться, «коммерсанты» обдирали в соборе

Троицкий собор, конец XX века (фото Бориса Дмитриева)

вый приезд. Уже тогда не нашли мы слободы с её знаменитой улицей миллионеров в 35–40 усадеб, посредине которой проходил бульвар, упирающийся в общественный сад. К саду примыкала площадь, а на ней царствовал построенный итальянцами с невиданной роскошью Воскресенский собор. За собором начинался обширный Гостиный двор, куда свозился чай и где производилась его переработка и расфасовка.

Воскресенский собор в середине восьмидесятых находился в лесах реставрации, которыми он был окружён к тому времени лет пятнадцать. Они простояли ещё лет пять и сгнили, а собор, наполовину отремонтированный,

всё, что могло гореть, а в его стенах устроили общественный туалет. К нашему второму приезду горы нечистот из храма были выгребены, ко входу приставлен сторож, разъясняющий назначение собора, один из приделов в нём отгорожен деревянной стеной, отмыт, обогрет печкой — и наконец-то впервые за многие десятилетия среди разрухи и брошенности зазвучало в нём слово Божье... Батюшка, справляющий службу в Успенском соборе, правильно рассудил, что важно «войти» в Воскресенский храм, охранить его от дальнейшего поругания иконой и молитвой, а в будущем и сам Господь должен помочь... Но разрушения таковы, что без Господней помощи, кажется, не обойтись.

Ещё ужасней выглядит Троицкий храм в городе.

Но пока речь о слободе, вернее, о том, что осталось от слободы, блиставшей когда-то яркой и громкой славой.

Канула слобода безвозвратно в вечность. Ни сада, ни бульвара, ни пруда, которыми она была украшена, нет и в помине. И быльём, и травой поросло, давно занялось пустырьём. От купеческой улицы сохранились три дома, остальные после революции в порыве классовой ненависти к непролетарской собственности или разобраны на дрова, или перевезены за границу. Один из уцелевших домов принадлежал Алексею Михайловичу Лушникову, самому именитому кяхтинцу конца XIX века, меценату,

гостей. Здесь подолгу жила декабристы, отбывавшие ссылку неподалёку в Селенгинске, здесь неизменно останавливались во время экспедиций все известные исследователи Азии. Здесь Джордж Кеннан, проехавший всю Сибирь, удивлялся вольным, едва не революционным речам хозяина, оглядываясь на окружающую того роскошь. В этих стенах родился Д.И. Прянишников, знаменитый учёный-агрохимик. Ядринцев и Потанин, Обручев и Козлов, Легра и писатель Максимов — многих и многих принимали, угощали, слушали и поздравляли в просторной гостиной на втором этаже этого дома.

Мы подходим к нему и долго стоим молча. Запустение, заброшенность, какой-то му-

Дом А. М. Лушникова в слободе, конец XX века (фото Бориса Дмитриева)

покровителю и попечителю учебных и культурных заведений, главе «торгующего кяхтинского купечества», чрезвычайно образованному человеку, о котором сохранились и печатные воспоминания, и предания. Это был внешне удачливый и внутренне удачный тип русского человека, который до всего, до знаний и почестей доходит сам и который, в отличие от европейца, оставшегося бы этим счастливым, всю жизнь мучается от неудовлетворённости и взыскательности своей души, платя бесконечную дань за богатство.

Лушниковский дом редко оставался без

ченический вид дома, в котором ещё остаются люди, подбирающие его остатки, подавляют. Так было в первый наш приезд, так было и во второй — с тою, разумеется, поправкой, на которую сместилось небрежение за десятилетие. Первый этаж, как и обычно строились богачи, каменный, с небольшими скромными окнами, второй — деревянный, высокий и светлый, глядящий вокруг далеко и открыто. Теперь он никуда не смотрит или смотрит только в себя, в свою обречённость. Ещё тогда, в 1985-м, с верхнего этажа были выселены люди, чтобы, выселив затем оставшиеся семьи и из нижнего,

устроить в лушниковском доме музей знаменитых кяхтинцев. Теперь об этих планах уже и не говорят. Верхний этаж пуст, с него годами свисают какие-то лохмотья, в нижнем продолжают жить всё те же семьи. Они уже не удивляются, а только ещё больше затаиваются внутри, когда, подобно нам, заходят во двор чудаки, ищущие воспоминаний.

Высоко в небе над пограничной полосой парит ястреб, высматривая добычу, за ним с земли следит парень с карабином, шурясь от солнца и бездонного неба. Воздух сух, плотен, дальние сосняки на горах клубятся светлой зеленью, в жёлтом дыму от опадающей лиственничной хвои плавают город. В такие минуты, заморочив теплом и покоем, время как бы оставляет землю, воспаряя в небесные высоты, и не остаётся у нас ни прошлого, ни настоящего, только следы того и другого.

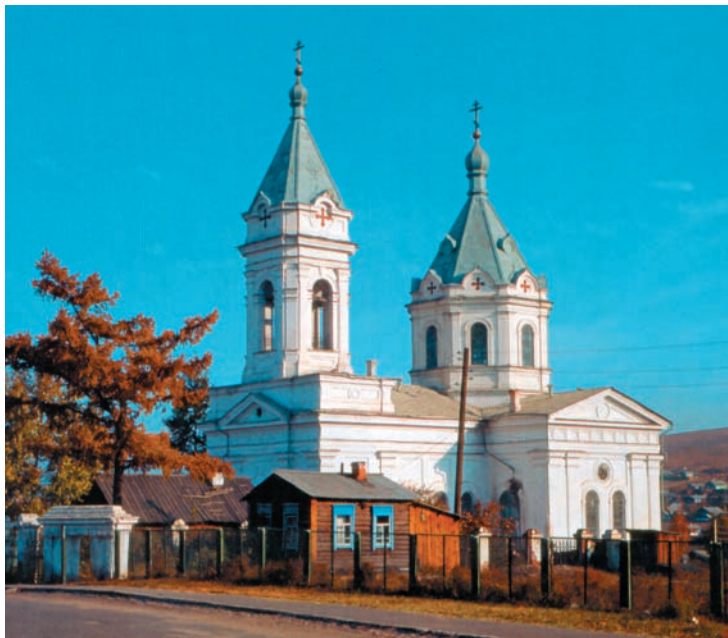
* * *

Если слобода за своё богатство наказана была жестоко, то город (Троицкосавск), живший скромнее, в большей части сохранился и до самого последнего времени держал свой патриархальный вид.

Хорошо помню первое впечатление от города ещё двадцатилетней давности. Идёшь по нему и только успевай удивляться. То вдруг явится не сказочное, нет, а былинное видение — толстостенное, как крепость, с экономными, словно бойницы, окнами и тяжёлой замшелой крышей. Вровень с избой глухой заплот, ворота и калитка с витым чугунным кольцом — под навесом, со двора выносятся могучая лиственница, как бы не выросшая, а выстроенная под стать общему плану. То в двадцати шагах от такой крепости такая выплывет навстречу форсистость, что поневоле ахнешь: теремная, высокая, многооконная и

многотрубная, сияющая, разукрашенная резьбой, с боковой террасой в верхнем этаже, с затейливыми и фигурными, будто наскакивающие по углам на крышу змеи-горынычи, водостоками. Так и чудится: растворится сейчас наверху окно и капризный женский голос, перепутав времена, что-то потребует или прокричит что-нибудь восторженное. Конечно, в кружеве резьбы там и сям дыры, дерево потемнело и потрескалось, одно из окон, обрывая бодрую музыкальную фразу, за какой-то ненадобностью заделано, в другом фальшивым звуком заменена рама, терраса подгнила и скособочилась, а всё равно — картинка да и только, стоишь и не можешь отвести глаз. Рядом дом попроще, но тоже не из рядовых, какой-то весь из себя

живой, молодецкватый, задиристый, по виду — из разбогатевших приказчиков. А во дворах, едва не в каждом дворе, и вовсе старина: вросшие по окнам в землю избушки, почерневшие и подрыхлевшие амбары, завозни, сараи, мастерские — начала и задворки именитых и неименитых троицкосавских родов, до сих пор хранящие следы миновавшей жизни.

Успенская церковь, конец XX века (фото Бориса Дмитриева)

И через десять лет город ещё держался. Несмотря на павшие на Россию дикие по своей разрухе времена, он выглядел прибранным и уютным, хотя и замечалось, что вид этот он держит из последней мочи, сознавая, что стоит только опуститься и пиши пропало. Вся Кяхта в двадцать тысяч человек осталась к той поре без работы: остановилась прядильно-трикотажная фабрика, замерли кожевенный завод и плавико-шпатовый рудник в районе — всё, что давало пропитание. Учебный год в школах не начался и в октябре: бастовали учителя. Как живут, чем живут кяхтинцы — оставалось тай-

фото Бориса Дмитриева

ной. Но тайной, имеющей притихший, скорбный, бесконечно печальный вид.

Хорошо, что в середине восьмидесятых миновавшего столетия успели отреставрировать Успенский собор. В 1990-м он передан церкви, начались службы, и кяхтинцам было где молить Бога о милости и надежде. Погост подле собора, где в первый приезд мы застали, как тогда всюду повелось на Руси, на месте захоронений стадион, отошёл, как и положено, в собственность церковного имущества, и мяч по костям предков здесь уже не гоняли. Могильные плиты полностью на законные их места уже не вернуть, но часть погоста сохранилась и жмётся, жмётся к стенам собора, не веря в спасение.

Третий кяхтинский собор — Троицкий, самый старый и большой, о пяти приделах, на котором ещё в 1990-м году крепилась доска: «Охраняется государством» — не сберёт ни доски, ни охраны и являет, как кости, одни могучие обгоревшие стены. С одного бока к нему лепилась в бывшей просфирной денно и ночью торгующая водкой «коммерция», с другого — «коммерция» из игровых автоматов, с третьего — танцплощадка с дьявольской музыкой.

Всё вместе — и возвращение к вере предков, и нравственная дикость в условиях вседозволенности, и скромное достоинство, берегущее имя и честь города. И грубое демонстративное беспамятство, и из последних сил скрывающая себя бедность, и прорывающаяся на лицах безысходность. Всё вместе. Но такой тогда была не одна Кяхта...

Спасение её отцы города видели то в новой таможене с широким пропускным коридором и всей необходимой начинкой, то в предоставлении городу статуса (так и говорилось — статуса) свободной экономической зоны. Последнее особенно удивляло: это же не золотой век торгующего на Кяхте купечества — какая в нищете может быть «свободная экономическая зона»?!

А новая таможня появилась. Чтобы миновать её, и верно широкую, просторную, построенную по последнему слову техники и досмотровой службы, нам не пришлось терять время: ни с той, ни с другой стороны никто, кроме нас, пересекать границу не торопился. За 15–20 минут мы прошли все формальности и въехали в Кяхту 2005 года. Воскресенский собор слева, не дождавшись близкой, как представлялась

в начале «перестройки», милости от последнего поколения кяхтинцев, застыл безжизненной громадой, остатки слободы имели ещё более жалкий, кладбищенски-оставленный призрачный вид. Поколесили по деревянному Троицкосавску: былинность и сказочность его стёрлись за последнее десятилетие окончательно — обычное поселение вразной живущего народа. Пришлось вглядываться и вспоминать: а ведь город-то ещё недавно был в списке исторических, он и действительно находился под призором государства -- и куда всё это подевалось?! Там и сям среди старой, ещё способной удивить и тронуть сердце застройки, грубо раздвинув её, выпячиваясь, с претензией на богатство, торчат новостройки, о которых и говорить нечего: ну, построили, ну, живут... Я спросил у работника районной администрации, присутствовавшего на встрече в краеведческом музее: «Сначала поджигают, потом строят?» Он кивнул, не объясняя... Можно было не объяснять: так теперь всюду с памятниками деревянного зодчества — и в Иркутске, и в Томске, и за Волгой.

А в краеведческом музее сотрудники его, женщины, жаловались на безденежье, на то, что нельзя теперь найти поддержки ни в Улан-Удэ (Кяхта стоит в Бурятии), ни в Москве. Вздыхали о вождельных грантах. Музей замечательный, более ста лет назад его закладывали вместе с кяхтинским купечеством такие имена, как Ядринцев и Потанин, Обручев и Козлов, но тоже, как и всё в Кяхте, поблекший, потерявший бодрость и блеск. Кроме постоянной, всегда интересной и всегда полезной экспозиции о прошлом города, дежурная и полагающаяся, полуживая юбилейная экспозиция к 60-летию Победы в Великой Отечественной и невесть как попавшая сюда, словно заблудившаяся в чужом краю, выставка восковых фигур.

...Да, Кяхта нынче звучит сильнее, прочнее, чем стоит. Но, быть может, звук этот, неизымный под небом российского вековечья, не потерявший славы и привлекательности, даже магнетического притяжения к себе, и поможет городу выстоять и окрепнуть, невзирая на все превратности истории.

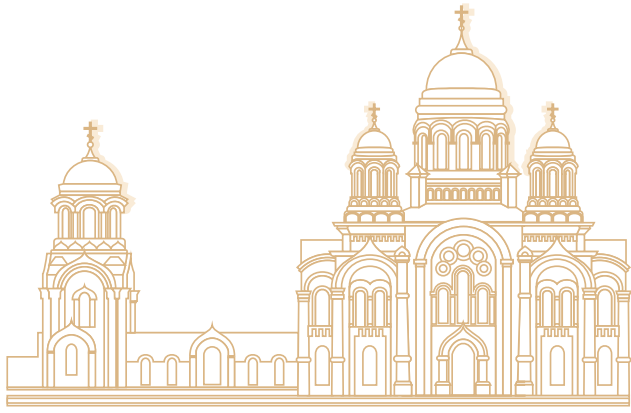
Повторюсь: так хочется в это верить!

1985, 1995, 2005

ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ.
НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Бронепоезд «Единая Россия», 1920 г.

Дмитрий Суворов

От редакции:

журнал «Иркутский Кремль» начинает публикацию серии документальных очерков Дмитрия Суворова об истории гражданской войны, написанных не с «белой», не с «красной», но с православно-самодержавной точки зрения, с точки зрения православного русского националиста (в смысле, преданно любящего свою русскую нацию). Автор, используя множество неизвестных или «замолченных» фактов и документов, напрочь опрокидывает навязанные «белой» и «красной» пропагандой трактовки гражданской войны в России и показывает участие «мировой сатанократии» как в «белом», так и «красном» движении. Начиная с нынешнего номера журнала, очерки будут публиковаться в нескольких номерах.

Кто выиграл гражданскую войну?

Почти восемьдесят лет отделяют нас от тех дней, слава которых «не смолкнет, не померкнет никогда», и всё же гражданская война ещё не вполне стала историей. На наших глазах происходит великая переоценка ценностей, заставляющая вновь и вновь вглядываться в не такое уж далёкое прошлое. Переоценка эта нужна, чтобы лучше понять настоящее, чтобы народу не захлебнуться кровью в будущем. Достаточно включить телевизор, и жуткие реалии гражданских войн обрушиваются на нас не только из так называемого ближнего зарубежья, но в последнее время и с окраин России. Вспомните, наконец, трагический октябрь 1993 года. Тогда нам всем показали, как гражданская война может стать реальностью для каждого из нас.

Стоит ли ворошить прошлое — спросят

иные. Может быть, хватит беречь старые раны? Стоит. И не только потому, что, как сказал поэт Борис Чичибабин, «за боль величия былому пора устроить пересмотр», и не только потому, что элементарное чувство самосохранения заставляет задумываться о том, как начинается этот революционный кошмар и как его не допустить. Дело ещё и в том, что общество, увы, по-прежнему расколото. Были и есть люди, молитвенно взирающие на красное знамя с надписью: «Вся власть Советам!» Для них это — святыня. Но были и есть другие люди, которые помнят: те, кто сражался по ту сторону баррикады под лозунгом «За единую и неделимую Россию», под трёхцветным флагом — тем, что является сейчас символом государственной власти в нашей стране, — те тоже были дети России и боролись за её будущее (вернее, за то, как они его понимали).

А ведь были ещё и третьи — те, которые не принимали ни белый, ни красный идеал и шли в бой со словами: «Власть Советам, а не партиям, за вольную коммуно!» Как их только не называли — «зелёными», бандитами, повстанцами (последнее, наверное, более близко к истине). Но суть от этого не меняется: это было самостоятельное движение со своим, если хотите, политическим идеалом.

И, наконец, гражданская война — это и время национальных движений. Собственно, начались они много раньше, ещё на рубеже XX века, во всех национальных районах Российской империи и продолжались, кстати, очень долго — почти до начала тридцатых годов, а на Кавказе — практически до самого начала Великой Отечественной войны.

И у всех людей была своя правда. Вообще, любая гражданская война — это столкновение нескольких сил, у каждой из которых есть своя правда. Отдавая монополию на истину какой-либо одной воевавшей стороне, мы неизбежно искажаем картину и грешим против истории. Ведь до сих пор в России едва ли не в каждой семье хранятся фотографии дедов и прадедов — в будённовках или погонах. Это и есть наша совокупная история, из которой, как из песни, слова не выкинешь.

Но для того, чтобы правильно оценивать историю, её нужно знать. И величайший парадокс состоит в том, что гражданскую войну, затиражированную в книгах, запетую в песнях, тысячу раз изображённую в кинолентах, мы не знаем. Она для нас — неизвестная война. Я имею в виду не только то, как она конкретно происходила, но и сам образ этой войны, ко-

торый для нас по-прежнему скрыт за пеленой привычных, но, увы, мифических представлений.

Мы до сих пор пользуемся заученными штампами-противопоставлениями: красные — белые, бедные против богатых, эксплуататоры — эксплуатируемые и т.д. И обманываем себя, ибо в жизни всё было намного сложнее. И страшнее. В том числе и на Урале, где гражданская война началась очень рано (в конце 1917 года) и затянулась до конца 1921 года.

Начнём с того, кто кому противостоял. Красные белым?

Но кого можно считать красными? Дело в том, что грань, отделяющая стопроцентных красных от крестьянских повстанцев — «зелёных», весьма зыбка.

Вспомните, как описывает Фурманов в книге о В. Чапаеве чапаевскую дивизию на первоначальном этапе её формирования. Типичная повстанческая часть, готовая встретить коммунистов картечью. Отметим, кстати, что Фурманов был не большевик, а анархист — потому его в чапаевской дивизии более-менее сносно приняли в качестве комиссара: могло быть и хуже. Эту конкретную дивизию и её командира в конце концов удалось приручить, и она стала одной из лучших на Восточном фронте: на вооружении её состояли танки, бронетехника, авиация и даже химическое оружие (!), а сам начдив — вопреки распространённому мнению — академию всё-таки кончил (только диплом не получил, сбежал на фронт). Но не везде у красного командования всё проходило так гладко. Вспомните ситуацию, описанную в романе того же Фурманова «Мятеж», когда крупное соединение Красной Армии становится не красным и не белым. Известны факты, когда М.Фрунзе на Восточном фронте приходилось снимать с передовой части для разоружения, а иногда и уничтожения взбунтовавшихся подразделений. Причём это опять-таки не за переход к белым, а просто за отказ защищать красный политический идеал. А в 1921 году именно такие «промежуточные» силы составят костяк бойцов Урало-Сибирского восстания; в штурме Ирбита летом упомянутого года участвовали тысячи крестьянских повстанцев, вооружённых дрекольем.

Или вот такой почти неизвестный факт. В 1918 году в районе Красноуфимска произош-

ло настоящее сражение между екатеринбургскими рабочими, пришедшими за хлебом, и местными крестьянами, не желавшими его отдавать. Рабочие против крестьян! Ни те, ни другие не поддерживали белых, но это не мешало им истреблять друг друга.

Впрочем, и отношения с белыми были у этих представителей народных масс не самые простые. На многих фронтах гражданской войны встречаем мы белых генералов и белые части с красным прошлым. Лидеры терского казачества — братья Бичераховы, прославившийся своей болезненной, садистской жестокостью генерал С. Булак-Булахович, а также так называемая Тульская дивизия Н.Юденича — всех их объединяет то, что начинали они свою войну в рядах Красной Армии. Я уже не говорю про известного повстанческого лидера на Украине, бывшего красного комкора, атамана Н. Григорьева.

Были ли подобные превращения на Урале? Да, были. Пример. Один из сподвижников атамана А. Дутова (а после его гибели в эмиграции от руки чекиста-диверсанта — командующий дутовской армией) — генерал Бакич. Член эсеровской партии и в начале гражданской войны — красный комбриг. Он провоевал до 1922 года на территории Китая и Монголии и впоследствии сдался в плен и был расстрелян без суда и следствия. Характерная деталь: Бакич воевал под... красным флагом, только на полотнище был пришит красный квадрат с цветами российского триколора.

А вот история чрезвычайно известная. В 1918 году против власти большевиков восстали рабочие Ижевска и Воткинска — важнейших пролетарских центров Урала. На их подавление были брошены отряды питерских рабочих, но они немедленно перешли на сторону повстанцев. Сопrotивление на Западном Урале продолжалось два месяца. После чего ижевские и воткинские повстанцы прорвали фронт и ушли на соединение с Колчаком. Они воевали под красным знаменем, называли друг друга и своих командиров «товарищами», ходили в бой с пением «Варшавянки». И при этом стали самой боеспособной дивизией в армии Колчака и провоевали с красными до 1923 года. Именно они под командованием своего командира Молчанова отбивали атаки В.Блюхера под Волочаевкой.

Так что не самые простые отношения были у большевиков и с крестьянами, и с рабочими. И не случайно не только карательный отряд белого капитана Казагранди свирепствовал в Богословске (нынешний Краснотурьинск) и Надеждинске (нынешний Серов), но и красный карательный отряд под командованием Ивана Михайловича Малышева расстреливал рабочих в Бисерти и Шайтанке (ныне Первоуральск). Помните слова в известном фильме: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют»?

Таких подводных камней в истории гражданской войны на Урале — хоть отбавляй. Казалось бы, общеизвестный факт: казачество в большинстве своём поддержало белых. Но... В составе партизанской армии Блюхера, совершившей летом 1918 года легендарный рейд на соединение с частями Восточного фронта, сражались 1-й Оренбургский казачий полк имени Степана Разина (комполка Т.Карташов), позднее развёрнутый в казачью кавбригаду (командующий Н. Темин). Оба командира были оренбургскими казаками. Да и не все помнят, что В.Блюхер стал командиром не в начале похода, а после сражения под Верхнеуральском, где был ранен первый партизанский командир — казак Николай Каширин.

А национальные движения?

Одной из лучших, элитных частей колчаковской армии была дивизия князя Голицына, целиком и полностью состоявшая из башкирских охотников-лыжников. У большевиков тоже были национальные башкирские части. Они так и назывались — «красные башкиры». Правда, Реввоенсовет предпочитал использовать их не дома, а подальше от родных мест, например, под Петроградом — против Юденича. Голицинские же башкиры скрещивали своё оружие с чапаевцами под Бугурусланом, Бугульмой и Белебеем... И не надо думать, что красные башкиры были сплошь бедняки, а белые — богатеи. Тот же Д. Фурманов на страницах «Чапаева» свидетельствует: при вступлении в Бугульму дивизия была обстреляна: «стреляли татары, и не богатенькие, а самая что ни есть голь перекатная». А при этом в авангарде Чапаевской дивизии шёл Мусульманский полк.

Да и в рядах белогвардейцев мы не найдём желанной классовой ясности. Не только в рядовом, но и командном составе белых армий

(в том числе и воевавшей на Урале Сибирской армии) практически нет ни крупной буржуазии, ни земельных магнатов, ни представителей правящей элиты царской России. Почти все руководители белых выдвинулись либо в годы войны (как А.Колчак), либо в Февральскую революцию (как Л. Корнилов и А. Деникин, а у нас на Урале — А. Дутов), либо, наконец, уже в саму гражданскую. Как самый молодой из белых командармов — 27-летний Анатолий Пепеляев, командующий Северной армией, «мужицкий генерал» — так его звали в Сибири.

И лозунги белого движения не были лозунгами восстановления дореволюционной России. Да, среди белогвардейцев было немало монархистов, но официальный лозунг Колчака — «Вся власть Учредительному собранию». Тому самому, разогнанному большевиками в начале 1918 года. И в этом смысле напрашивается поразительный вывод: и красные, и белые были «птенцами Февральской революции» и отстаивали её завоевания, каждый на свой лад.

Отсюда поразительная схожесть методов как тех, так и других: «бред разведок», по словам поэта Максимилиана Волошина, соревновался с «ужасом чрезвычайек», а сибирских казачьих атаманов, изощрявшихся в расправах, А.Колчак в сердцах обозвал «белыми большевиками». Особенно ясно эта «взаимозависимость» видна, когда смотришь наглядную агитацию времён гражданской войны. Такое впечатление, будто делал один и тот же человек. На деникинском фронте, кстати, так и было! Дублируется всё: сюжеты — только цвет флага меняется, тематика. Скажем, образ врага-чужеземца: для красных это — Антанта, для белых — латыши и китайцы. И даже конкретные детали плаката: так, известный красноармейский плакат «Ты записался добровольцем?» имел белый дубликат. Только надпись была иная: «Почему ты не в армии?» и песни обе стороны пели одни и те же, чуточку видоизменяя слова. К примеру, у белых:

Смело мы в бой пойдём
За Русь святую.
И, как один, прольём
Кровь молодую!

Чехословацкий эшелон, 1921 г.

Вообще, степень абсурдности всего происходящего лучше всего демонстрирует историк Леонид Юзефович, описывая ситуацию, сложившуюся в Забайкалье летом 1918 года, в своей книге «Самодержец в пустыне».

«Установить точную численность войск Г. Семёнова и С. Лазо практически невозможно. Сплошного фронта нет, всё постоянно движется, меняется, сотни людей по несколько раз перебегают от красных к белым и обратно. Дезертирствуют тоже сотнями: целые полки бесследно растворяются в степи. Мобилизации, которые пытается производить каждая из сторон, увеличивают не столько их собственные силы, сколько армию противника. Поскольку реквизиции проводили и белые, и красные, врагом становился тот, кто делал это первым. Какое-то разделение по имущественному признаку тоже не прослеживается: сплошь и рядом богатые крестьяне объявляют себя сторонниками советской власти, а бедные поддерживают Г. Семёнова. Грабят и те, и другие, поскольку обе стороны объявляют себя носителями высшей справедливости, понимаемой как имущественный передел».

Часто красное или трёхцветное знамя служило только поводом для сведения старых счётов... Обычно человек оказывался по ту или иную сторону фронта по причинам чисто житейским, не имеющим ничего общего с идеологией обоих лагерей. Большинство попросту не понимало, кто с кем и из-за чего воюет. В те дни люди, ещё не догадываясь об этом, выбирали судьбу на годы вперёд. Это — о ситуации в Забайкалье, но это же можно сказать и применительно к Уралу.

Прибавьте к этому трагедию десятков иностранных бойцов, волею судеб заброшенных в Россию умирать и убивать, ставших палачами и жертвами одновременно. Вспомните чехословаков в рядах белой и венгров, латышей и китайцев в рядах Красной Армии. Сколько их нашло свою могилу на уральской земле — Бог весть. Не менее дивизии чехов упокоилось на кладбище вокруг Нижнего Тагила, а где-то севернее нашёл свой конец китайский красный отряд под командованием Жэнь Фученя. И многие из них оставили зловещий след — не забыть «интернационалистов», заливших кровью Ипатьевский дом.

Наконец (и это, пожалуй, самое существ-

венное), любая гражданская война — звёздный час полевых командиров.

Тех самых, которых мы видели и в Афганистане, и в Боснии, и в Чечне. Если коротко, то это вожаки, каждый из которых мог бы подписаться под словами Шамиля Басаева: «Я подчиняюсь только Аллаху!»

Таких «подчиняющихся только Аллаху» было в те годы очень много. Они могли быть абсолютно бесконтрольными, как батька Ангел из фильма «Адъютант его превосходительства», или формально входить в ту или иную вооружённую структуру — неважно: в своих действиях они оставались «вольными птицами», то есть занимались, по сути, узаконенным бандитизмом. Бороться с ними было в тех условиях чрезвычайно трудно, и действия этих «шамилей басаевых» того времени страшно компрометировали ту воюющую сторону, флагом которой они прикрывались. Именно эти «полевые командиры» творили самые страшные злодеяния: так, формально подчинённая А. Колчаку Партизанская дивизия атамана Анненкова сожгла близ Тюмени село Куломзино со всем населением, а формально подчинённый Красной Армии партизанский отряд Якова Тряпицына вырезал до грудных младенцев город Николаевск-на-Амуре весной 1920 года. Особенно драматическую роль сыграли эти «партизаны» в судьбе белого движения и особенно Колчака, так как нигде официальные распоряжения командования, надо сказать, весьма гуманные и политически продуманные, не шли в таком противоречии с практикой поведения среднего и низшего звена офицерства, как это было в сибирских армиях белых. Естественно, когда А. Колчак подписывал указ о 8-часовом рабочем дне и организации профсоюзов, а его офицеры разгоняли эти профсоюзы пулемётами и шомполами, то все шишки сыпались именно на Колчака.

Окидывая непредвзятым взглядом реалии гражданской войны, невольно задаёшь себе «еретический» вопрос: а было ли оно, это противостояние, трактуемое в традиционном марксистском социально-классовом смысле? Не становимся ли мы жертвой этого вульгарного противопоставления — по типу «низы не хотят — верхи не могут»? Ведь если во всех без исключения враждующих лагерях были представители всех социальных слоёв от знати до

люмпенов и если схватка сводила лицом к лицу не только сыновей одной страны, но и, как бы сказали марксисты, «братьев по классу» — как это понимать? Или социальное расслоение России начала XX века было много сложнее, чем мы себе представляем? Скажем, напрашивается вывод о широком спектре разных интересов внутри одного социального слоя — к примеру, региональные различия, местные традиции, наконец, просто субъективные факторы. Ведь рабочие-блюхеровцы стреляли-таки в рабочих-молчановцев.

Но несомненно одно: говоря словами уже упоминавшегося Максимилиана Волошина, в начале века «разгулялись по России бесы», и разгул этот делает по сути невозможным выстроить традиционную схему «наши — не наши». Слишком часто они менялись местами; слишком часто торжествовала, как говорил Рошин из романа «Хождение по мукам», «правда гражданской войны — это когда целишься во врага, а стреляешь в близкого человека». Наконец, и эту горькую истину мы к концу века, похоже, уразумели — слишком быстро в междоусобных войнах победители превращаются во врагов народа. Пожалуй, прав был Антон Деникин, назвав свои мемуары о той войне «Очерки русской смуты». Смута — вот лучшее определение, приходящее на ум в таких случаях.

Кто выиграл гражданскую войну?

На мой взгляд, проиграли все. Проиграли белые, которых ждала смерть или эмиграция. Проиграли крестьянские повстанцы, получившие вместо «вольных коммун» пулемёты чоновских карателей или ГУЛАГ. Но не выиграли и красные, ибо вместо советской власти, за которую они сражались, возникла многопартийная диктатура. И «победители» в очень скором времени будут один за другим исчезать в пасти этого ими же созданного чудовища. Как сожрало оно в тридцатые годы героев гражданской войны на Урале — Блюхера, Каширина, Шорина, Кутякова, Онуфриева, Строда... Да, не было в этой войне победителей. И главное — проиграла Россия, ибо вместе с разрухой, доходящим до людоедства голодом, жуткими людскими потерями — от восьми до двадцати пяти миллионов человек — такова, по разным данным, амплитуда предположительного числа погибших в этой бойне — та война принесла

стране, может быть, самое страшное — раскол общества на «своих» и «чужих». Раскол, до сих пор не изжитый.

Сейчас часто говорят и пишут о покаянии. Да, в нашей стране оно ещё не наступило. И не уверен, что скоро наступит, — для него мы ещё слишком погружены в сегодняшние заботы: для покаяния нужно, как минимум, задуматься о вечном. Но мне кажется, нам вполне доступен хотя бы первый шаг к покаянию — сказать самим себе: «Гражданская война — это наша общая боль». И больше не делить друг друга на красных, белых, зелёных или ещё каких-нибудь. Пусть у каждого останется свой образ и свой идеал той эпохи. Не для противостояния — для памяти. Не обязательно ставить общий крест на братской могиле «правых» и «левых», как это сделали в Испании по окончании гражданской войны тридцатых годов. Или увековечивать в монументах героев враждовавших армий на одних и тех же площадях, как это сделали в США. Но раз и навсегда отказать от лозунга «Кто не с нами, тот против нас» — необходимо.

Хотели ли белые спасти царскую семью?

Один из узловых моментов гражданской войны, наиболее активно обсуждаемый в наши дни и к тому же всегда спаянный в сознании всего мира с Екатеринбургом, — это трагедия в доме Ипатьева. Убийство царской семьи. Сейчас об этом кровавом эпизоде нашей истории настроили горы книг и статей, и всё же...

Распространённый штамп восприятия: белогвардейцы «яростно рвались к Екатеринбургу освобождать царскую семью». Так написано в книге Э.Радзинского «Господи... спаси и умири Россию». И это если не оправдывает, то хотя бы объясняет действия красных. Если их вообще можно понять и оправдать.

Итак, белые идут на помощь... А так ли сие? Обратимся к фактам.

Гражданская война на Урале началась в ночь на 15 ноября 1917 года захватом Оренбурга отрядом атамана А.Дутова. Сопrotивление дутовцев было сломлено к середине апреля 1918 года, и до конца мая военных действий на Урале не проводилось. Вновь они начались

24 мая 1918 года в связи с восстанием чехословацкого корпуса. Центром размещения чехословаков на Урале был Челябинск. 26 мая город был захвачен ими. Это стало сигналом к выступлению всех антибольшевистских сил и открыло новую страницу в истории вооружённого противостояния на Урале.

Красным противостоят чехи и русские белогвардейцы, в основном казаки и офицерские части. Всё это — регулярные, хорошо подготовленные войска с высокой боеспособностью. Чехов в царской России несколько лет готовили к участию в Первой мировой войне против регулярных германских и австрийских войск, и там, где такая встреча происходила, они этот экзамен выдержали с честью — об одном таком эпизоде повествует А.Н.Толстой на страницах романа «Хлеб». Уральские и оренбургские казаки... Что ж, боевые подвиги русского казачества известны всему миру. В австро-венгерской армии, к слову, существовала официальная инструкция — вступать в бой с казаками, лишь имея пятикратное численное превосходство (!). Наконец, что касается офицерских частей — пусть читатели вспомнят хрестоматийный эпизод «психической» атаки из фильма «Чапаев» и сделают свои выводы.

Характерная деталь: частями, наступавшими на Екатеринбург, будет командовать полковник С. Войцеховский. Это один из самых талантливых командиров Сибирской армии белых. Впоследствии С.Войцеховский в 1920 году заменит умершего от тифа генерала В. Каппеля на посту командующего армией и осуществит беспримерный по самоубийственному героизму прорыв от Иркутска к Чите в сорокаградусный мороз по льду Байкала — так называемый Ледовый поход. И тут возникает вопрос: а кто противостоит этому, весьма солидному противнику?

В Екатеринбурге к лету 1918 года гарнизон состоит из... нескольких сот человек.

Мне довелось видеть фотографии того времени, запечатлевшие Красную гвардию уральской столицы: большинство вооружены охотничьими ружьями и револьверами. Дисциплина у них крайне слабая. Процветает пьянство. Показательно, что в день убийства царской семьи многие участники расстрела, в том числе верх-исетский комиссар П.Ермаков, были пьяны. Наконец, одна очень характерная

деталь. Её часто вспоминают, когда говорят об ужасающем зверстве большевиков в «ипатьевскую ночь» расстрела царя. Мне же хотелось бы обратить в той ночи внимание не на эстетическую, а на чисто военную сторону дела — опять-таки к вопросу о пресловутой боеспособности красных. Итак, предоставим слово одному из участников расстрела, Кабанову: «Демидова лежала на полу ещё живая... Я вбежал в помещение и крикнул — живых докончить штыками... Один из товарищей вонзил ей в грудь штык американской винтовки «винчестер». Штык был тупой и грудь не пронзил».

Как говорится, комментарии излишни... И не случайно генерал М. Дитерихс, военный комендант Екатеринбурга, после занятия его белыми, в своих мемуарах вспоминает: «Части полковника Войцеховского вошли в город, рассеяв Красную гвардию». Яснее не скажешь — не разбив, а именно рассеяв. Пишу об этом столь подробно с единственной целью — показать, что с военной точки зрения проблем со взятием Екатеринбурга у белогвардейцев явно не возникало.

Центр антибольшевистского сопротивления на Урале, как вы помните, был в Челябинске. От Челябинска до Екатеринбурга сегодня — шесть-семь часов по железной дороге (со всеми остановками) или три-четыре часа на «моторе» (без остановок). Что мешает белому командованию совершить этот рывок на север и с налёту захватить Екатеринбург? Не обязательно даже удерживать город — достаточно ворваться в него хотя бы на несколько часов. Кстати, это постоянная практика гражданской войны, когда та или иная воюющая сторона захватывает город на несколько дней или даже часов либо проходит через него транзитом, не задерживаясь. Такую ситуацию описывают многие авторы — Н. Островский в романе «Как закалялась сталь», Н. Мельгунов в книге «Красный террор в России», В.Урусова в своих воспоминаниях и многие другие. Так что и с Екатеринбургом такое могло быть возможным — при условии, что жизнь царя, его близких была для белых «приоритетом номер один».

Такое могло бы быть. А что было?

Напомню: восстание в Челябинске началось 24 мая. А взятие белыми Екатеринбурга случилось 25 июля. Два месяца! За это время белогвардейцы и чехи захватывают города

Император Николай II, 1917 г.

Кыштым, Миасс, Троицк, Верхнеуральск, Магнитогорск, Златоуст. Все города — южнее и западнее Челябинска, то есть на противоположном Екатеринбургскому направлению. Также завоёваны Шадринск, Курган, Петропавловск (этот город к юго-востоку от Челябинска), Тюмень (этот захват вообще трудно комментировать). Наконец, белые после ожесточённых боёв занимают Нижний Тагил, затем бросаются на Верхотурье, Надеждинск (Серов) и Богословск (Красноуральск).

То есть к северу от Екатеринбурга! К концу июля город, по сути, окружён с трёх сторон. Но кольцо не замыкается — железная дорога на Кузино, Кунгур, Пермь свободна, и по ней впоследствии большевики будут отступать. В ходе этих операций белые ввязываются в тяжёлые бои с крупными, по местным масштабам, группировками красных в Троицке и Нижнем Тагиле. Оба города взяты со второй попытки — первый штурм в обоих случаях захлебнулся — с серьёзными потерями. Два чешских полка в тагильских боях погибли полностью, под Троицком был уничтожен чешский бронепоезд. В Тагиле уличные бои шли в городском районе Гальянка, отделённом от центра города лишь прудом на реке Тагил. Красные в этих боях также пускались во все тяжкие. Например, первый штурм Нижнего Тагила был отбит благодаря переброске в город 1-го Петроградского полка из Перми (полк этот вступил в бой, плохо ориентируясь на местности, и его бойцы все поголовно погибли) и благодаря подходу отрядов из Егоршино и Алапаевска.

Кстати, последний факт говорит об отсутствии ясно выраженной линии фронта: ведь и Егоршино, и Алапаевск — города, лежащие уже в Зауралье, в зоне, как бы уже контролируемой белыми. То есть на территории района имеются своего рода белые и красные анклав, кстати, такое положение ещё более типично для Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Кавказа. В общем, антибольшевистские силы тратят энергию на любые задачи, кроме удара по почти беззащитному Екатеринбургскому городу, где тщетно ждёт спасения царская семья.

Ещё деталь. В городе находится эвакуированная из Петрограда действующая Академия Генерального штаба. То есть в Екатеринбурге — много бывших офицеров. И ни одной попытки

нападения с целью освобождения августейших узников. Кстати, не было их и в Тобольске, где до этого находился Николай II с семьёй. Были только попытки связаться с пленниками со стороны некоего Соловьёва, оказавшегося авантюристом и проходимцем. Впоследствии красные будут сами организовывать фальшивую «переписку» с царём, чтобы сфабриковать дело о несуществующем «монархическом заговоре» и на этом основании уничтожить узников. А если всерьёз: зачем реальным заговорщикам переписываться с Николаем? Кстати, подобная переписка — лучший способ демаскироваться и сорвать свою операцию. Неужели у царя надо ещё спрашивать разрешение на его спасение? Не лучше ли просто спасать? Повторяю, если это всерьёз...

Наконец, ещё одно соображение. Выкрасть царскую семью можно было бы и силами специально подготовленного диверсионного отряда, если хотите, спецназа. Чтобы читателю эта мысль не показалась слишком фантастической, приведу общеизвестный факт.

В 1921 году Азиатская дивизия барона Унгерна вместе с монгольскими повстанческими отрядами осадила город Ургу (ныне — Улан-Батор), занятый оккупировавшими Монголию китайскими войсками. Предстоял штурм, но... В руках китайцев на положении заложника находился Богдо-гэген Джеббузун-Дамба-хутухта, духовный и светский владыка Монголии. Пока он был в руках китайцев, о штурме нечего было и думать. И вот по приказу Унгерна был сформирован отряд особого назначения, состоящий из стрелков под командованием бурятского офицера Тубанова. Цель — освобождение Богдо-гэгена (слепого старца, к слову) и его жены. Задачу отряд выполнил, что называется, ювелирно: сперва диверсанты поодиночке проникли в город и заняли позиции, затем под видом монахов провели в Ургу компактную группу «спецназовцев», перебили охрану дворца, где содержался пленник, затем вынесли царственную чету на руках (!) из города под грохот боя, который завязала другая часть отряда. В этом бою они не потеряли ни одного человека: спасена жизнь пленников и произведён поистине шоковый эффект на психику оккупантов, что обеспечило успех предстоящего штурма.

Отметим: всё это унгерновцы проделали в городе, который обороняли почти десять тысяч

китайцев! Когда впоследствии в ЧК допрашивали уже арестованного Унгерна, следователи поинтересовались, как барону удавались такие подвиги в стиле приключенческих романов. Надо сказать, в биографии Унгерна этот эпизод отнюдь не единичен.

И барон ответил: «Всё можно сделать, была бы энергия».

Да! Требовались энергия, желание, а возможности для освобождения царской семьи у белых, безусловно, существовали. Но желания, судя по всему, не было. И Екатеринбург до конца июля 1918 года, обложенный с трёх сторон и почти не охраняемый, не подвергался нападению. Показателен в этом отношении следующий факт. Как известно, партизанская армия В.Блюхера в июле начала прорыв из Белорецка (в Башкирии) на соединение с основными силами красных. Конечным пунктом их похода стал Кунгур. Но мало кто помнит, что первоначальный маршрут блюхеровцев лежал на Екатеринбург — его считали местом, где Советская власть держится устойчиво. И лишь 28 июля партизаны, получив известие о сдаче города, изменили маршрут. Это говорит о том, что у красных было достаточно времени для маневра. И не только военного: судьба царской семьи решалась не в одночасье и не на берегах Исети. Такая ситуация смогла сложиться только потому, что со стороны чехов и белогвардейцев видимого нажима на екатеринбургском направлении не было.

Вообще, создаётся впечатление, будто белогвардейцы предлагают красным своего рода чудовищную «игру в поддавки»: мы даём вам время и шанс сделать ответный ход в отношении царской семьи; мы на вас наступаем, но не так, чтобы отрезать все концы, — нет, мы вас обкладываем, как волка флажками, но при этом ниточку Транссибирской магистрали не перерезаем: пожалуйста, драпайте, как вашей душе угодно! И царя вывозите, куда хотите! Ведь если вспомнить, что Голощёкин умудрился в этой ситуации съездить в Москву за инструкциями и вернуться — вернуться в полуокруженный Екатеринбург — для того, чтобы ликвидировать семью, и отнюдь не сразу, а ещё как минимум через неделю (в условиях гражданской войны это чудовищно много). И то после телеграфного сигнала, который дал ему из Перми командующий фронтом Р.Берзин. Как

понимать такие действия «рвущихся на спасение» белых? И простым совпадением фактов всё сие не объяснишь. Как писал известный писатель Виктор Суворов: «Золотой закон разведчика: если совпадений больше двух — это уже не совпадения». В нашем случае их куда больше двух.

Итак, похоже, белые не очень-то спешили с освобождением Николая II и его родных. Звучит дико, ну, а если разобраться? Положение сразу проясняется, если мы вспомним, кто правил бал в политическом руководстве белым движением в Сибири и Поволжье весной и летом 1918 года. Это был так называемый комитет Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, с филиалом в Омске. Доминируют в этом правительстве меньшевики и эсеры. Давайте назовём эти партии не традиционными прозвищами, а их подлинными именами: социал-демократы и социалисты-революционеры. То есть социалистические партии! Партии, всегда составлявшие левое крыло в политической палитре России, партии, всегда бывшие непримиримыми оппонентами самодержавия. Само название этого правительства говорит о том, что его члены отнюдь не считали себя правопреемниками не только имперской власти, но даже и Временного правительства. Комуч — представительный (по идее) орган разогнанного большевиками Учредительного Собрания, где большинство было откровенно эсеровским. И такое положение сохранится вплоть до 18 ноября 1918 года, пока в Омске адмирал Колчак не произведёт переворот и не возьмёт власть в свои руки. Но и А.Колчак объявит себя сторонником не монархии, но всё того же Учредительного собрания. Так что абсолютно прав в упомянутой книге Э. Радзинский, говоря, что «свергая большевиков, чехи и Сибирская армия отнюдь не восстанавливали царскую власть... Если бы императора освободили — у освободителей наверняка возникли бы проблемы».

В этой связи чрезвычайно показательна следующая история. Войдя в город 25 июля, белые начали расследование резни в Ипатьевском доме. Генерал М.Дитерихс свидетельствует: в Ипатьевском доме он побывал уже 26-го. Общеизвестно: следствие вёл Николай Соколов. Вёл его всю жизнь — даже тогда, когда кончилась гражданская война и он оказался в эмиграции. Но мало кто знает, и во многих ис-

следованиях — например, в «23 ступени вниз» Касвинова — сей знаменательный факт даже не упоминается, что Соколов был не первым следователем по делу об убийстве царя. Соколова назначил лично Колчак, а до него были два следователя, назначенные Омским правительством, — Намёткин и Сергеев. Почему мы о них ничего не знаем? Да потому, что от их деятельности не осталось никаких результатов. Если соколовское расследование было чрезвычайно плодотворным и легло в основу всех дальнейших изысканий на эту тему, то Намёткин и Сергеев вели дело без всякого энтузиазма. И это нельзя объяснить, скажем, нерадивостью или невысокой квалификацией следователей. Ну подумайте, кто же будет ставить ленивого или некомпетентного следователя на дело об убийстве императора? Нет, пассивность Намёткина и Сергеева можно объяснить только одним — они действовали в духе установок или инструкций омских властей, заинтересованных не столько в том, чтобы раскрыть дело, сколько в том, чтобы его замять. Что и дало моральное право исследователям проигнорировать их деятельность.

Такова неожиданная (и страшная) правда истории.

Но и у большевиков отношение к свергнутому императору не было столь однозначным, как это представляется теперь большинству людей. И сюда вмешивалась тайная политика. Как бы сейчас сказали — аппаратные, или подковёрные, игры.

Большевики и царь: подводная часть айсберга.

О трагедии в доме Ипатьева написано очень много. Кажется, мы знаем о ней практически всё. Во всяком случае, что касается тех, кто убивал, и тех, кого убивали.

Как известно, отношение русского общества к Николаю II в феврале 1917 года было в целом отрицательным: не только левые, но и многие вполне уважаемые с точки зрения социальной принадлежности люди приветствовали «свержение тирана». Вспоминаю рассказ одной пожилой, ныне покойной, москвички, в прошлом помещицы, о том, как она и её соседи по поместьям отреагировали на февраль: «Слава тебе, Господи, дожили до радости!» Причин для облегчения было много, но главная — грязные слухи, циркулировавшие вокруг

Николая II, его семьи и ближайшего окружения в связи с Распутиным.

А также атмосфера таинственности, которая окутывала приватную жизнь царской семьи. Император и императрица не хотели делать достоянием гласности болезнь наследника и всё, что с ней связано.

История эта давала пищу для самых невероятных измышлений и инсинуаций, чем великолепно пользовались все без исключения оппоненты Николая II. Нет нужды перечислять те политические и моральные (вернее, аморальные) клише, которые прилипли к Николаю, Александре Фёдоровне, Анне Вырубовой, Распутину и некоторым другим лицам, близким к царю. Важно, что общество воспринимало их как аксиому. Кстати, в советской литературе этот взгляд стал прямо-таки каноническим. Вспомним характерные примеры из художественной литературы — «Заговор императрицы» А. Толстого, «Нечистая сила» В. Пикуля, фильм Э. Климова «Агония».

Мало кто знает следующее: в марте 1917 года, уже после отречения Николая II, Временное правительство создало чрезвычайную Комиссию для расследования деятельности царя и его окружения. Секретарём этой первой ЧК (ирония истории!) был Александр Блок. Он принимал участие в допросах и много потом заносил в записную книжку. Благодаря этому мы можем узнать мнение великого поэта России о всех этих слухах.

Так вот, Блок записывает в своём дневнике результат расследований (вслед за самими членами этой ЧК): «Единственно, в чём можно упрекнуть Государя, — это в неумении разбираться в людях. Всегда легче ввести в заблуждение человека чистого, чем дурного. Государь был бесспорно человеком чистым». Яснее не скажешь. И подобные выводы Чрезвычайная Комиссия вынуждена была сделать, что называется, по всем пунктам. Разлетелась в прах легенда о зависимости политики Николая II от рекомендаций Распутина. Как выяснилось в результате исследования документов, большинство распутинских советов Николай реализовал с точностью до наоборот. Рухнули все без исключения эротические легенды о царице и Вырубовой. Последняя, к великому стыду допрашивающих, вообще оказалась девственницей. Наконец, как мыльный пузырь, лопнул

Снятие царской символики с почтово-телеграфной конторы, 1918 г.

и страшный образ Распутина — аморального чудовища, злого гения царской семьи, «святого чёрта».

Так называлась книга о Распутине, написанная его злейшим врагом — иеромонахом-расстригой Илиодором, впоследствии сотрудником большевистской ЧК.

В этой книге впервые был использован весь набор пропагандистских штампов о Распутине, ставший впоследствии хрестоматийным. Реальный облик Григория Ефимовича оказался совершенно иным, до сих пор непривычным для современного читателя. Чрезвычайно интересную, хотя и не всегда бесспорную информацию по этому поводу можно получить в книге историка О. Платонова «Жизнь за царя». В общем, Керенский мог с полным основанием заявить, ознакомившись с результатами работы комиссии: «Слава Богу, Государь невиновен!»

Другое дело, что Временное правительство, идя на поводу у массовых настроений и боясь потерять популярность, не опубликовало результаты работы комиссии. Настолько велик был пресс массового недовольства, и так хорошо пользовался этим главный оппонент Временного правительства — Петроградский Совет. Тем самым поток инсинуаций вместо плотины на своём пути (а опубликование отчётов комиссии, безусловно, сыграло бы такую роль) получил, по существу, «зелёный свет». Несомненно, это сыграло роковую роль в судьбе императора. Блок в те же дни записывал в дневнике: «Трагедия ещё не началась... она будет ужасной, когда царская семья встанет лицом к лицу с разъярённым народом».

Впрочем, с момента прихода к власти большевиков все эти юридические проблемы враз потеряли актуальность. Для новой власти проблема виновности или невиновности Николая даже не стояла. Достаточно вспомнить, как большевики мотивировали своё, с позволения сказать, «судопроизводство»: «Для нас принципиальным является не конкретная вина человека, а его классовое происхождение: на основании этого мы решаем, целесообразно ли оставлять его в живых». Так напишет в инструкции для ЧК её председатель, заместитель Дзержинского, Лацис. При такой постановке вопроса шансов выжить ни у Николая, ни у всех его родных не было абсолютно никаких.

Вопрос был только в том, когда, где и как это произойдёт. И кто конкретно станет палачом...

Тогда возникает вопрос: почему смерть настигла царскую семью именно в ночь на 18 июля 1918 года, а не ранее? Ведь большевики были тогда у власти больше чем полгода! Что их до поры сдерживало? Наконец, почему узников не убили в Тобольске, а повезли на Урал? Вопросы эти не праздные, ибо ответы на них проясняют многие тёмные моменты в истории становления советской власти как во всей стране, так и на Урале.

То, что уральские большевики (а они отличались особым радикализмом) с самого начала стремились ликвидировать царскую семью, явственно следует из отчётов комиссара Яковлева, конвоировавшего Николая и Александру Фёдоровну из Тобольска на Урал. Яковлев свидетельствует: в Тобольске его встретили два отряда, присланных из Екатеринбурга по поручению большевистского Уралсовета. Так вот, оба командира отряда, Бусяцкий и Заславский, категорически высказывались за немедленное уничтожение Романовых. Заславский заявил: «С Романовыми надо не возиться, их надо кончать!» Бусяцкий, кроме того, предложил конкретный план провокации: инсценировать нападение белых. «Белыми» должны были стать бойцы одного из отрядов красных. И в перестрелке «прикончить палача и всех с ним» (подлинные слова Бусяцкого). Да, радикализма уральским большевикам было не занимать — недаром впоследствии, на 8-м съезде РКПб в 1919 году, в составе так называемой военной оппозиции, выступавшей против использования царских офицеров-«военспецов» в Красной Армии и настаивавшей на их истреблении, было как минимум три члена Уралсовета: Ф. Голощёкин, Н. Толмачев и Г. Сафаров. Все они имели прямое отношение к ипатьевской трагедии.

Итак, почему же уральские большевики не убили царя в Тобольске?

(Маленькая деталь: с конца марта в Тобольском Совете верховодят екатеринбуржцы, председательствует Павел Хохряков). Первое и самое элементарное объяснение: мешала охрана, отборные стрелки-гвардейцы во главе с полковником Кобылинским. Их назначил ещё Керенский. Учитывая чрезвычайно низкую боеспособность красногвардейцев того време-

ни, без разоружения гвардейцев о расправе не могло быть и речи. Разоружить же их удалось только постепенно, в ходе перевозки царя на Урал, путём дробления охраны на мелкие партии (окончательно это уже произошло в Екатеринбурге.)

Но это лишь верхушка айсберга. Причины глубже. Мы никогда не поймём потаённых пружин механизма истребления Романовых, если не примем во внимание факт ожесточённой распри в рядах самих большевиков. Распри на самых разных уровнях. И на самом верху: уже тогда лавинообразно нарастает вражда между Троцким, с одной стороны, и Зиновьевым, Каменевым, Свердловым, с другой. Идёт заурядная драка за власть, детонирующая во все сферы. Это, к примеру, объясняет, почему большевики не пошли на то, чтобы судить Николая II.

Ведь не выводы же комиссии Временного правительства их удержали: первые же политические процессы 1918–1922 годов, описанные в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына, показали, как новая власть умеет организовать репрессивную машину для расправы над абсолютно невиновными. По делу так называемого «Тактического центра» дочь Льва Толстого получила пять лет за то, что «поила чаем контру» — именно так выразился обвинитель Крыленко. Тем более что есть впечатляющий исторический пример: суд и казнь Людовика XVI во времена Великой Французской революции, которой явно подражали большевики.

Нет, отказ от суда над Николаем объясняется просто: в качестве обвинителя собирался выступить Троцкий. Из соображений престижа и, если хотите, саморекламы. И именно этого категорически не желала допускать вся вышеупомянутая компания его недругов.

Кстати, Свердлов в этой компании — фигура ключевая: председатель ВЦИК. «Первый советский президент», по позднейшим доперестроечным публикациям. Справедливости ради — «президент» явно марионеточный, ибо в структуре нового режима ключевые позиции были не у государственной, а у партийной власти. Он — личный друг вождя уральских большевиков Ф. Голощёкина. Следовательно, главный уральский лоббист в Москве. И наконец, по всеобщему мнению — тень Ленина, его, если можно так выразиться, партийный адью-

тант. Не случайно через Свердлова протянутся все нити между Уралсоветом и Москвой, решившие судьбу Романовых.

Но вражда внутри нового режима пройдёт и по иному, региональному водоразделу. Начало 1918 года — время отчаянного соперничества Омска и Екатеринбурга за преобладание в Урало-Сибирском регионе. При том, что в обоих городах — власть у РКП(б), и при том, что обоих соперников объединяет неприязнь к Москве — вечное столкновение центра и провинции! В этой ситуации разворачивается настоящая борьба между омичами и уральцами за право распорядиться судьбой Романовых. Заметим: и за право присвоить себе имеющиеся у них драгоценности. Эта борьба едва не приводит к вооружённому конфликту — «красных» с «красными». Вспомните уже упоминавшиеся два екатеринбургских отряда в Тобольске и П. Хохрякова в качестве председателя Тобольского Совета. Такая ситуация сложилась в результате прямого вооружённого вторжения уральцев в Тобольск и своего рода мини-переворота в городе. Кстати, омичи не остались в долгу и тоже прислали в город свой воинский контингент, вступивший с уральцами, по существу, в состояние войны.

Из дневника Николая II от 22 марта 1918 года: «Утром уезжали из Тобольска разбойники-большевики на 15-ти тройках. (Имеются в виду екатеринбуржцы. — Д.С.) Их выгнал отсюда омский отряд». Не сумев одолеть друг друга в открытом противостоянии, сибиряки и уральцы вынуждены были обратиться к Москве как к третьей стороне, что позволило организовать «секретную миссию» В.Яковлева по конвоированию Николая. Эта странная, на первый взгляд, вражда прерывается только после мая 1918 года, когда начнётся настоящая гражданская война и у обоих враждующих региональных кланов появится общий непримиримый враг — белое движение.

Вообще, не надо думать, что «война Исети с Иртышом» — явление исключительное.

Противостояние кланов, группировок, лидеров зачастую на сугубо личной почве в Красной Армии в 1918–1920 годах, по сути дела, — система. Причём проходить борьба будет в духе времени, в виде жёсткой конфронтации, а иногда — и кровавых разборок. Все мы знаем о 1-й Конной армии, но почему

мы практически ничего не знаем о 2-й Конной? Да потому, что командармы 1-й и 2-й Конных армий С. Будённый и Ф. Миронов были заклятыми врагами. Вражда эта для Миронова закончилась бессудным расстрелом в 1921 году. Впоследствии Будённый постарался, чтобы и память о сопернике не пережила его собственную. Кстати, аналогичные отношения были у Будённого с другим талантливым кавалерийским военачальником красных, бывшим непосредственным начальником Семёна Михайловича — В. Думенко. И для последнего это тоже закончится «стенкой» — уже в 1920-м. Общеизвестна вражда Тухачевского с командармами Гиттисом, Самойло, с тем же Будённым, Ворошилова — с командармом Шориним и т. д.

Зачастую эта вражда выливалась в открытые военные столкновения. Как у Будённого с Мироновым. И нередко они становились причиной стратегических катастроф на фронте. Так, в начале января 1920 года в ходе Егорлыкской операции на Кубани из-за вражды Будённого и Думенко погибла почти вся Железная дивизия В. Азина. Та самая, что освобождала Екатеринбург от колчаковцев. Так что, возвращаясь к вопросу о царской семье, вышеупомянутая урало-сибирская разборка парадоксальным образом подарила Романовым несколько месяцев жизни.

Но была ещё одна причина задержки с расправой, и её истоки лежат далеко за пределами Урала. То, что трагическая судьба Романовых была предопределена, — несомненно. То, что команду на уничтожение дали в Москве, сейчас уже можно считать доказанным. О том, что Ленин имел к этому самое прямое отношение и что Свердлов сказал: «Мы здесь решали», поведал в своих мемуарах Лев Троцкий. Но зачем понадобилась комедия сваливания ответственности за убийство на Уралсовет? Ведь если уральские большевики гордо козыряли своим участием в убийстве Романовых и даже дрались между собой за право называться палачами царя, как это всю жизнь делали Юровский с Ермаковым, то центральные власти все семьдесят с лишним лет режима официально отрицали свою ответственность за зверство в доме Ипатьева и прятали в спецхран все имеющие к этому отношение документы. Что, не давала покоя кровь невинных? Смешно даже и ставить столь наивный вопрос. Тогда в чём дело?

На мой взгляд, это объясняется следующим образом. Режим пытался сделать жизнь Романовых разменной монетой в большой дипломатической игре. Не с белогвардейцами! Ведь белое движение не только не ставило на царя, но даже и не особенно рвалось его спасать. Нет, здесь ставки крупнее — на кону был вопрос о жизни самих большевистских лидеров.

Весна и лето 1918 года — время, когда падение советской власти вполне могло произойти. И тогда перед большевиками неизбежно вставала альтернатива: подполье, с весьма высокой вероятностью виселиц, или эмиграция. Но куда ехать? В Европу, перед носом которой только что вдоволь помахали красной тряпкой в виде Брестского сепаратного мира, демонстративного разрушения кредитной системы, призывов к мировой революции и прочего, прочего? Какая страна согласится после всего этого принять таких эмигрантов? И вот в этих условиях жизнь Романовых как заложников и как возможный материал для торга приобрела для режима весомый интерес. Именно поэтому Романовых уничтожали как бы поэтапно — в разное время, в разных городах (Пермь, Екатеринбург, Ташкент, Алапаевск, Петроград) и почти всегда — как бы анонимно. Только последнюю группу обречённых, убитых в 1919 году в Петропавловской крепости, казнили по прямому распоряжению центра. Всех остальных, включая самую многочисленную, алапаевскую группу, а также собственно царскую семью, ликвидировали либо имитируя самосуд (как Михаила в Перми), либо, как в большинстве случаев, демонстративно списывая ответственность на местные власти.

Кстати, по такому же сценарию в начале 1920 года уберут и Колчака:

Официально — по решению Иркутского Политцентра, фактически — по телефонной резолюции Ленина. Именно ленинский прагматичный стиль угадывается во всей тональности операции под кодовым названием «Истребление Романовых». Достаточно прочитать написанную в те роковые дни работу Ленина «Письмо к американским рабочим», чтобы убедиться: радикалы-фанатики типа Троцкого, Зиновьева или кровавых романтиков из Уралсовета, безусловно, действовали бы иначе. Они или устроили бы из расправы над царём шоу (как Троцкий), или просто «замочили» бы

на месте (как предлагали Бусяцкий и Заславский).

Вместо этого умерщвление Романовых растянулось почти на год, стало уделом тайной политики. Чего стоит та же «секретная миссия» Яковлева или привлечение к подготовке казни главы Уральской ЧК Ф. Лукоянова, который несколько раз специально приезжал из Перми в Тобольск и Екатеринбург, перлюстрировал дневники Николая II, а затем организовал грандиозную провокацию переписки «заговорщиков-монархистов» с пленным царём — и всё с целью создания компромата на Николая! А незадолго до роковой ночи 17 июля внезапно исчез из Екатеринбурга.

Кстати, Яковлев после ипатьевских событий тоже спланировал весьма далеко — аж в занятую белыми Уфу, где его официально... расстреляли. А через несколько лет он, живой и здоровый, под фамилией Стоянович, объявляется в Китае — советником у Сунь-Ятсена.

В общем, идёт грандиозное замечание следов — так что и сейчас не всегда удаётся до всего докопаться. Объяснение этому может быть только одно: руководство РКП(б) в лице Ленина и его ближайшего окружения проводило уничтожение династии не как акт пролетарской мести, а, скорее, как некое подобие современного терроризма, когда выставляются определённые требования с угрозой в противном случае перестрелять заложников (зачастую — поэтапно). Отсюда и распространение фальшивок типа «царь казнён, семья эвакуирована в надёжное место», отсюда и настойчивое стремление снять с себя ответственность за содеянное. «Мы тут ни при чём, это местное самоуправство, так что думайте, господа, и мотайте на ус» или что-нибудь в этом роде.

Отсюда и желание впоследствии спрятать концы в воду (в спецхран). Отсюда, на мой взгляд, и установка на пересечение интереса даже к месту преступления — от многократного перезахоронения трупов до разрушения самого ипатьевского дома. А официальный расстрел последних Романовых в Петрограде в 1919 году, судя по всему, — знак того, что, когда большевики прекратили тайный торг с границей во второй половине 1919 года, им уже не нужно было думать об эмиграции — победа клонилась на их сторону.

Теоретически всё это вполне чётко обосно-

вано Лениным в уже упоминавшемся «Письме к американским рабочим», где вождь революции недвусмысленно заявляет о готовности вступить в соглашение (и контрсоглашение) с любой политической силой для сохранения своей власти, «пожать руку партнёру, которого бы с удовольствием повесил» (буквально так!) и, опять-таки с позиции политического прагматизма, быть готовым в любой момент не только отказаться от соглашения, самим же заключённого, но и предпринимать любые действия, которые представляются полезными для себя. «Морально всё, что служит революции», — это у Нечаева, духовного отца Ильича, из «Катехизиса революционера». Именно такая стратегия своеобразного «аморального прагматизма» в конечном результате и принесла большевикам победу. И всё это мы, как в капле воды, видим в отношении к свергнутой династии: не просто уничтожить (а уничтожить всё равно, обязательно!), но извлечь из этого уничтожения максимальные политические дивиденды.

Вот что стоит, на мой взгляд, за странными играми вокруг обречённой семьи весной и летом 1918 года. Вот в чём «подводная часть айсберга».

«Урал», 1998, № 5-7
(Сайт «Военная литература»)

Продолжение в следующем номере

- **БЫТЬ РУССКИМ!**

Митрополит Иоанн (Снычёв)

- **ИРКУТСК БОЛЕН
ДЕКАБРИСТОМАНИЕЙ
И НЕ ЛЕЧИТСЯ**

Александр Голованов

- **КРАСОТА В ЛАБИРИНТЕ
ЖИЗНИ**

Александр Беляев

БЫТЬ РУССКИМ!

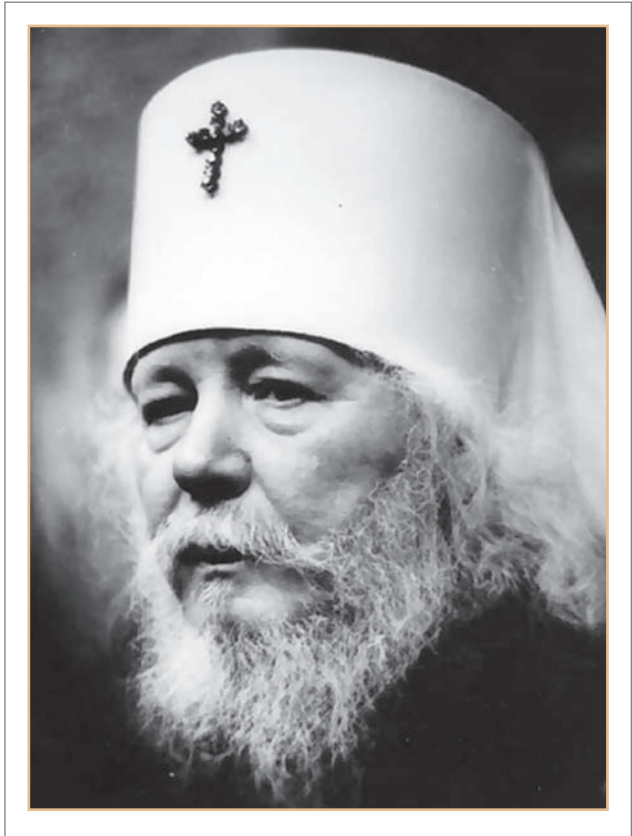

Митрополит Иоанн (Снычёв)*

Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек! Перестань безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России.

Святой праведный
о. Иоанн Кронштадтский

Святая вера Православная. Она соединила воедино разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставляющие преграду их общению, и образовала один многочисленный, сильный и единомысленный русский народ.

НАРОД... От частого и бессовестного употребления слово это так истёрлось, истрепалось и выцвело, что теперь почти невозможно определить его истинное значение. Но, по счастью, жив ещё сам народ — униженный и обманутый, обворованный и оболганный, русский народ ещё жив.

Только вот — помним ли, знаем ли мы, что означает быть русским? Что для этого надо? Достаточно ли иметь соответствующую запись в паспорте или требуется нечто ещё? Если требуется, то что именно? Ответить на эти вопросы — значит обрести точку опоры в восстановлении национально-религиозного самосознания, опомниться после десятилетий атеистического космополитического забвения, осознать себя — свой путь, свой долг, свою цель. Для этого надо, прежде всего, вернуть народу его историческую память. Только вспомнив, «откуда есть пошла русская земля»,

где, в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на вопросы, не ответив на которые, не жить нам дальше, а догнивать. На этом пути не обойтись без Православной Церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты. Без её любовного, отеческого окормления — запутаемся и заблудимся, утонем в пучине противоречивых стремлений, честолюбивых амбиций, лукавых советов.

«Откуда всё, что есть лучшего в нашем Отечестве, чем ныне более дорожим мы по справедливости, о чём приятно размышлять нам, что отрадно и утешительно видеть вокруг себя? — От веры Православной, которую принёс нам равноапостольный князь наш Владимир. Мы не можем не радоваться необъятному почти величию земли отечественной. Кто первый виновник его? Кто соблюл и сохранил

нашу народность в течение стольких веков, после стольких переворотов, посреди стольких врагов, посягающих на неё; Святая вера Православная. Она очистила, освятила и укрепилась в нас любовь к Отечеству, сообщив ей высшее значение в любви к вере и Церкви. Она воодушевляла героев Донских и Невских, Авраамиев и Гермогенов, Мининых и Пожарских. Она вдыхала и вдыхает воинам нашим непоколебимое мужество в бранях и освящает самую брань за Отечество как святой подвиг за веру Христову...» Эти вдохновенные слова принадлежат преосвященному Димитрию, архиепископу Херсонскому. Давным-давно сказаны они, но неужели не отзовутся и ныне в сердце русского человека! Неужто не заболит душа при виде того, в какую грязь втоптаны святыни, верность которым десятки поколений доказали всей жизнью своей, защищая которые, пролили столько крови?

Однако сегодня людям вновь пытаются навязать мировоззрение, в котором нет места святыням. Сердце человека — престол Божий — пытаются занять уродливые безблагодатные идола материального преуспевания: Успех, Богатство, Комфорт, Слава. Оттого-то и свирепствует в обществе разгул разрушительных страстей — злобы и похоти, властолюбия и тщеславия, лжи и лицемерия.

Но знайте все: голый материальный интерес, в какие бы благонамеренные одежды он ни рядился, не может стать основой народной жизни. Бизнес плодит компаньонов, вера — рождает подвижников правды и добра.

«Любим ли мы язык наш благозвучный и сильный, как грудь славянина, богатый и разнообразный, как обитаемая им страна? Его образовала нам святая вера Православная.

Она принесла нам с собою первые письма для сообщения наших мыслей, для расширения круга наших понятий, для сообщения между нами светлых и светоносных понятий о Боге и бесконечной любви Его к человекам, о человеке и его высоком предназначении в вечности...

Мы всё почти утратили от прежней жизни России, но сохранили святые храмы, в которых молились наши предки; сберегли святыню, завещанную нам от отцов наших, а с нею наследовали и их благословение...

Мы всё почти утратили от прежней жизни России, но сохранили святые храмы, в которых молились наши предки; сберегли святыню, завещанную нам от отцов наших, а с нею наследовали и их благословение... Надобно сознаться, что если бы теперь древние предки наши восстали из гробов своих, едва ли бы они узнали в нас потомков: так много изменились мы во всём. Но они узнают нас в святых храмах Божиих, они не отрекутся от нас перед их заветною святынею...

Надобно сознаться, что если бы теперь древние предки наши восстали из гробов своих, едва ли бы они узнали в нас потомков: так много изменились мы во всём. Но они узнают нас в святых храмах Божиих, они не отрекутся от нас перед их заветною святынею... Можно ли не пожелать от сердца, чтобы вера Православная, этот родственный, живой союз наш с предками, сохранена была нами и передана потомкам нашим, как драгоценнейшее наследие, как заветное сокровище, во всей её пренебесной чистоте и святыне, чтобы и будущее отдалённое потомство питало к нам родственно-христианское сочувствие...». Эти слова Херсонского архиерея звучат ныне как обличение, как упрёк нам, малодушным и маловерным, осуетившимся в мелких мирских заботах и почти обезверившимся,

почти утеревшим связь с великим и славным прошлым собственного народа.

Допускаю, что яд религиозного индифферентизма, безразличия к святыням веры (пришедшего на смену откровенному богоборчеству прошлых лет) временно оглушил значительную часть общества, отравил сердце русское, но — не верю, что найдётся русский человек (безразлично, верующий или нет),

которого оставят равнодушным приведённые выше слова преосвященного Димитрия о нерасторжимой взаимосвязи земного величия России с её духовной мощью и здоровьем, с крепостью и живостью веры. А коли найдётся — не русский он: хриstopродавцы всегда интернациональны.

Но почему, спросит читатель, говоря о неповторимом национальном своеобразии народа, мы начали именно с Церкви? Мало ли других национальных черт, народных характеристик, утерянных, утраченных с течением времени или насильственно вытравленных строителями «светлого будущего»? Нет ли здесь некоторого искусственного преувеличения, тем более, что церковное благовестие, как известно, не знает национальных границ? Никакого преувеличения нет.

Православная Церковь — соборная совесть народа. Она, как заботливая мать, воспитала в нём его лучшие черты. Она сурово обличала его грехопадения и давала силы восстановить утраченное. «Кто жаждет — приди ко Мне и пей», — возглашала Церковь словами Священного Писания и щедро поила пришедших и уверовавших живой водой евангельской правды. Прочтите — верующий вы человек или нет — Нагорную проповедь Иисуса Христа, Господа нашего, подъявшего на рамена Свои груз всех грехов, неправд и злоб наших, претерпевшего во искупление их унижения и издевательства, оплевания, биения и страшную, поносную смерть на Кресте — прочтите эти свидетельства безграничного милосердия Божия (Евангелие от Матфея, гл. 5, 6, 7) и скажите честно: где-нибудь, когда-нибудь встречали ли вы учение более возвышенное, чистое и преисполненное любви?...

«Блаженны алчущие и жаждущие правды», — свидетельствовала Церковь народу русскому. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное... Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 6, 10, 16). И разве не этому свидетельству обязан русский народ тем, что, создав величайшее в мире государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана, он не унизил ни один из встретившихся на его

пути народов, пусть самых малых, но всех принял как братьев, покоряя прежде сердца, а не крепости. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе — общественную и государственную.

Именно Церковь стала центром святоотеческой государственности — не насилующей народа, не создающей рабства, следящей за духовным возрастанием и нравственным самосовершенствованием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословно-го строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берёт начало весь уклад русской жизни, как бы ни изменялись его формы с течением времени. Православность — неперенное качество всего русского в его историческом развитии. Понятия «русский» и «православный» слились воедино. Так было, пока Россию не разъединили насильно — с умыслом, злонамеренно и расчётливо. Знали — чтобы убить Россию, начать надо с осквернения души...

Василий Ключевский, знаменитый историк, подметил в русской истории интересную особенность. «Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились, — говорил он, — и которые легли во главу угла сознания и настроения, обыкновенно отливаются в ходячие, стереотипные выражения, повторяемые при всяком случае. В XI–XII веках у нас таким стереотипом была русская земля, о которой так часто говорят и князья и летописцы... Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ». Пытаясь разобраться в том, что значит «быть русским», нельзя пройти мимо этого факта. Случаен ли он? Нет, ибо русская история, начавшаяся как фактор мирового (и даже космического) значения с момента крещения Руси, в первые два века своего течения представляет нам картину формирования и духовного оформления той народной общности, которая в своём окончательном виде получила наименование «народа святорусского» — этого излюбленного выражения былинных сказителей.

Понятие «народ» по отношению к нацио-

Васнецов В.М. «Крещение Руси» (эскиз росписи для Владимирского собора в Киеве), 1890 г.

нальной общности есть понятие более высокое, не материальное, но духовное, и её одной недостаточно, чтобы сложился коллективный духовный организм, столь крепкий и живучий, что никакие беды и напасти (а сколько их было за десять веков нашей истории) не смогли разрушить его и истребить. Первоначально единство крови, общность происхождения славянских племён при всей своей значимости не могли придать этому собранию необходимую живучесть и крепость. Лишь только тогда, когда душа народа — Церковь — собрала вокруг себя русских людей, когда Русь преодолела отсутствие государственного единства, порождавшее в народном теле язвы и трещины усобиц, когда, сбросив с себя иноверческое татаро-монгольское иго, Россия объединилась под скипетром Русского Православного Государя — тогда во весь свой могучий рост поднялся на исторической сцене русский народ. Народ соборный, державный, открытый для всех. Осознавший цель и смысл своего бытия. С этого момента смысл русской жизни окончательно и навсегда сосредоточился вокруг Богослужения в самом высоком и чистом значении этого слова — служения Богу как средоточию Добра и Правды, Красоты и Гармонии, Милосердия и Любви.

Цель народной жизни окончательно определилась как задача сохранения в неповреждённой полноте этой осмысленности личного и общественного бытия, свидетельствования о ней миру, защите её от посягательств и искажений. И Церковь благословила народ на высокое служение. Благословение это облеклось в форму пророчества о будущей великой судьбе России, Москвы, как Третьего и последнего Рима, последнего оплота истинной Православной веры в страшные пре-

дантихристовы времена всеобщей апостасии и всемирной смуты.

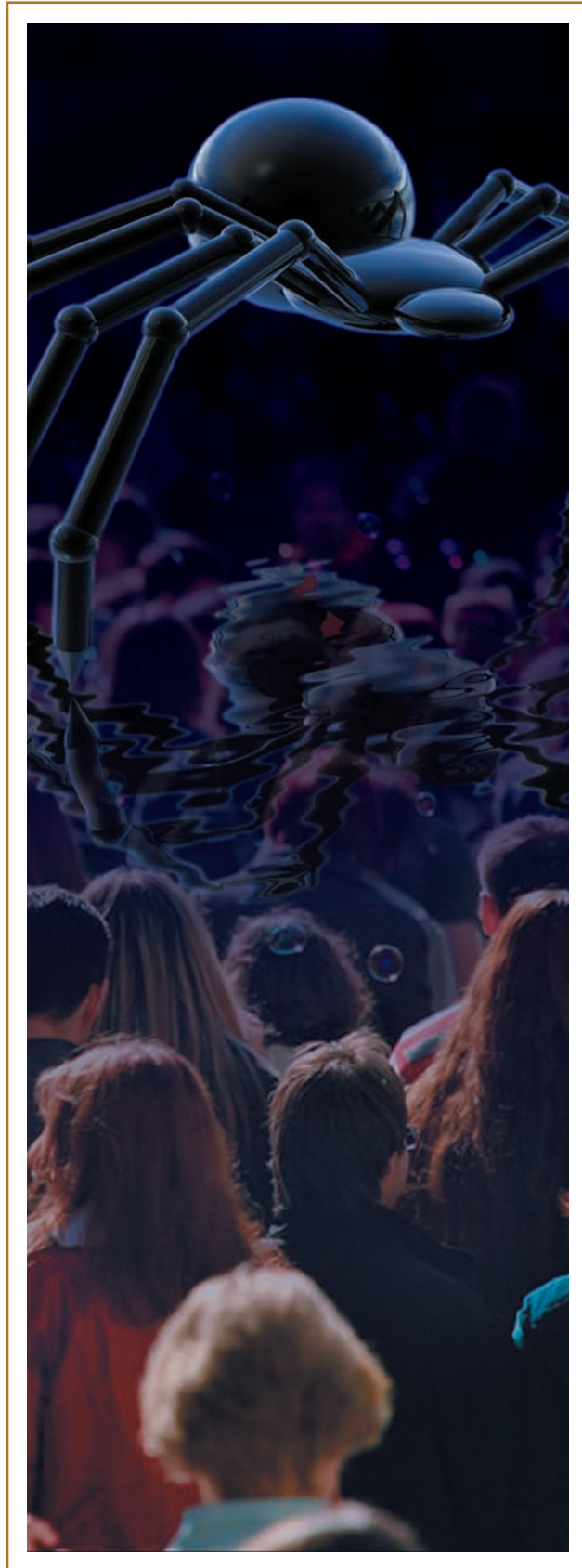
Два Рима пали в ересь и суетных соблазнах мира сего, не сумев сохранить боговечную чистоту веры, чистое и светлое мироощущение апостольского Православия. Первый — наследник мировой империи языческого Рима — отпав в гордыню католицизма. Второй (Византия) — поступившись чистотой Церкви ради сиюминутных политических выгод, отданный Богом на попроение иноверцам, последователям Магомета. Третий же Рим — Москва, государство народа русского, и ему всемогущим Промыслом Божиим определено

отныне и до века хранить чистоту Православного вероучения, утверждающего конечное торжество Божественной справедливости и любви. Так к XVI веку определилось служение русского народа, таким он его понял и принял. Так что ключ к пониманию русской жизни лежит в области религиозной, церковной, и, не усвоив этого, не поймём мы ни себя, ни свой народ, ни свою историю.

Именно Церковь сообщила нашему народу свойство соборности, бесценное качество, безумно растрачиваемое нами ныне — в погоне за дьявольскими миражами грядущего якобы «общества всеобщего изобилия». Русская соборность — это сознание духовной общности народа,

коренящейся в общем служении, общем долге. Смысл этой общности — в служении вечной правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Это осмысленность жизни как служения и самопожертвования, имеющих конкретную цель — посылно приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал Православия.

Лишь только тогда, когда душа народа — Церковь — собрала вокруг себя русских людей, когда Русь преодолела отсутствие государственного единства, порождавшее в народном теле язвы и трещины усобиц, когда, сбросив с себя иноверческое татаро-монгольское иго, Россия объединилась под скипетром Русского Православного Государя — тогда во весь свой могучий рост поднялся на исторической сцене русский народ.

С соборностью народа неразрывно связано его второе драгоценное качество — державность. Воплощение нравственного идеала требует соответственной социальной организации. Такая организация немыслима без державного сознания, формирующего в человеке чувство долга, ответственности и патриотизма. «Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими», — вот державный глас народа, выраженный чеканным слогом митрополита Московского Филарета, одного из величайших русских святителей прошлого века.

Державность — это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного религиозного служения «за совесть». Державность — это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание «удерживающего» (по слову апостола Павла, см. 2 Сол. 2: 7), стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла.

Оба эти народные качества с неизбежностью проявились в третьем — в открытости, «Бесчеловечности» русского характера. Открытость эта — отрицание фальшивой национальной спеси, отрицание самоценности национальной принадлежности. Это готовность бескорыстно соединиться с каждым, приемлющим святости и нравственные устои народной жизни.

Вспомнив всё это, задумаемся: не пришла ли сегодня пора попристальнее всмотреться в себя? Взглянуть друг на друга. Оглянуться трезвым взглядом вокруг. И может быть — найти в себе силы сказать честно, что в нас, сегодняшних, такой русскости уже почти не осталось. Говорю это с горечью и скорбью, в надежде, что Господь не оставит нас Своей милостью и мы всё же зададим себе тот главный вопрос, без ответа на который немыслимо само дальнейшее существование нашего народа: как вернуть себе ясно понимаемый смысл бытия?

Как восстановить в себе черты народа-богоносца, с бесовским упорством вытравливавшиеся богоборческой властью? Как обезопасить

силь себя от духовной заразы потребительства, этой поистине мировой чумы, растлившей и погубившей уже многие народы, бывшие некогда христианскими? Все эти и ещё многие иные проблемы, стоящие сегодня перед нами, суть один и тот же вопрос: как дальше жить?

Думается, из сказанного выше уже многое проясняется. Прежде всего — надо вернуться в Церковь. Надо очистить место святое — душу человека — от тряпок и побрякушек, от навязанных ей ложных ценностей и восстановить в правах погранный и оплётанный смысл жизни человека. Жизни как служения Богу, зовущему нас к Себе: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11: 28). Надо откликнуться на этот Отчий зов, прийти с покаянием, не скрывая нынешнего своего убожества и срамоты, прийти с молитвой и верой, и тогда — силён Бог — очистить наши сердца и восстановить в них мир и покой осмысленного бытия.

Восстановив истинные ценности внутри себя, надо восстановить их и вовне. Жизнь общества, государства требует осмысленности так же, как и жизнь отдельного человека. Не может материальное благополучие быть целью всех стремлений. Сытое брюхо ещё не значит — чистая совесть. Критерием государственного устройства должна стать его богоугодность, соотносённость с тысячелетними святынями веры. Нужно во всей полноте использовать богатейший опыт русской государственности. Выкинуть на свалку наглую ложь об «империи зла», «России — тюрьме народов», «гнилом царизме», сказать правду о семидесятилетнем пленении Православной Церкви и русского народа.

Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность к Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хо-

тим выжить — нам надо научиться защищать себя, свою веру, свои святыни...

Итак, братия и сестры, соотечественники, люди русские! Молю вас усердно, вседушно — повинувшись своему архипастырскому долгу и голосу совести своей — воспрянем, опомнимся, одумаемся наконец! Господь милосерд и нелицеприятен: всякую искренне обратившуюся душу приемлет с радостью и любовью, омывает от грехов и неправд благодатию Своей, утешает утешением возвышенным, духовным, о котором суетный мир не имеет даже приблизительного понятия. Лишь только начнём нелицемерно — появятся и силы, и умение, и свя-

тая, жгущая сердце ревность. «Да будет общею всем такая преимущественно забота, чтоб начавши, не ослабевать и не унывать в трудах, и не говорить: долго мы уже пребиваем в подвиге. Но лучше, как бы начиная каждый день, будем приумножать ревность свою». Шестнадцать столетий назад были сказаны эти слова святым преподобным Антонием Великим в утешение и назидание всем тем, кто унывает и сомневается в своих способностях к духовному возрождению. К нам, к нам, сегодняшним, обращены они. Прислушаемся к ним, ибо нераскаянны обетования Божий, и великая судьба России зависит ныне от нашего произволения. Мы — и никто иной — можем и должны воссоздать державу Святорусскую.

Да будет так!
Аминь.

Да будет так!
Аминь.

* Митрополит Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычёв, 9 октября 1927 — 2 ноября 1995) — епископ Русской Православной Церкви, с 20 июля 1990 года — митрополит Ленинградский (впоследствии — Санкт-Петербургский) и Ладужский, постоянный член Священного Синода, мыслитель, богослов и историк.

Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность к Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хотим выжить — нам надо научиться защищать себя, свою веру, свои святыни...

**Александр Голованов:
ИРКУТСК БОЛЕН
ДЕКАБРИСТОМАНИЕЙ
И НЕ ЛЕЧИТСЯ**

Усадьба-музей Волконских в г. Иркутске

От редакции:

Ещё в 70-х годах иркутская интеллигенция отбила попытку навязать городу монумент «Декабристы в Сибири». Писатели во главе с Валентином Распутиным убедили местное начальство в том, что прославление террористов — дело аморальное и опасное. Эти очевидные доводы никто не опроверг. Их просто забыли.

И вот спустя тридцать лет новая вспышка старой болезни: власти Иркутска оплатили проведение конкурса на лучший памятник декабристам. На сей раз против абсурдной идеи выступил архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим. А председатель общественной палаты Иркутска Александр Голованов оценил ситуацию так: «Город болен навязчивой идеей — декабристоманией. Нужно вылечить город от этого умственного расстройства. Способ только один — вернуть горожанам украденную историческую память».

Правда о мятеже 1825 года и мифы декабристоведения — квазинауки, которая продолжает калечить умы всё новых поколений, навязывая им ложную память и комплекс исторической неполноценности — такова тема беседы журналиста Марии Филатовой с Александром Головановым.

Мария ФИЛАТОВА: Чем объяснить нынешнюю вспышку любви к декабристам? Отцы города никак не обосновали иркутянам своё решение — монументально увековечить память этих революционеров. Ни мэры, ни муниципальные чиновники от культуры даже не пытаются объяс-

нить нам, в чём заслуга декабристов перед Россией и перед сибиряками.

Александр ГОЛОВАНОВ: На вопрос о заслугах ссыльных декабристов перед сибиряками одна студентка-дипломница ответила: «Декабристы исследовали Сибирь, они открыли хребет Черского». Возможно, муниципальные чиновники знают, что Черский не был декабристом. Но анекдотичный ответ на экзамене — это симптом. Жителей Приангарья приучили думать, что ссыльные декабристы — и никто иной — составили карту Сибири и просветили тёмных сибиряков. А как же?! Улицу в честь кого попало не назовут! Музей кому попало не посвятят. Пропагандистский миф о «рыцарях свободы» и «просветителях всея Сибири» вещественно подкреплён табличками «пл. Декабристов», «ул. Лунина», «Музей декабристов», «пер. Волконского» и т. п.

В психиатрии есть понятие «ложная память», или воспоминание о том, чего не было. Отцы города, как и другие люди, сегодня руководствуются ложной памятью. Будучи школьниками, они ходили в музей-усадьбу Волконских и слушали там экскурсоводов.

Я и сам слышал, как дама-экскурсовод превозносила перед туристами исключительные моральные качества декабриста М.С. Лунина. Когда дама допела хвалебную песню, я отвёл её в сторону и поинтересовался, в курсе ли она, что высокоморальный Лунин среди заговорщиков предлагал себя на роль главаря команды убийц царской семьи. Даже название придумал — «партия в

масках» — и место подходящее для теракта присмотрел на царскосельской дороге. Убить предполагалось всех — и детей, и женщин, чтобы не оставить в живых никого из законных претендентов на российский престол. Дама оказалась не в курсе. Впрочем, не только она.

Составители учебного пособия для школьников «История земли Иркутской» также «не в курсе», если судить по содержанию главы, посвящённой декабристам. Хотя сведения о кровожадных планах заговорщиков широко освещались в сочинениях декабристоведа.

Декабристоведа уже девяносто лет при-

В психиатрии есть понятие «ложная память», или воспоминание о том, чего не было. Отцы города, как и другие люди, сегодня руководствуются ложной памятью. Будучи школьниками, они ходили в музей-усадьбу Волконских и слушали там экскурсоводов.

вычно журчат в уши граждан о хороших манерах ссыльных декабристов, о том, сколь образованы были эти господа: свободно говорили и писали по-французски, музицировали; об их благих намерениях по освобождению России от крепостного рабства и от проклятого самодержавия...

Коммунистическим идеологам декабристы были симпатичны тем, что за сто лет до них уже умышляли извести род Романовых, сломать восьмисотлетнюю православно-монархическую традицию России. Большевики нуждались в благородном историческом фоне, в преимущественности революционных традиций. Вот декабристов и назначили национальными героями. Миллионными тиражами выпускались книги, ставились спектакли и фильмы.

В голове советского человека создалась абсурдная перевёрнутая картина русского мира: вверху кучка террористов — светочи правды и истинные патриоты, внизу — вся прочая Россия — царисамодуры, попы-мракобесы, сатрапы и покорное быдло. Прямой результат такого внушения — чувство ущербности и стыда за постыдное прошлое, за умственно и душевно неполноценных предков. Если человеку с детства втолковать, что он — наследственный урод, он начнёт этому верить.

М.Ф.: Советская пропагандистская машина производила в народные герои всех маньяков-цареубийц и по запарке авантюристов-самозванцев вроде Емельяна Пугачёва. Но почему навязанное заблуждения оказалось таким живучим?

А.Г.: Советская пропагандистская машина — это заброшенный ядерный реактор. Его

забыли заглушить, и он живёт собственной жизнью, продолжает отравлять радиацией местность и людей. О топонимике я уже говорил. В названиях улиц увековечены почти все известные террористы, кроме тех, кто, вроде Бориса Савинкова, убивал сначала царских сановников, а потом и большевиков.

Теперь о пропагандистской функции музеев декабристов в России. Представьте, что экскурсоводы в доме Волконских вдруг начали цитировать «Русскую правду» Пестеля, следственные показания декабристов и свидетельства их современников, то есть стали бы правду народу говорить. Музеи бы просто закрылись. А это ведь какой-никакой бизнес, худо-бедно декабристоведа с него кормятся. Вот они и продолжают крутить шарманку про интеллигентных рыцарей свободы.

М.Ф.: Сегодня очень немногие люди в России и в Иркутске в частности знают подлинную историю декабристов. Но кто-то должен начать её рассказывать.

А.Г.: Вся история декабристов укладывается в один школьный урок. Итак, вскоре после окончания наполе-

Портрет императора Николая I

оновских войн группа офицеров гвардейских полков, расквартированных в столице, несколько армейских офицеров и ещё несколько штатских создают два тайных общества — Северное и Южное, которые поддерживают между собой связь, координируют свои программы и действия. Основная цель этих тайных обществ: свергнуть монархию, захватить власть, учредить унитарную республику, отменить крепостное право, отделить церковь от государства. Для захвата власти они планировали физическое уничтожение царской семьи. Всего в организации заговорщиков состоял 121 человек.

Переворот наметили на 14 декабря 1825 года, когда после кончины императора Александра I гвардия должна была присягать новому императору Николаю I.

Офицеры-заговорщики убедили своих солдат, что Николаю присягать не нужно, что есть кандидат получше — великий князь Константин, а уж жена Константина — Конституция — просто чистое золото и лучшей матушки-царицы сыскать невозможно. То есть солдат попросту обманули. Таким образом, солдаты были уверены, что помогают посадить на трон правильного с их точки зрения наследника. Водился за русской гвардией такой грех — мешаться в дела престолонаследия. Однако солдаты, как и все русские в то время, были убеждённые монархисты. Им в голову не могло прийти свергать самодержавие и устанавливать какую-то там унитарную республику. Они слов таких не слышали. И офицеры-заговорщики солдатиков в свои намерения, конечно, не посвятили, дабы те не подняли их на штыки.

Единственным способом завлечь солдат-монархистов в мятеж был обман. Вот заговорщики и наврали им про несуществующую царицу Конституцию и про несуществующие претензии Константина, который на самом деле уже принёс присягу Николаю.

В результате более двух тысяч солдат, поверивших своим командирам, построились в каре на Сенатской площади и отказались присягать законному наследнику российского престола.

Однако дальше этого дело у заговорщиков не пошло. Избранный накануне диктатором восстания полковник князь Трубецкой вообще не явился на площадь. Предпочёл отсидеться в доме своего родственника — австрийского посла графа Лебцельтерна. В тот день он предал разом и царя, и своих сообщников. Командование перешло к члену Верховной думы тайного общества Рылеву. Он суетился перед строем, не зная, что предпринять.

Один из террористов, назначенных «тираноубийцами», Якубович, стрелять в царя не решился, вместо этого стал сновать между строем мятежников и строем войск, верных государю.

И там, и там играл роль своего парня, и тем и этим предлагал себя в качестве парламентёра.

Другой «тираноубийца» Каховский по невыясненной причине тоже не выстрелил в Николая I. Пуля, предназначенная царю, досталась графу Милорадовичу, генерал-губернатору Санкт-Петербурга.

Милорадович верхом подскакал к мятежному каре и неспешно, как на смотру, поехал вдоль шеренг и расспрашивал солдат: кто из вас дрался вместе со мной при Кульме... а при Лютцене... а при Бауцене?

Для гвардии Михаил Андреевич Милорадович был живая легенда: ученик и любимец Суворова, герой итальянского и альпийского походов. В решительные моменты сам увлекал солдат в штыковую. Первым бросился в атаку на французский заслон на Сен-Готарде и про-

бил путь суворовским колоннам. Было в нём весёлое бесстрашие. В Румынии с отрядом в четыре с половиной тысячи штыков и сабель по частям разбил два турецких корпуса общим числом 53 тысячи человек. Румыны поднесли ему шпагу «Спасителю Бухареста».

Воинственный добряк, щедрый, великодушный к побеждённому противнику, любимый своими солдатами, генерал Милорадович, как говорили в то время, был народен. В 1812 году после Бородинского сражения прикрывал отход русских войск и мирного населения. На западной окраине Москвы контратаковал наступающий авангард маршала Мюрата и поставил французам условие: не двигаться вперёд до той поры, пока солдаты и жители не уйдут из Москвы. «В противном случае, — заявил Милорадович парламентёрам Мюрата, — обещаю вам такое побоище на штыках и ножах, из которого никто, ни мы, ни вы — не уберутся живыми». Мюрат, самый лихой из наполеоновских маршалов, уже был наслышан о боевой репутации генерала Милорадовича и не стал искушать судьбу.

Вряд ли он был образцовым генерал-губернатором, поскольку не имел необходимой для этой должности полицейской жилы. Привлёк однажды к дознанию восходящее солнце

Офицеры-заговорщики солдатиков в свои намерения свергнуть самодержавие, конечно, не посвятили, дабы те не подняли их на штыки.

русской поэзии 21-летнего А.С. Пушкина по подозрению в написании особо крамольных стихов. Пушкин не стал заперяться и своё авторство признал. За благородную открытость и смелость Милорадович тут же Пушкина простил. И вместе с Карамзиным ходатайствовал перед царём, чтобы тот сменил гнев на милость. Пушкин вполне бы мог окончить свои дни в Сибири, но под воздействием двух заслуженных сановников государь вместо Сибири сослал поэта в тёплый Кишинёв.

...В рядах мятежников дрогнули, зашевелились те, кто знал Милорадовича по сражениям при Кульме, кому он вручал солдатские кресты за Бауцен и за другие славные дела в европейских походах против Наполеона. Стоявший поблизости Каховский почуял неладное. Милорадовичу в войсках верили, и он вполне мог растолковать обманутым солдатам — кому надо присягать. И Каховский выстрелил.

Николай I медлил, не хотел отдавать артиллерии приказ об открытии огня. Но когда его известили об убийстве генерал-губернатора и сказали: «Государь, прикажите, наконец, очистить площадь или откажитесь от престола», онскомандовал: «Картель!» Двух залпов оказалось достаточно, чтобы мятежники разбежались.

Смертельно раненого Милорадовича более всего мучил вопрос: кто в него стрелял, неужели солдат? И когда через несколько часов хирург вынул пулю, и та оказалась пистолетной, генерал вздохнул с облегчением: «Слава Богу, не ружейная, не солдатская! Это баловники меня...» Прежде чем умереть, Милорадович подписал вольную своим крестьянам.

Таков был человек, ставший первой жертвой революционного террора в России. Его

убийцу Каховского советская пропаганда изображала в красках возвышенно-романтических: служил поручиком в гвардии, но проклятая бедность вынудила его подать в отставку, и он встал на путь борьбы с тиранией.

На деле шляхтич Каховский банально проиграл в карты родовое имение в Смоленской губернии, оттого и лишился постоянного дохода. Шить мундир у дорогих портных и вообще поддерживать приличествующий гвардейскому офицеру уровень жизни стало не на что. Однако поручик продолжал кутить и играть, запутался в долгах, вконец испортил себе репутацию. И его попросили из гвардии.

Отставной поручик зажил впроголодь на чердаке. Чтобы поужинать, напрашивался в хорошие дома, знакомые по прежней жизни. Как и другие слабые, запутавшиеся люди, Каховский был склонен винить в своих невзгодах кого угодно, только не себя. Неведомый нам зигзаг мысли привёл промотавшегося шляхтича к выводу, что остаток жизни он должен посвятить борьбе с тиранией. Искал, куда бы завербоваться, где стреляют. Тут его заметили и прикормили заговорщики. Они

Михаил Андреевич Милорадович

указали тщеславному Каховскому его «высшее предназначение» — уничтожить правящую династию.

Заговорщики действовали при этом по стандартной схеме масонов: профан (Каховский) не должен знать конечной цели. Его используют вслепую. Простая двухходовка: профан убивает членов августейшей семьи и тем самым устраняет препятствие на пути тайного общества к власти. Затем тайное общество публично отрекается от профана, объявляет его преступным маньяком-одиночкой и казнит. Дело сорвалось. Манипуляторы — руководите-

ли заговора — взошли на эшафот вместе с манипулируемым. Прощаясь друг с другом перед казнью, они демонстративно не подали руки Каховскому. До конца делали вид, что с этим выродком и убийцей у них — ничего общего.

М.Ф.: Программный документ декабристов был написан Павлом Пестелем, самым решительным и радикальным заговорщиком. Там, кроме устранения монархии, отмены сословий и крепостного права, было предусмотрено создание в России мощного репрессивного аппарата, вдесятеро большего, чем при царе, установление поголовной слежки и стукачества среди населения. И назывался этот замечательный документ «Русская правда». Почему, вы полагаете, Пестель именно так назвал свою программу?

А.Г.: «Правду» Пестеля можно назвать русской с тем же основанием, что и материалистические догмы Маркса — христианинами. Название Пестель украл у древнерусских князей. Ярослав

Мудрый, Ярославичи, затем Владимир Мономах создавали свои правовые установления на основе традиций и моральных основ православия. Из них-то и составилась со временем «Русская правда», определившая статус князя, взаимоотношения сословий. «Русская правда» законодательно воспретила самые зловещие пережитки язычества, в частности — кровную месть.

Дух и смысл своей «Правды» Пестель прямо заимствовал у французских террористов — якобинцев. В 1793 году этой партии удалось на короткое время установить террористический режим во Франции. Они успели казнить королевскую чету, обезглавить гильотинами по «классовому признаку» тысячи аристокра-

тов, осуществить массовое убийство католических священников. Якобинцы были прямыми предтечами большевиков — Ленина и Троцкого, которые проделали то же самое с Россией, только с большим размахом. И пункт программы Пестеля, посвящённый созданию репрессивного аппарата и организации поголовного стукачества, воплотился в НКВД и в ГУЛАГе. Не случайно «Правду» Пестеля в православных кругах называли «Чёрным Евангелием».

М.Ф.: Вам, наверняка приходилось читать, слышать, что далеко не все декабристы были такими же радикалами, как Пестель. Умеренные члены тайного общества высказывались за конституционную монархию, за бескровные перемены.

М.Л. Анчаров. «Казнь декабристов»

А.Г.: Оба тайных общества — Северное и Южное — возглавляли радикалы. И в обоих обществах были сформированы отряды царевбийц. Умеренные могли вволю разглагольствовать о бескровной революции, но всё решали и действовали — радикалы.

М.Ф.: А если бы заговор удался и империя осталась обезглавленной?

А.Г.: Историки не любят сослагательно-го склонения, но имеется вполне корректная аналогия — ситуация в России 1918 года. Династию большевики прикончили, страна распалась на отдельные губернии и даже на уезды. И едва ли не в каждом осколке бывшей империи завелось своё независимое правительство. Большевики спровоцировали гражданскую войну. Страны Антанты — Британия, Франция, Япония — ввели в Россию свои «миротворческие» контингенты.

Очень похожий сценарий, вероятно, ожидал бы Россию в году 1825: уничтожение династии Романовых, 25 миллионов крепостных крестьян, подстрекаемые заговорщиками, режут дворян. Безвластие, разгул насилия, реки крови. Естественно предположить ввод иностранного «миротворческого» контингента, распад и раздел страны.

Британия точно бы вошла в русскую «кашу», иначе зачем она её заваривала. Исследователи приводят документальные факты: финансовая поддержка деятельности декабристов шла с берегов Темзы. Британия давно и настойчиво вскармливала то один, то другой заговор против российской короны, и Павла I убрали не без её участия. Не нравилось Британии активность русской политики ни на Чёрном море, ни в Средней Азии, ни на Дальнем Востоке.

М.Ф.: И советские поклонники декабристов, и нынешние высоко оценивают их намерение отменить крепостное право, освободить крестьян.

А.Г.: Если бы проблема крепостного права решалась одним росчерком государственного пера, то ещё Екатерина II в XVIII веке освободила бы русских крестьян. Она было собралась это сделать, но натолкнулась на непримиримое сопротивление высших сановников империи — главных крепостников, владельцев тысяч и тысяч душ. Екатерине прямо угрожали свержением, и она отступилась.

Её внук император Александр I в начале своего царствования планировал либеральные реформы. И после победы над Наполеоном общество ожидало от Александра освобождения крестьян. Но, по свидетельству окружения, государь в этот период часто бывал чем-то встревожен, даже напуган. Существует несколько версий, объясняющих, почему Александр I вместо дарования свободы народу-победителю устроил военные поселения на манер прусских. Одна из версий утверждает, что он опасался заговора офицеров-масонов и создал надёжный, нерассуждающий воинский противовес заговору — корпус военных поселений.

Немало государственных умов России в начале XIX века выдвигали свои проекты крестьянской реформы: с бесплатным наделением освобождаемых крестьян землёй; с срочным выкупом этой земли у помещиков и т.д.

А будущий генерал-губернатор Сибири и будущий граф Муравьев-Амурский со всей решимостью человека военного предлагал освободить крестьян в одной отдельно взятой губернии — Пензенской, где он тогда служил. Но риск вызвать столкновение освобождённых рабов и обиженных рабовладельцев существовал. Русские монархи не сомневались в необходимости прекратить это позорное состояние, когда один человек владел другим человеком. Вопрос заключался в другом: как это сделать, не вызвав гражданскую войну. Однако, за-

метьте, никому из ответственных людей, любящих Россию, не пришла идея освобождать крестьян ценой разрушения государства и его исконной основы — православной монархии. До такого катастрофического сценария додумались только декабристы. Если это и любовь к Родине, то, несомненно, извращённая.

Скажем прямо: все поколения революционеров Россию ненавидели. Разве не во вред России действовал Ленин со своими временными союзниками эсерами. В отличие от декабристов, большевики сумели разрушить Российскую империю и создать её клон — Советский Союз. Клон наделал много шума в мире, пустил в расход десятки миллионов людей, но продержался всего-то 70 лет — ничтожный для истории срок. Подобно прочим государствам, создаваемым бесами как вызов Богу.

М.Ф.: Начиная с Герцена, все поклонники декабристов повторяют как заклинание, что это были лучшие умы России, натуры возвышенные и благородные. Герцен писал, что «с изъятием декабристов общество российское стало пошлее».

А.Г.: И Герцен, и прочие наши революционеры-западники всегда всё путали: религию с

В отличие от декабристов, большевики сумели разрушить Российскую империю и создать её клон — Советский Союз.

безбожием, фанатизм с благородством, маньяков с героями, измену со свободомыслием.

Декабристы не умные, они — умники. Умён и мудр человек, наделённый самостоятельным умом и живой душой. Умник — существо полое, его голову наполняют чужие мысли, безжизненные догмы и схемы. Умнику необходимо кого-то презирать, свою родину или мать родную. За то, что недостаточно прогрессивны — на его вкус.

Современники умников-декабристов оценивали их затею как «скверную шутку дворянской молодёжи».

Историки последующих поколений характеризовали те события, как «уличные беспорядки» (В.О. Ключевский), как следствие «привычки гвардии мешаться в дела государства» (С.Ф. Платонов). Наконец, историк-белоэмигрант А.А. Керсновский оценивал факт декабрьского мятежа как позорный для русской армии. А самый обидный для декабристов отзыв их современника принадлежит автору «Горя от ума» А.С. Грибоедову: «Колебания умов ни в чём не твёрдых».

Реакцию русского общества на мятеж 1825 года характеризует такая подробность: иных молодых мятежников «отконвоировали» и сдали в следственный комитет их отцы. «Якобинцы» и «якобинство» для образованных русских людей того времени были слова ругательные. Они обозначали то чуждое, зловещее явление из иной, «басурманской» жизни наряду с «французскими», то есть венерическими болезнями, завезёнными из Европы.

В православно-монархическом сознании простого народа молва о столичных беспорядках отложилась лаконично: некие злодеи покушались на жизнь Помазанника Божия.

М.Ф.: Декабрист Лунин в своих «Письмах из Сибири» оценивает методы следствия как жестокие — подсудимых держали в кандалах, показания они давали под нажимом. Приговор руководителям с его точки зрения незаконен: приговорили за одни намерения, толком не доказанные. Тем самым российское судопроиз-

водство, по мнению Лунина, проигрывает британскому...

А.Г.: Лунин действительно был поклонником доброй старой Англии, её гуманных законов и разумных порядков. Но Англию он знал по книгам да по рассказам какого-нибудь русского помещика-англомана, из тех, кто устроил у себя в имении английский парк и надел цилиндр на своего кучера.

Едва ли господин Лунин знал, как в человеколюбивой Англии расправились с тамошними «декабристами». Произошло это за 18 лет до мятежа наших декабристов. Группа офицеров британской армии под председательством полковника Деспарди раз-два в месяц стала собираться для бесед на либерально-реформаторские темы. В отличие от ротмистра Лунина никто

из британских офицеров не «обнажал царевбийственный кинжал», то есть о покушении на августейших особ они и мысли не допускали. Однако когда либеральных говорунов накрыла полиция, их отдали под суд и приговорили к казни, и какой казни! Палач по очереди распорол животы приговорённым, вырвал внутренности и побросал их в костёр. Наказуемые корчились, но были живы и могли видеть,

как жарятся их кишки. Затем палач встал к плахе, взял топор. Подручные подтаскивали осуждённых, и палач отрубал им руки, ноги, головы. В конце зрителей уведомили, что с обрубками преступников будет поступлено по усмотрению короля.

Смертную казнь в Российской империи практически отменила ещё государыня Елизавета, поминаемая в церквях как «кроткая Елисафет». Казнили только за преступления чрезвычайные и только с высочайшего утверждения. В царствие Екатерины II под чрезвычайный разряд попал самозванец, заливший пол-России кровью, Емельян Пугачёв.

При Николае I повесили пятерых террористов-заговорщиков, отнюдь не за какие-то недоказанные намерения, как лгал Лунин, а вооружённый мятеж с целью насильственного свержения законного монарха, за убийство ге-

Самый обидный для декабристов отзыв их современника принадлежит автору «Горя от ума» А.С. Грибоедову: «Колебания умов ни в чём не твёрдых».

нерал-губернатора Санкт-Петербурга Милорадовича, командира лейб-гвардии гренадерского полка Штюрлера и ещё десятков людей. По законам любой из европейских стран такие преступления карались только смертью. У нас заговорщиков повесили. Без английских фокусов с показательным потрошением.

Советские декабристоведа, скорбя о казнённых «рыцарях свободы» не упоминали о двух тысячах солдат, которых рыцари втянули обманом в мятеж. Часть их полегла под залпами картечи; уцелевших били шпицрутенами, потом сослали кого на Камчатку, кого на Кавказ, где многие и погибли. Судя по протоколам следствия, «рыцари свободы» легко сдавали своих подчинённых, без нужды подробно сообщая о том, какой нижний чин какие их поручения выполнял при подготовке мятежа.

М.Ф.: Популяризаторы декабристов много писали о благих мечтах и намерениях дворян-революционеров, об их чистом идеализме. При этом в первую очередь кивали на казнённого Кондратия Рылеева, пылкого поэта «певца свободы и справедливости» и притом неподкупного судейского чиновника.

А.Г.: Да, член судебной палаты Рылеев действительно не брал взяток и слыл в Петербурге честным законником. Но в узком кругу посвящённых Рылеев исповедовал тайный закон масонства, по которому он с братьями по ложе «Пламенеющие звёзды» приговорил к смерти русского царя, его жену, братьев и малых детей. Это убийство должно было потянуть

за собой бесконечную череду жертв. Чтобы оседлать Россию, искоренить православие, заговорщикам пришлось бы убивать, убивать и убивать. Они это знали, и будущая большая кровь их не смущала.

Рылеев действительно обладал разносторонними способностями. Как ловко он высмотрел и завербовал в убийцы Якубовича и Каховского! И сколь практично и предусмотрительно наш поэт-идеалист спланировал ликвидацию самих убийц после «дела». Булгаковым повеяло, его описанием одного из грешников на балу у сатаны: «Мальчуган с детства отличался странными фантазиями. Мечтатель и чудак!

Его полюбила одна девушка, а он взял да и продал её в публичный дом».

Интересно, а декабристоманы правда не понимают, кто на самом деле был «мечтатель» Рылеев? Или прикидываются, что не понимают? Ни то, ни другое не в их пользу.

Каховский, лично убивший двух генералов-ге-

Н. Бестужев. «Волконский с женой в камере», акварель, 1830 г.

роев — Милорадовича и Штюрлера, — писал из тюремной камеры царю, которого убить не сумел, что в методах он ошибался, но намерения его были самые чистые... Психиатры и психоаналитики XX века много бы дали за возможность обследовать пятерых висельников и заодно с ними Лунина, который годами грезил убить какого-нибудь императора. Сперва он писал Александру I, чтобы тот направил его парламентом к Бонапарту, и он, Лунин, прозлит его кинжалом.

Когда Бонапарт стал неактуален, Лунин жил идеей убийства Александра I.

Увы, террористы со своей повреждённой психикой были уже в недостижимости для проницательных аналитиков. Мне только попало на глаза свидетельство некоего пастора, которому довелось общаться с Пестелем. Пастор вынес из этой встречи стойкое ощущение, что Пестель одержим бесом.

М.Ф.: Слава Богу, не все декабристы были бесноватыми. Среди 120 приговорённых, на-верное, были люди, не ведавшие, что творят.

А.Г.: Были. Но советских декабристове-дов раскаявшиеся революционеры не интересовали, и о таковых просто не писали. Только сейчас опубликованы данные о том, например, что из сотни с лишним каторжных декабристов лишь 13 веровали, жили религиозной жизнью, остальные отринули Бога. Это закономерно. Человек, исполняющий заповеди, не мог быть убеждённым, сознательным участником заговора, по сути безбожного. Корни заговора вели прямо в европейские и английские организации непримиримых антихристиан — масонов. Нелепо было бы ожидать, что русские масоны-декабристы вдруг дружно пойдут к обедне.

Что касается просветительской миссии ссыльных декабристов, то её значение безмерно преувеличено советской пропагандой. Подтверждён исследователями только факт создания Раевским в Олонках бесплатной начальной школы для крестьянских детей, курс обучения в ней прошли более ста местных ребятишек. Школа помещалась в собственном доме Раевского. В организации занятий Раевскому помогала его жена. Учебный процесс был нерегулярным, поскольку почти всё своё время Раевский отдавал земледелию. Как и Волконский, он получил от местных властей участок под пашню 15 десятин. Раевский и Волконский выписывали из Европы книги по новейшей агротехнике, хорошие семена. Предприятие приносило доход.

В иркутской усадьбе Волконских Мария Николаевна пыталась завести домашний театр, однако дальше постановки «Недоросля» дело почему-то не пошло. Ещё Мария Николаевна устраивала маскарады и музыкальные вечера, куда приглашались дети иркутских жителей.

Кто-то из декабристов собрал коллекцию минералов, кто-то гербарий. Кто-то из ссыльных, живших в Западной Сибири, составил заметки об укладе жизни и обычаях кочевых аборигенов. Вот, пожалуй, и всё, что совершили ссыльные декабристы на ниве прогресса и просвещения в наших краях. Достаточно для уважительного упоминания в хрониках, но явно мало для увековечивания в граните или в бронзе.

Человек, исполняющий заповеди, не мог быть убеждённым, сознательным участником заговора, по сути безбожного. Корни заговора вели прямо в европейские и английские организации непримиримых антихристиан — масонов. Нелепо было бы ожидать, что русские масоны-декабристы вдруг дружно пойдут к обедне.

М.Ф.: Видимо, власти Иркутска учли все эти доводы, поскольку отказались от идеи «монументальной пропаганды» декабризма и выбрали для воплощения проект, посвящённый жёнам декабристов, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Такое решение устроило всех, в том числе и протестующих против «декабристости». Память этих замечательных женщин у нас почитаема и православной церковью и обществом.

Но проблема ложной исторической памяти, навязанной сибирякам, остаётся.

Интернет полон перепевами тех самых измышлений, которые вы сейчас опровергли.

А.Г.: Так ведь других источников истории декабризма кроме советских почти нет. Вот интернет-писатели и пережевывают старые описания декабристове-дов. Вообще проблема перекошенной, фальсифицированной истории гораздо шире. Героизация террористов — это лишь её частность. В недавно изданном учебном пособии для школьников «История земли Иркутской» дети читают, например, про «душку» Лунина. Зато исполинская фигура устроителя восточной части Российской империи святителя Иннокентия Вениаминова даже

Улица Лунина (с. Урик)

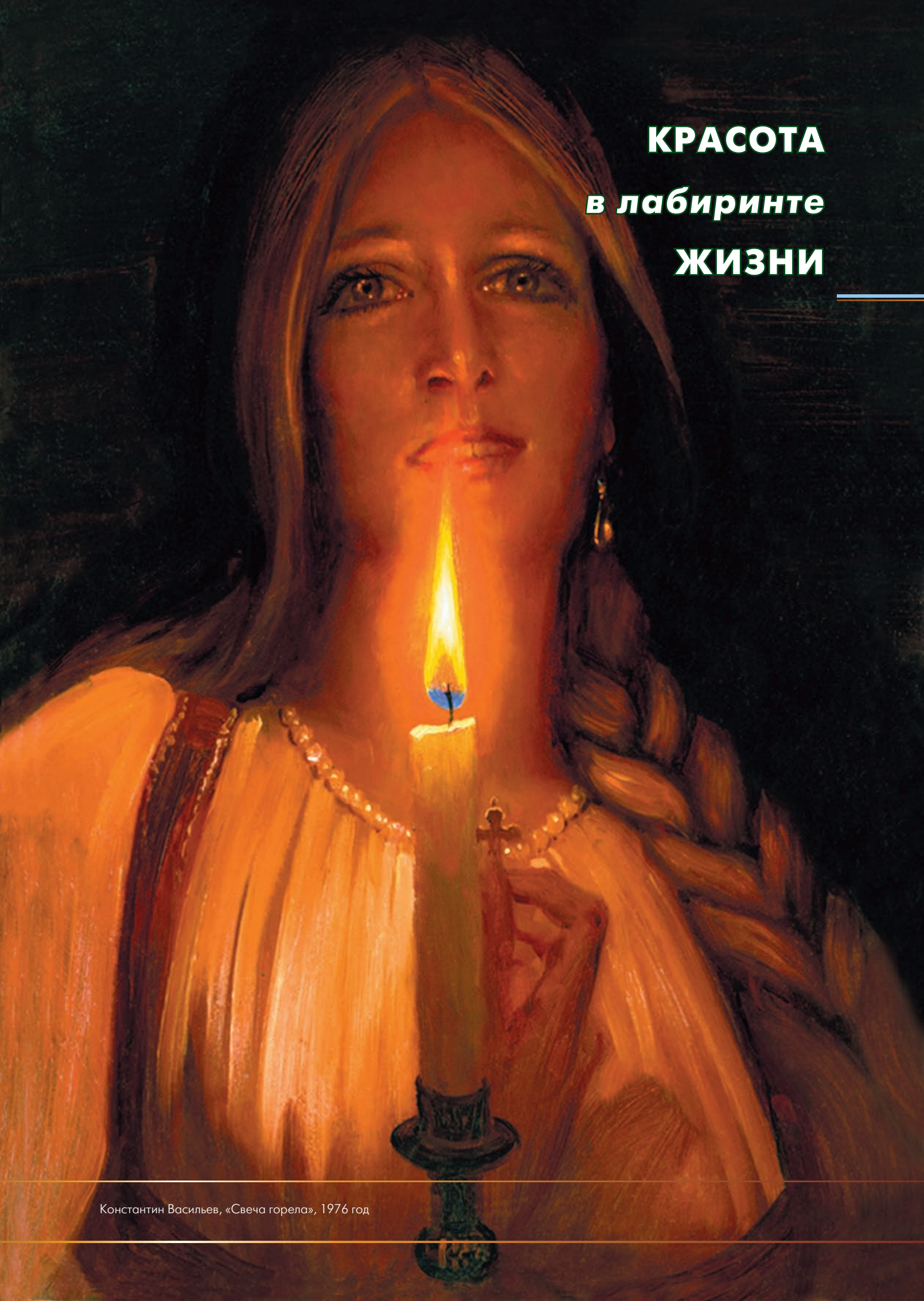
не упомянута. Из этого пособия дети не узнают, что был такой иркутянин, который пешком, на собачьих и оленьих упряжках двигался от одного стойбища аборигенов к другому, изучал их языки, обычаи, составлял для них словари, давал им письменность, которой до него они не знали, крестил в православную веру и строил храмы. Миссионерский путь Иннокентия Вениаминова пролёг через Якутию, тихоокеанское побережье, Алеутские острова и Аляску.

Наверное, это был единственный в России священнослужитель, которому корабли юного тихоокеанского флота салютовали из орудий. Так велел генерал-губернатор Сибири Муравьев-Амурский, который прекрасно понимал великую пользу миссионерских трудов святителя Иннокентия.

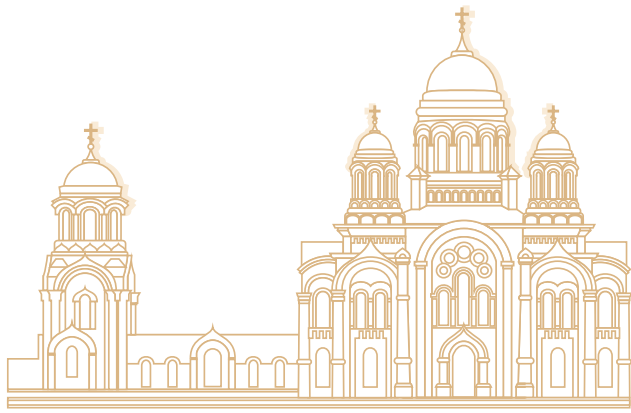
Если историческое сознание наших детей будут формировать учебники, где тщеславный террорист Лунин — герой, а духовного устроителя России Иннокентия Вениаминова просто нет, дети обречены на моральную и умственную неполноценность. И такого ребёнка уже нетрудно совратить на грех. Значит, будем терпеливо и настойчиво просвещать людей, напишем достоверные учебники по региональной истории, вернём историческую память и чувство собственного достоинства, восстановим традиционную для русских людей систему ценностей.

КРАСОТА
в лабиринте
ЖИЗНИ

Константин Васильев, «Свеча горела», 1976 год

Александр Беляев

Всюду в археологических раскопках учёные находят многочисленные изображения лабиринтов, строились даже Дворцы-лабиринты. Для древних постоянные тупики с единственным выходом из них были «зеркалом жизни», которая рассматривалась как запутанное таинство. Всегда в жизни стремишься к цели, но резкий поворот с каждым шагом всё дальше и дальше уводит тебя от неё. Опять петляешь окольными путями, преодолевая уныние и стремясь к успеху, пока не найдёшь лазейку. И опять тупики, тупики, а кольца лабиринта всё сильнее и сильнее стягиваются, и жизнь приближается к концу, и уже ощущаешь «мрачную тайну жизни, сердце тьмы» — смерть, край вечной ночи и царство мёртвых, скверну, низшая точка падения человека, откуда не возвращаются. Она страшно пугает и в то же время несчастного скитальца притягивает.

В средневековье для человека лабиринт олицетворял «ветроград блужданий». С одной надеждой — в этой роковой точке жизнь не кончается, а начинается преодоление: от тьмы — к свету, который никому из живущих не ведом.

Рождение мистично — к нам приходит вестник из другого мира. Смерть близких людей ещё сильнее будит в нас мистические чувства. Уходя от нас, они из нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром — в наше тёплое бытие поставлена связь в бесконечность.

Зрелище смерти всегда поучительно, она всегда — чудо и таинство. Наша мысль, наша любовь вместе с близким, умирающим человеком... Мы тоже мысленно стремимся пе-

реступить грань между живыми и мёртвыми, заглянуть в иной мир, чтобы убедиться в его существовании.

В мифологическом мышлении древнего человека уже присутствовала гармония личности с окружающим миром. У них не было прошлого, а было Первотворение людей, первопредметов, всех систем ценностей... В его сознании без всяких противоречий было неразделение субъекта и объекта, слова и вещи, происхождения и сущности, пространства и времени... Интуитивно он имеет понятие о Красоте Мира, которая создаётся в страшной борьбе с хтоническими силами. Чудовища уничтожаются, и космос становится вечным — одушевляется.

Древние боги посылают в мир, в облике женщины, Красоту неописуемую, которая несёт вместе с благами беспокойное начало жизни, соблазны, смерть, самоуничтожение.

Красота здесь — тонкая, материальная субстанция с небывалой силой. Уже в древнеиндийском гимне имеется описание дивной мистической Красоты...

Перед восходом солнца алеет восток. Появляется ослепительная колесница, запряжённая алыми скакунами. Управляют ею в сияющих одеждах два бога-близнеца. В колеснице стоит в сверкающей золотистой одежде прекрасная дева. Её яркие пурпурные наряды излучают свет. Она красуется и, обнажая чудесную блестящую грудь, предстаёт перед всей Вселенной, закрывая врата Тьмы и прогоняя свою сестру Ночь. Это дочь Неба — «Утренний Свет» — в наряде танцовщицы пробуждает всех, освещает дороги, сокрытые сокровища, приносит жизнь, коров, коней, детей, богатства, славу...

Архаичность её образа несомненна: её сравнивали с ипостасями женских божеств типа Великой матери.

Владимир Соловьёв через несколько тысячелетий словно повторяет древний гимн богине, но уже называя её Софией — Божией Премудростью:

И в пурпуре небесного блистанья
Очами полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядёт вовеки —
Всё обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Всё видел я, и всё одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

«Три свидания»

Он поражается образом Женской красоты, в размер которого Безразмерное входит и всё в человеке заслоняет — ум, мысли, чувства... Непостижимость и какое-то мистическое притяжение влечёт к Ней.

Вот как раскрывает мистическую тайну пурпура Святой Софии — Премудрости Божией — русский философ, князь Евгений Трубецкой (1863–1920):

«Почему наш иконописец окрашивает ярким пурпуром лик, руки, крылья, а иногда и одеяние предвещной Премудрости, сотворившей мир? До сих пор ещё никто не дал на этот вопрос удовлетворительного ответа. Приходится часто слышать, что пурпур Св. Софии есть пламень. Но это объяснение на самом деле ничего не объясняет: ибо, как мы уже видели, существует великое множество видов, а стало быть, и смыслов потустороннего пламени — от солнечного горения ассиста — до зловещего горения гиены огненной. Спрашивается, о каком специфическом виде пламени идёт здесь речь? Что это за огонь, которым пламенеет Св. София, и в чём отличие этого пурпура от других иконописных откровений, окрашенных в тот же свет?»

Объяснение может быть найдено только в охарактеризованной выше солнечной мистике красок, символически выражающих тайны неба потустороннего. Знакомство с лучшими новгородскими изображениями «Софии» не оставляет в этом ни малейшего сомнения. <...>

«Вся Премудростию сотворил еси», — поётся в церковном песнопении. Это значит, что Премудрость — именно тот предвечный замысел Божий о творении, коим вся тварь небесная и земная вызывается к бытию из небытия, из мрака ночного. Вот почему София изображается на ночном небе. Но именно этот ночной фон и делает совершенно необходимым блистание небесного пурпура в «Софии». То — пурпур Божьей зари, зачинающейся среди мрака небытия; это — восход вечного солнца над тва-

рю. София — то самое, что предшествует всем дням творения. <...>

Разница между языческим — гомеровским и православно-христианским мироощущением иконописца — в том, что последний видит эти пурпурные персты не в здешней, а в предвечной заре и относит их к небу потустороннему. Пурпур остаётся тем же утренним светом, но изменяется в самом существе своём одухотворяющего его начало».

(«Два мира в древнерусской иконописи», 1915).

Мир наш превосходит любую чудесность. Своими непостижимыми тайнами он показывает ничтожество человека, а вложенная в него душа вопиёт о своём бессмертном начале. Атеисты непременно требуют доказательств бытия Бога...

Учёный и религиозный мыслитель Блез Паскаль утверждал: «Сердце чувствует Бога, а не разум. Вот что такое вера».

Он же и объяснил парадокс мировосприятия человека: «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы постигаем первые принципы, и тщетно рассудок, не имея в них опоры, пытается их опровергнуть... Ибо познание первых принципов: пространства, времени, чисел, движения — столь же прочно, как и познание посредством рассудка. Именно на познания сердца и инстинкта должен опираться разум и на них базировать своё рассуждение... Как бесполезно и смешно разуму требовать у сердца доказательств его первых принципов, которые оно чувствует, так смешно сердцу требовать у разума чувствования всех теорем, которые он доказывает».

Сама жизнь появляется от наслаждения запретным и эта жизнь — труд и скорби, а люди рождаются для того, чтобы умереть.

В Ветхом Завете змей и Ева («Жизнь») возвращают Адама («Человек, прах земной»).

Грехопадение, как нарушение сексуального запрета, познание добра и зла. За это Ева и несёт проклятие: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей, и к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою». (Быт. 3, 16).

Новый завет рассматривает брак как данный Богом неприкосновенный дар, что Бог связал мужчину и женщину «одною плотью» и он не расторгим.

«В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам», — делал вывод историк В.О.

«В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам», — делал вывод историк В.О. Ключевский. Чтобы овладеть таким высоким искусством уклада семейной жизни, которое недоступно теперь нигде, необходима глубочайшая вера в Спасителя.

Ключевский. Чтобы овладеть таким высоким искусством уклада семейной жизни, которое недоступно теперь нигде, необходима глубочайшая вера в Спасителя. Он же говорил: «Хорошая жена, выходя замуж, обещает счастье, дурная — ждёт его». Вернее сказать, для благоугодного семейного проживания необходима мудрая тактичность друг к другу, выращивание совместных этики и мирозерцания.

Вещь не такая уж труднодостижимая, если верить в Христа Спасителя и жить по евангельским заповедям, что и сейчас наблюдаем в семьях священнослужителей. Ведь, по словам русского философа

Н.О. Лосского: «Основная наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием».

Праздником было появление ребёнка. А.А. Котляревский сообщает: «С рождением ребёнка прибавлялась в семье новая единица: загоралась новая жизнь, которую олицетворяли зажжением свечи, в знак чистоты — из белого воска».

Ф.М. Достоевский писал: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» и говорил, что между нами и цивилизацией — вера.

Потому религиозный русский народ и воспринимал брак не как сожителство, а как высокое таинство.

Христианский брак в Православии рассматривается и как союз Христа с церковью.

«Навстречу восходящему солнцу Евангелия поднимается вся та светлая радость жизни, какая есть в человеке. При свете этих лучей окрыляется и получает благословение свыше — самая человеческая любовь. Иконописец не только знает этот чистый подъём земной любви, он воспекает ему радостные гимны. Это — не ночное соловьиное пение, а солнечный гимн жаворонка с его подъёмом в тёмно-синюю высь. (...)

Как бы ни было прекрасно и светло это явление земной любви — всё-таки оно не доводит до предельной высоты солнечного откровения. За подъёмом тут неизбежно следует спуск: как бы высоко ни поднимался в небесную синеву этот весенний жаворонок, всё же до встречи с солнцем ему далеко; стремительно поднявшись, он вскоре неизбежно ниспадает на землю — клевать зерно и растить птенцов для нового полёта и подъёма, который опять не доведёт до цели. Чтобы освободить земной мир от плена и поднять его до неба, приходится порвать эту пленительную цепь подъёмов и спусков. От земной любви требуется величайшая из жертв: она сама себя должна принести в жертву. (...)

Самый подъём земной любви навстречу запредельному откровению здесь неизбежно готовит трагическое её столкновение с иною, высшею любовью; ибо эта высшая любовь в своём роде так же исключительна, как и земная любовь: она тоже хочет владеть человеком всецело, без остатка».

(Евгений Трубецкой «Два мира в древнерусской иконописи»)

«Невозможно исчислить всех наименований, которыми ласкающееся дитя осыпает любимую мать. Точно так же неисчислимы и те изображения, в которых Православная Церковь представляет взорам и сердцу младенчества во Христе образ Той, в Которой все, прибегающие с детской любовью, обретают нежнейшую, попечительнейшую Матерь. Это изображения, в которых, собственно говоря, переводятся на полотно восторги благочестивого чувства, так красноречиво выражающиеся в наших церковных песнях, можно назвать

«лирическими». Каждое из них есть не что иное, как воплощённое в чертах и красках приветствие любви, преданности, молитвы. Сверх того нельзя не заметить, что все они отличаются характером нежного, растроганного чувства, ищущего потопить свои земные скорби и печали в лучах небесного идеала, представляемого благодатным ликом Святой Пренепорочной Девы. Это доказывают самые наименования, принятые Церковью для разных изображений Богоматери; как-то: Всех Скорбящих Радость, Утоление Печалей, Взыскание Погибших, и т. п. На дне морей, раздираемых свирепыми бурями, зарождается драгоценный перл. В тайниках души, истерзанных пытками скорбей, воспитывается молитва и упование, вера и любовь, поэзия и искусство...»

(Николай Надеждин «Изображения Божией Матери»)

Всё происходящее в жизни человека — временное, но оно и очень значительно. Величие мира напоминает человеку, что и он — малый мир: тело его из земли, кости — от камней, кровь — от широкого моря, очи — от солнца, мысли — от облака, свет очей — от света вселенной, дыхание — от ветра, тепло тела — от огня.

Храм тоже был микромиром: в куполе — вознесение Христа, на парусах сводов, поддерживающих купол — евангелисты, святые воины внизу росписи, а повыше — мученики. Но храм был и макрочеловеком — глава, под которой шея барабана, потом плечи, «очи» — окна, над которыми «бровки». Алтарь обращён на Восток — навстречу возникающему дню.

Восход солнца символизировал преображённое тело покойного для жизни вечной его души. Для этого покойного кладут головой на запад, чтобы лицом встречал солнце, свет.

Всё в мире символично, и вся Вселенная — книга, написанная перстом Божиим.

- **РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ**
- **СЕЛЬСКИЙ ПОП
(РУССКАЯ НАТУРА)**
Владимир Личутин
- **«ЕГО ЖИЗНЬ – ЖИЗНЬ РОССИИ»
о поэзии Николая Зиновьева**
Виктор Бронштейн
- **ХРАМ НА НЕБЕ**
Стихи
Николай Зиновьев
- **МИСТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
АЛЕКСАНДРА МОСКВИТИНА**
Михаил Варфоломеев
- **КРАСОТА ЛЮБВИ**
О народном кино
Лидии Бобровой
Анатолий Байбородин

Русское
Искусство

И.С. Горюшкин-Сорокопудов. «Старая Русь» (фрагмент)

**РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
СТИХИ**

Д. Ольшанский. «Русская зима» (фрагмент)

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
народный стих

Во славном было городе Вифлееме,
Во той стране было иудейской.
На востоке звезда возсияла —
Народился Спаситель, Царь Небесный.
Бог во убожестве приложился,
Во убогих яслях возложился,
Никто про Его, Света, не ведает.
Спроведали персидские цари,
Принесли Ему честные дары:
И смирну, и золото со ливаном.
Царие Царю поклонились:
«Прими наши честные дары:
И смирну, и золото со ливаном!»
Царие Царя стали вопрошати:
«Не ты ли есть Бог над богами,
Не ты ли есть Царь над царями?»
«Гой еси, вы, персидские цари!
Хощете Меня вы испытати,
Про Меня царю Ироду сказати,
На распятие жидам Меня предати,
Безвинную кровь проливати».
«Не дай же нам, Господи, подумать,

Не дай нам, Владыко, помыслить!
Мы хотим с Тобой вкупе жити,
Во едином Царстве Небесном!»
«Коли хотите со Мной вкупе жити,
Ко Ироду царю вы не ходите,
Иным путём обратитесь,
Ироду царю вы поругайтесь».
Царие Царю поклонились,
Поклонившись, они прослезились.
Прослезившись, и вовсе они просветились,
Во своя страны воротились,
Ироду царю поругались.
Безбожный царь про это проведал,
Безбожный царь Ирод възъярился,
Послал же он своё войско
Во ту страну иудейскую,
Во все пределы вифлеемские
Побить неповинные младенцы
От двю лет и нижеа
За Спасителя Христа Бога.

XVII–XVIII вв.

ОБ ИРОДЕ И О РОЖДЕСТВЕ ХРИСТОВОМ
народный стих

Дева Мати Пречистая
С небес взята, Пресветлая.
В тёмной ночи звезда просветила,
Дала всем верным помощи
От роду Адамова.
Родилися люди от Адама.
Девица, всем Царица,
Христа, Сына Божия породила
В иудейской земле, во вертеп-горе.
Пошли волсви Христа искать
По звезде волсви по честной;
Звезда идёт и волсви идут.
Пришли волсви ко вертеп-горе,
Принесли Христу честны дары;
Наложил Господь на них златы венцы.
Пошли волсви, радуются,
Не путём во дома свои,
Ироду-царю про Христа не споведали.
Ирод-царь возмущается,
Умом-разумом колыбается,
Не хочет он Бога видети,
Славу Божию слышати,
Хочет Бога погубить.
Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле святорусской:
«Подьте вы, посланники,
Побейте вы младенцев многосущих
Двух годов и полутора».
Много они младенцев прибили —
Три тьмы и три тысячи.
Нигде Господи во младенцах не изыскался.
Проречет Господь ко младенцам:
«Подьте вы, младенцы, во Царствие,
Во Царствие во Небесное
За ту за смерть за напрасную
Ко святому Авраамию,
Ко Исаку, ко Иакову».
Поём славу Тебе великую,
Песнь поём: аллилуия.

XVII–XVIII вв.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

МОЛИТВА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой Заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприяв пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Звезда сияла на востоке,
И из степных далёких стран
Седые понесли пророки
В дань злато, смирну и ливан.
Изумлены её красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звездою
И пали до лица земли.
И предо мной, в степи безвестной,
Взошла звезда твоих щедрот:
Она свой луч в красе небесной
На поздний вечер мой прольёт.
Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нет, —
Лишь с фимиамом песнопенья
Падёт к стопам твоим поэт.

1887

* * *

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звёзды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних, —
Вот пропели петухи —
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарён Марии лик.
Звёздный хор к иному хору
Слухом трепетным приник, —
И над Ним горит высоко
Та звезда далёких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ливан.

1842

АЛЕКСАНДР БЛОК

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.
На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.
И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.
Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарюта
Улыбку видели гонцы.

1902

ИВАН БУНИН

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

По лесам бежала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнув Младенца.
Стлалось в небе Божье полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.
Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи в эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустам сверкали без числа.
Две седых медведицы в яру,
На дыбах боролись в ярое злобе,
Грызлись, бились и мотались обе,
Тяжело топтались на снегу.
А в дремучих зарослях, впотьмах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах.
И огнём вставал за лесом меч,
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову трону,
Чтоб главу на Ироде отсечь.

1915

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

* * *

Наконец-то повеяла мне золотая свобода,
Воздух, полный осеннего солнца, и ветра,
и мёда.
Шелестят вековые деревья пустынного сада,
И звенят колокольчики мимо идущего стада,
И молочный туман проползает по низкой
долине...
Этот вечер однажды уже пламенел
в Палестине.
Так же небо синело и травы дымились сырые
В час, когда пробиралась с Младенцем
в Египет Мария.

фото Юлии Гавриловой

Смуглый детский румянец, и ослик,
и кисть винограда...
Колокольчики мимо идущего звякали стада.
И на солнце, что гасло, павлиньи уборы
отбросив,
Любовался, глаза прикрывая ладонью,
Иосиф.

1920

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь Сыну
Колоб.
Всякой снадобью Она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.
Заигрался в радости Младенец,
Пал в дрёму,
Уронил Он колоб золочёный
На солому.
Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слёзы душу голубую
Божью.
Говорила Божья Матерь Сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебедёночек,
Не сетуй.
На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.
Жутко им меж тёмных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

1916

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ

Мы слышим детский лепет, словно пенье
Тех ангелов, что вдруг, для всей земли,
Сквозь эту ночь и звёздное горенье
К пустынным пастухам пришли.

Мы замечаем братское согласие
И ясность кроткую людей простых,
Открытых Небу, ангелам и счастью,
Что родилось в святую ночь для них.

Мы постигаем веру и терпенье
Волхвов, искавших вечной глубины,
И — снова слышим в этом мире пенье,
Которым Небеса полны.

О, Господи, Великий, Безначальный,
Творец всех звёзд, былинок и людей,
Ты утешаешь этот мир печальный
Безмерной близостью Своей!

Ты видишь скорбь земли:
всё наше неуменье
Тебя искать, любить, принять, найти;
И оставляешь Ты среди мира это пенье,
Как исполненье всякого пути.

Горит Твоя звезда — святая человечность,
И мир идёт к своей любви большой;
И если кто её увидел, значит вечность
Остановилась над его душой.

(?)

A photograph of a winter landscape. In the center, a church spire with a cross on top is visible through a dense thicket of bare, snow-covered trees. The sky is overcast and grey. The overall tone is cold and serene.

СЕЛЬСКИЙ ПОП

(РУССКАЯ НАТУРА)

Владимир Личутин*

«**Э**то такое сложное явление — хлеб наш насущный, в нём плоть Христова. Покажи себя в работе, и люди невольно станут подражать тебе, может, сначала из зависти, ревности, раздражения, потом из уважения. А после придёт опыт, и по-старому жить уже не захочется... Поп должен быть хозяином, трудиться на поле, как и все, ну и блюсти требы, венчать, отпевать, вести службы в храме, соборовать. Только этим и отличаться от мужика... Вот у нас с Романом Морозом... Он мне много помогает, спасибо ему, и если он что-то обещает, и я знаю, что он выполнит обещанное, я всё равно не жду манны небесной, а делаю. Я живу так, будто один на белом свете живу, и в этом есть моя борьба с расслабленностью. Потому что и один в поле воин... Это мой обет спасения... Слава Богу, сердечная помощь есть, а практическая придёт — уже второе. Важно, что мы должны думать и жить согласно.

...Вот я чего-то и завёлся неожиданно... Давай, Лариса, выпьем за гостей, которым сны снятся про меня, и очень странные. Атаману казачьего круга однажды сон приснился... Он приехал к нам на праздник Амвросия Оптинского и рассказал мне. Вот, дескать, сидим с тобой за столом, и вдруг враг стучится в дверь. Я беру нагайку, а ты какое-то оружие, и мы выходим встречать врага. Вот какой сон приснится... У него сны были поразительные, он человек тонкой организации душевной, музыкант удивительный... И у меня бывают сны такие странные, поразительные, искусительные, и я во сне всегда выхожу из трудного положения. Сны ассоциативные и поднимают все пласты моей жизни. Через них я вдруг вспоминаю столько событий, людей. Я даже подумываю, не написать ли мне книгу «Сны моей жизни». А что?..»

Батюшка засмеялся и вдруг запел хрипловато, низким красивым голосом, иногда забирая верхи, несколько не выдающим больших лет, с

которыми он пока успешно воюет. Он запел так, будто песня, не затихая, день и ночь живёт в груди, пока зажатая под сердцем, стреноженная, а потом, сбросив путы, с силою выталкивается на простор... Я невольно подхватился вослед, творя и привсхлипывая голосишком казачью походную, печально торжественную и мистически завещательную песню. Вот и матушка вошла в строй, а следом и клырошанки втянулись...

...А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся.
И сердце кровью обольётся,
Такая жизнь, брат, для меня.

А для меня придёт весна.
Поеду я к горам кавказским,
Сражусь с народом басурманским...
Такая жизнь, брат, для меня...

И сразу, без передышки: «Во субботу день ненастный...» Батюшкин взгляд лучится, время для него пропало, он поёт, как справляет литургию, выкладываясь сердцем, ему, наверное, уже неважно, держит ли кто за ним строку, спешит ли кто вдогон, ведёт ли верха и низа, он поёт сам собою, с каким-то страстным торжествующим взглядом. На минуту споткнулся, подыскивая в памяти очередную песню, и тут же, как ведётся

у народных баюнков и сказителей, приговаривает, но каждое лыко в строку:

«Ко мне ансамбль «Русичи» приезжает каждый год, исповедаются, причащаются, вот они-то поют настолько глубоко, что меня потрясает каждый раз. Они считают меня своим наставником, а для меня это так странно, так чудно, потому что я недостойн этого звания. Они умные, талантливые, а я кто, так себе, простой сельский поп, может и поп-то худой, и никогда не видел в себе ничего особенного. Но они считают меня своим учителем, и я ничего не могу поделывать, раз они так считают... Мы часами поём здесь вместе. Они выдающиеся певцы, а я кто... Но я буду всегда петь, потому что для нас, русских, песня — это кровное дело, это вроде исповеди, это перетекание из груди в грудь духа, силы и воли. Вот мы сидим сейчас, попели за столом, а сроднились гораздо больше, если бы просто так сидели. Для русского человека пение — вещь просто необходимая, великое соборное дело...»

Тут в избу явился новый гость и прервал неожиданную проповедь, вошёл, как к себе в дом, лохматый, чернявый, неожиданно весёлый, как с праздника, привёз отцу Виктору ветеринара. (Я узнал позднее, что был Иван прежде удачливым предпринимателем, имел три магазина в разных городах и вдруг с торговлею завязал, часть денег пожертвовал на церковь, остальные отдал на крестные ходы, теперь сам странствует по России и тем счастлив. И, наверное, потому, что душевно спокоен, взгляд его добродушен.)

У батюшки в хлеву стоит осёл Петеля, и ветеринара зазвали из-за Мологи, чтобы подрезать отросшие копыта. Это у скотинки слабое место, и если запустить болячку, то животинка может не просто обезножить, но и пропасть. Осёл жмётся в угол от множества неожиданных людей, но к батюшке идёт в руки, стрижёт ушам. За год они сдружились. Для русских северов кавказская животинка в диковинку, любопытная видом, как недорослая лошадёнка, но характером норовистая. Издаля слышав трубный голос осла, батюшка радостно восклицает: «Петеля поёт». Завидев батюшку, Петеля встаёт на задние ноги, а передние кладёт хозяину на плечи, отчего отец Виктор искренне радуется забаве и чувствует себя в эти минуты, как прежде, сильным и молодым.

...Я ушёл в избу, через полчаса, наверное,

вернулся поп с довольным лицом, сел за стол пить чай, как будто никуда и не отлучался. Обвёл всех радостным взглядом, не уснули ли тут без него, и сразу начал проповедь...

«Оказывается, в народе так много жило знаний... Как рыть колодец, как рубить избу, шить упряжь, делать сани, тачать сапоги, копать картошку, солить капусту, подшивать валенки, обрывать скотину, — всего и до ночи не перечислишь, и вот каждый раз я узнаю что-то новое, и этот процесс познания на земле бесконечен. Эта энциклопедия крестьянского опыта и есть истинная история народа, творческая созидающая биография. От постижения к постижению. Не от разрушения к разрушению, а от созидания к созиданию под Божьим приглядом... Крестьянин должен уметь всё, чтобы сохранить семью и продлить своё потомство».

«Труд на земле тяжёл, но особенно труден он сельскому попу на бедном приходе и требует огромных сил».

«Пей, давай, чай-то, пока горячий... С тобой, Володенька, надо всегда быть настороже, чтобы чего не ляпнуть невзначай. Вот будто бы просто разговариваем, а ты всё в голове на ленту мотаешь, а после на бумагу».

«А ты, батюшка, говори с ним, как на духу, — посоветовал Роман, — он тебе худо не сделает».

От неожиданной похвалы я смутился...

«Смотри-ка, он ещё и краснеть не разучился, — засмеялся отец Виктор. — Увы, прежней силы, которую ты поминаешь, у меня уже нету... Но ...Ещё лет тридцать тому назад я считал себя глубоко верующим. Читал божественные книги, ходил в церковь, но однажды вдруг понял, молитвы могут и не доходить до Господа. Чтобы они доходили, нужно с детства молиться Иисусовой молитвой. Если делаешь какое-то дело, то нужно молиться. И тогда всё получается. Иисусова молитва мой главный помощник... А ещё я понял, что вообще крестьянские работы никогда не кончаются, это непрерывный живородящий поток, это родник-студенец, бьющий из самого материнского лона земли. Мне нравится вот эта непрерывность процесса в деревне. Всё целесообразно, ничего лишнего, ничего в отбросы. Здесь труд и дух зримо слиянны и нераздельны. Это по русским деревням ходил голубоглазый Христос... И не случайно слова крестьянство и христианство совпадают... Деревня — это такое

место, где постоянно проявляется жертвенность. Вот мне нравится, как говорили на Руси: не люблю тебя, а жалею... Вовсе не унижительная вещь... Человек, который живёт в своём доме, имеет своё хозяйство, скотину, он должен всё это учитывать. Нужно постоянно совершать маленькие подвиги, подвигать себя к поступку. Ты плохо себя чувствуешь, а кто скотину будет обрывать, особенно когда жены нет дома? Ну не хочется... А кто кроме тебя сделает?.. Скотины-то жалко, если погибает. Нет сена, изволь идти за сеном. Нужно накопить. Сердце болеет. А кто за тебя сделает? И вот, сердце болит, а идёшь. Но чудное дело, сердце проходит, когда начинаешь косить... Воды нет — нужно идти на родник, дров нет — надо идти в лес. Вот в первую зиму у меня дров не было, и я таскал на санках из лесу вершинки от деревьев, и деревня надо мной смеялась. В лесном краю — и топить вершухами...»

«Твоя деревенская жизнь походит на заговор... Снегами позасыплет, людей почти нет, бездорожье, безденежье, хоть волком вой — не услышат... Наверное, тоска нередко наплывает?..»

«Ну, ты, Володя, нарисуешь такую безысходность, что действительно волком взвоешь... А ведь ничего подобного нет у меня, ни тоски, ни слёз, ни сожалений по городскому вавилону, где ты как песчинка в бархане. В деревне каждый на виду, каждый — бесценный человек... Вывези его в город — невзрачная песчинка, взгляда не остановит... Хотя и в городской жизни я спокойно обитал, и здесь сразу вжился и никакой тоски по прежней жизни, слава Богу, не знал. Я так устроен: что вижу впервые, сразу могу оценить и принять, как необходимость...»

«Я так думаю, что сельский поп, это как лейтенант на передовой...»

«Бери повыше, и нас, деревенщину, не принижай без нужды. На полковника потянем, — засмеялся. — Когда я занимался с кинолюбителями, я с ними обо всём говорил, в том числе и о Боге. Я считал, что нужен институт старчества. Думал, что его нет, а он, оказывается, был. Поп в деревне — это и старец-исповедник, к которому можно прийти за последним советом и душу открыть... Ну и поп должен помнить, что именно тут, по русским деревням, по Нерли и Мологе ходил голубоглазый Иисус Христос, и люди знают это не письменным преданием, не человечес-

кой короткой памятью, но сердцем проникают в те давние времена».

«Тут, наверное, больше апокрифа, мистики, хотя и я верю в это предание...»

«Православная вера без мистики не стоит... В мистике есть то особое высшее содержание, которое лишь подтверждает житейская практика. Кстати, есть свидетельства, что Спаситель наш был голубоглазый, а его рисуют только с коричневыми глазами. И на иконе Александр Невский с коричневыми глазами, и царская семья, а почему?.. Тут не просто произвол художников, но некое внушение со стороны, кроется некая «тайна беззакония»... В своё время, когда я ещё не был священником, хотя и считал себя верующим, я придумал одну вещь. Когда трудно мне было, маятно, я говорил: «Я смотрю на мир голубыми глазами». Ну скажи, Володенька... Скажи, пожалуйста».

«Я смотрю на мир голубыми глазами», — повторил я, только чтобы потрафить батюшке, и невольно губы мои поехали на сторону.

«Ну, вот видишь... И каждый человек так... Иль заулыбается, иль засмеётся, но всем сразу легче становится. Это же не случайно... Голубоглазые — это люди солнечные, небесные, радостные. Вот такие были русичи...»

Поповская изба стояла на околице, последней в верхнем конце села (может, первой), и со всех углов, запелёнутые снегами и молодым сосенником, угадывались пустошки, что когда-то засеивались овсом, покосившиеся прясла, похилившиеся сараюшки — остатки былого хозяйства. А с тылов, от былых вырубов, уже угрожающе приступали к деревне чернолесье, кустарник и кочкарник, стремясь поглотить её, истереть из родовой памяти. Изба батюшки волею судьбы оказалась в передней обороне, вот её-то, как главного супротивника, и хотело полонить забвение, а батюшка наш сопротивлялся из крайних сил. Мы смотрели на тускло желтеющие окна, где маячили тени хозяйки и клырошанок, и каждый из нас, наверное, думал о своём, кто с хозяйским интересом, а кто и с грустью, тоскою наезжего постороннего человека, коему ввечеру всё виделось унылым и сиротским, похожим на погост.

«Как всё одичало», — невольно вырвалось у меня.

«Да, одичало, но ведь и необыкновенно красиво вокруг, — возразил батюшка. Его ревнивое сердце, наверное, было задето и оскорблено моим замечанием, но он не подал виду. — Вот это сиреневое, лиловое, алое на снегу и тёмные, почти чёрные, ельники на малиновом закате, и эта ознобная зелень по краю неба, предвещающая морозец, и дома, как валуны, оставшиеся после ледникового периода... Самый великий художник — это Господь Бог, а мы лишь жалкие подражатели его, списыватели... Не устаю смотреть на эти Божьи творения и удивляться им. А на холсте меркнет всё, линяет, скукоживается, ибо наталкивается на нашу спесь, гордыню, суемудрие, дескать вот мы какие, всё можем и даже лучше, чем Творец, и начинаем изощряться. А может, талантишка не хватает, — и это правда, — да и бесы противятся, закрывают глаза на истину. Нет, недаром бесы родились раньше человека на пять тысяч лет... А попа особенно дерзко окружают они, залепляют ему очи... По себе знаю... Вот я прожил в этой избе, как купил её, два или три месяца, и однажды, когда мои все уехали в город, я сижу на кухне, чищу картошку, и вдруг мне голос «Немедленно покинь этот дом». Это бесы меня понуждали... А я не послушался — и живу... А послушался бы, напугался — и церкви бы не было, и попом бы не стал. Так крепко всё повязано».

Мы стояли как бы на бугре, на холмушке, и вымершая деревня стекала вдоль дороги в низину, как в ухоронку. И особенно странно в этом одичалом краю выглядела новая церковь, крестильня и келеица с куполами. Батюшка проследил мой взгляд и сказал торжественным голосом, притаённо гордясь собою:

«Многие не хотели такого храма, но получилось, как я замыслил, и сейчас мы все молимся, чтобы сохранился храм. Непогода какая, гроза, дождь или сильный ветер, а ветра здесь страшные бывают, я всё время молюсь: "Господи, спаси и сохрани храм свой преподобного Амвросия Оптинского". На это не жалко тратить сил и молитвы... Моими руками делается, вроде бы, моими мозгами, вроде бы, и всё-таки чудно, что дело движется, ведь денег у меня нет, у меня маленькая пенсия, и у жены Ларисы маленькая пенсия, кажется, что можно на пенсию сделать, да ничего нельзя сделать...»

«Церковь есть, а молящихся нет...»

«В этой деревне нет. Но у меня четырнадцать деревень в приходе, человек двести пятьдесят. Но даже если бы и один человек жил... Как ему быть без церкви? А как строили Сергей Радонежский или тот же Кирилл Белозерский. Уходили в глухие леса, строили церкви, монастыри, не думая о молельщиках, а после и люди стекались. Где храм объявится по жажде душевной, туда обязательно народ притечёт. — Батюшка призадумался, словно бы подавляя в себе смуту и дальнейшее сомнение, и утвердил: — Храмов на Руси должно быть много, ибо настало время Христовых воинов... Ведь не на каждом месте церковь можно срубить, но только на том дивном месте, которое особенно притягивает к сердцу... Вот гулял я за деревней с попами, вышли на полянку в лесу, где деревня была прежде. Там были раньше поля, сеяли лён, и жили на выселках два брата, они шили конскую упряжь, делали хомуты, сани... Попы восхитились тем местом, а действительно дивное место, клевера цветут, пчёлы гудят, жирная трава по пояс, осиянная такая холмушка в ельниках... Ну и что?.. Договорились мы строить там церковь и закопали свои нательные кресты, сверху насыпали камней, гурий такой. Потом воздвигли осиновый крест. Осиновый крест, по преданиям, защищает от привидений, от оборотней. Потом привезли и подарили мне икону резаную Божьей матери Владимирской, здесь освятили. И к этой иконе стали ходить богомольники. Она сделана человеком безбожным, но очень искренне, близко к примитивизму. Большие руки, какое-то лицо длинное... И вот народ стал ходить, молиться, конфетки класть... Я привёл к иконе Романа Мороза, он увидел место чудное и сказал: "Я построю здесь церковь". ...Вот так всё случается не по нашей воле... Молиться надо в том месте, где молится... Я так думаю, что если сил достанет, то задумка у меня живёт монастырь тут создать... Вот сейчас на деревне вместе со мной и с матушкой осталось четырнадцать человек, а через короткое время будет жить сто восемьдесят...»

«Всё верно, батюшка, будут люди, — поддержал Мороз. — И богомольцы притекут, а как иначе... Надо будет гостиничку возле храма поставить, пусть пока и небольшую. Я уже и сруб приобрёл, осталось только место выбрать... Вот завтра мы и присмотрим, если батюшка благословит», — добавил Роман, уже обращаясь ко мне.

Наверное, им так хотелось убедить меня, склонить в свою сторону, заразить своим духом (хотя и знали, что я на их стороне), что благое дело на Руси не пропащее, только нужна от каждого хоть капелька сил на устройство земли — и всё исполнится, как бы само собою, по щучьему велению... Но ведь сказочное «щучье веление» не по лености мужицкой, крестьянской, но за щедрость сердечную, за доброту человеческую. «За всё добро отплатится добром, за всю любовь отплатится любовью», — скажут позднее. Сказка «По щучьему велению» много древнее православия, но хранит те русские заветы, которые потом перейдут в церковные заповеди.

«Роман предложил удивительную вещь, сделать по реке Мологе казачьи заставы. Будут казаки осваивать пространство, заводят семью, обрабатывают землю. Им очень пригодится умение Романа строить дома по-современному, с малой затыжкой времени... Это прекрасно...»

В редких избах там-сям затеплились огоньки, они прокалывали темень, как раскалённые спицы, от них до нашего сердца наплывало теплом. Но, увы, эти светильники были так редки, что лишь подчёркивали ветхость, забытость, быстрое увядание Зараменья. Но ведь Христос поднял с одра мёртвого Лазаря, значит, всё возможно... Если будет в народе вера в мать-сыру землю, в её нескудеющую способность давать «хлеб насущный» на нашу искреннюю любовь, то и Бог, увидев тяжкие труды во благо, несомненно протянет руку помощи. Если мы окончательно не отпадём от Христа, не залубенеем душою, то и Христос не отвернётся и призреет нас неуловимо нашему пониманию, вроде бы ничем и никак не напомнив о себе...

Иногда в окне отдёргнется занавеска, посмотрят на улицу с любопытством, кто идёт, и снова запахнётся. Батюшка всех деревенских знает, их судьбу, их горя и радости, их болячки, он перестал быть чужим, он свой, сельский поп, он и встретит в мир нового человечка, он и отпоёт, проводит в мир вечный-бесконечный.

«Вот они вроде бы прежние, что и десять лет назад, но с появлением церкви уже другие. Они даже не представляют, что уже другие, меньше плоти стали угождать, — сказал батюшка, увидев в окне знакомое лицо. — Хотя какое уж тут угождение в бедной деревне-то, — он вздохнул. — Вот в городах, там иное, там бесов много, там даже попы порою за чечевичную похлёбку

продаются. Я одному батюшке в Москве посетовал, что некоторые иереи плоти угождают, кушать хорошо хотят, а значит, бесам продаются. А он вздохнул, беспомощно развёл руками и признался, а что, дескать, делать, ведь пенсию-то надо получить. И не понимает, сердешный, что пенсия тоже от Бога... А как тогда нищего крестьянина увещевать, которого город ободрал, как липку. Язык не повернётся обвинить вот их, — отец Виктор неопределённо махнул рукою вдаль улицы. — Вот сидят, последние на деревне, телевизор смотрят, а в церковь и силком не затащить. Я за это время отпел людей — немыслимо, только в Зараменье пятнадцать человек... Но люди-то всё равно меняются. И я это знаю точно... Вот колокольчик зазвенит, и пусть на службу не придут, а на душе-то ворохнётся, и невольно о Боге вспомнят... А что на душе ворохнётся — это совесть. Понимаешь ли, Бог — это проявление совести. Таково свойство русских. Если совесть есть, человек в Боге уже... Вот батюшка Николай Гурьянов лет тридцать назад сетовал мне, что молодые плохо ходят в храм, что в будни приходится служить в пустой церкви. Но ведь он не впадал в уныние, он не считал, что народ погряз в дикости и что Русь погибает. А уж он-то, прозорливец, помещался как бы в самом сердце России, смотрел в самую суть вещей и многое провидел. Я через одну знакомую богомольницу однажды испросил у старца совета, дескать, что мне делать, долго меня не рукополагают. И он передал ответ, чтобы я не беспокоился, всё будет хорошо...»

«Со мной под Печерами в Псковской области был однажды случай. Ещё при советской власти. Зашли мы с товарищем в храм. Мне так запомнилось, что храм стоял одиноко на холмушке. Служит священник, и никого из богомольников. Осиянный такой старичок, весь седенький, но ухоженный, благообразный, чем-то Николая Угодника напоминает. Спрашиваем, что, вы так и служите в пустом храме? Он отвечает: «Да, каждый день все службы исполняю. Мне не так и важно, идут люди или нет. Богу не так угодно, сколько народу приходит, но важнее, хоть бы и один человек, но с полной души возносил хвалы Господу...» Потому я и вспомнил тот случай, ибо он совпадает с твоей жизнью, с твоим служением. И что удивительно, на его лице не было никакой скорби...»

«И со мной так же... Если за свою жизнь я

хотя бы двух человек привёл к Богу, то жизнь моя не напрасна... Мы страдаем от того, что мало верим сердцем. Языком многие верят. Свечки ставят, пожертвования бывают. Иногда за советом приезжают, будто к колдуну, дескать, помоги — и всё. А что для этого душою надо потрудиться, — не понимают. Себя от внутреннего труда освобождают, духовной битвы боятся, чтобы всё готовенькое. Чтобы как хлеб с маслом и стакан молока употребить. Душевных страстей боятся и страданий... А если и молятся, то только с просьбою к Господу, дай-дай, да чтоб немедленно исполнились желания. И редко когда возблагодарят в молитве: «Мати Пресвятая Богородица, спасибо тебе...» Если Бог не помогает, сразу бегут к ведьме, колдуну, экстрасенсу. Значит, от Христа к дьяволу, и так глубоко на Руси всё смутилось, перемешалось, пожалуй, в такой растерянности давно не находился русский человек. Я не виню их, но так случилось... Раз мечутся, значит, действительно худо, ищут хоть какой-нибудь помощи... Вот приехали позавчера двое, муж и жена, невенчаные, за восемьдесят километров, кто-то недоумил... У них с тещей нелады и всё прочее... А я же не колдун, но хотят немедленной помощи. Ну, поговорил, дал им свечки грозовые, попросил каждого молиться, постоять перед иконами. Уехали маленько другими людьми, уже не прежними. Зёрнышко я бросил в пахоту, и может, росток будет. Потому я счастливый человек, потому что сеятель... Покойный митрополит зарубежной церкви Виталий сказал, что если русские научатся молиться сердцем, если сердечно будут относиться друг к другу, — тогда и кончатся все наши беды... Бед много, бесов много, но главное, как человек воспринимает их... Вера маленькая, веры никогда не бывает много, но главное, чтобы она росла. А она растёт в трудах, лишь в преодолении грехов, которые на нас ополчаются ежедневно и готовы пожрать душу с потрохами... Вот и чтит бесконечно Иисусову молитву, чтобы не позабывать свою грешность... Если бы у всех была заложена большая вера с самого рождения, то все были бы святыми, тогда и церковью не надо бы, и путь Христа не научал бы ничему... И душою бы не надо трудиться. И у меня маленькая вера, но меня Господь вразумил, и я останавливаю кровь. Я не знаю, как это получается, просто наступает момент, когда при-

ходит безусловная вера, и Господь даёт... Это необъяснимо...»

«Может, потому и называют вас колдуном?.. Человек останавливает кровь...»

«Хороший мой... Ну и пусть называют, на каждый роток не накинешь платок. Но это меня нисколько не беспокоит... Вот приехал Миклухо-Маклай в Полинезию. Его папуасы сначала хотели съесть, потом раздумали и назвали Богом... А он что, Бог?.. Нет... Он что, должен был убеждать, что он не Бог, и тратить на это нервы? Так и я... Наверное, во мне есть что-то такое непонятное, чего нет в других, и это смущает, тревожит, как всё странное... Может, потому, что я отрицаю колдовство и всякую чертовщину от сатаны, ибо вся сила, всё знание только от Бога. Бог даровал мне такую способность, тем отметив меня. А людям этого не разъяснишь. Хоть бы и тебе, ибо тайна необъяснима, и потому она и есть тайна... Вот я изначально, с первой нашей встречи знал, что ты верующий человек, по твоим книгам, как ты пишешь, по языку и интонации, по тому, как ты говоришь. Хотя, говоришь, и не был крещён. У верующих есть хотя бы одно достоинство, отличающее от прочих. Они иногда услышат благую весть и на неё отзовутся... И ты из таких людей... Правда, ты любишь говорить глупости старому человеку, а он отчего-то прощает их тебе», — батюшка ехидно, сладенько так, хихикнул, дескать, подколот.

Я промолчал. Да и приустал что-то за долгий день. Но стыдно было перед батюшкой выказать свою слабость. Тьма сгустилась, лишь снег слабо отсвечивал, да небо на закрайках белело, как сыворотка. Над входом в храм горел свет. Деревня извилистым ручьём стекала вдоль дороги, иль карабкалась по склону вверх, — но только церковь отчего-то оказалась в низинке, распадке, в сыри, в самой неудобии, куда рачительный хозяин не сунется с новостроем. По вёснам, в разливы, поди, полно воды, кустарник подпирает с запольек, волосатый кочкарник да всякая чертополошина, где в травяных потёмках ползают ужи, плодятся лягушки и таятся коварные бесы... («Эк расписал Личутин, — насмешливо подумает сельский поп, прочитав моё творение, — хорошо хоть нильские крокодилы не плавают на подворье. А надо будет завести парочку чудовищ с Египта и поставить литератора перед жадной тварью».)

Церковь-то обычно ставили на глядене, на

горушке, видимую издали, невольно подумал я, придиричиво разглядывая храм, чтобы крест издали зазывал к себе, чтобы медяные звоны далеко катились, аж за горизонт, положили дремотного и спящего. А тут призатаилась храмина в урёмине, как скрытый человек, но неожиданно объявившись взгляду, невольно заставляет приободриться, приосаниться пешего и конного, приценчиво вскинуть взгляд в небо, к маковице с колоколами, к луковкам со крестами, к двускатной изгибистой крыше, похожей на архангеловы крыла, вскинутые для полёта, уже подпёртые ветром. Только на подходе к храму замечаешь, что он внешне и приземист, и высок, он вроде бы неуклюж, широко расставившись на пятах, но и крылат, придавлен к матери-сырой земле, но и духоподъёмен, затягивает взгляд твой к небу. Вот так богатый внутренне человек не открывается с первого погляда чужому взору, но выставляет себя с самой невыгодной стороны, то ли юродивый, то ли милостынщик по одежде, то ли побродяжка без места службы, то ли в наказание языка лишён, такой молчун, — то есть сама покорность и смирение... Терпение надо иметь и готовную душу, чтобы разглядеть и понять такого человечка... Это как доброй выпечки каравай: мало откусишь, но много нажужьшь...

Даже не зная отца Виктора, но лишь глядя на его исполненный замысел, невольно решишь, что в какой-то степени сельский поп, не любящий спокойного течения жизни, — разрушитель догматов, не церковных, которые незыблемы для него, и на чём стоит русское православие, но эстетических, рутинных, усыпляющих, к чему давно притерпелись душа и сердце... Безусловно, его церковь эклектична (моё досужее впечатление), несоразмерна, несколько кургуза — богатырское тулово, высокая шея, дюжие развалистые плечи, но коротконогая, низко поставлена на «стулци», и это первое впечатление только усиливает посаженность храма в низину, в «ляговину». Этаким мужичок-боровичок, когда колпак надвинут на глаза... А когда собьёт шапёнку на затылок и в глазах вспыхнет азарт, — тогда ого-го... Отсюда двойственность облика, с одной стороны — смиренность, пониклость под низким угрюмоватым зимним небом, с другой — гордо вскинутая в небо голова. Тут много от древнерусской храмовой архитектуры и от северной избяной изысканности — эти необхватные кондовые брёвна, тесовая крыша,

осиновый лемех луковиц, резные полотенца, сходы, лесенки, кружевные опушки, широкие лавки, забранные в кованые решётки крохотные оконца... Что-то возникло из сновидения, нарисовалось из художественного воображения, измыслилось ночами, после прилепливалось, вчинивалось, привязывалось топорिशком и долотом, дополнялось. Примерно по такому «спиральному принципу бесконечности» создавался Московский Кремль, только там на «дорихтовку», доведение до ума неведомого замысла ушли столетия, но так он и не завершился окончательно, и, пожалуй, не исполнится никогда, потому что, пока, затерялся в толчее временных, посторонних людей... Сельскому попу (бывшему московскому интеллигенту) понадобилось пятнадцать лет, и замысел как бы исполнен только вчерне. Что наснит завтра, что поблазнит при взгляде на вечерний закат, на грузную заснеженную ель, на сиреневые облака ивняка, — он и сам не знает, но ум его готов принять небесный подарок. Природа обавна, пречудна, приманчива, неисследима, не остывающая и не стареющая обличьем... Она каждый год умирает и воскресает вновь... Сельский поп Виктор Крючков поднимает церковь, а церковь строит его душу, вымывает лишнее, чем грешит каждый из нас на земле. И не странно ли, но в своде зодчества своей особой архитектурной страницей всегда оставались лишь причуды человеческого ума и любовной души.

Но я-то рассуждаю, как человек сторонний, праздный, ни толики сил не положивший на стройку, не практик, а сочинитель, и в мой любопытный разбежистый ум каких только мыслей не прикинется, чтобы поблажить в нём. А для отца Виктора каждое бревно обласкано его руками, каждый сучок прильнул своей шероховатинкой к его ладоням, сколько сосновых спиц вонзилось в его пальцы, сколько разладицы, доводившей до скорой слезы, случилось на его сердце, когда что-то не клеилось иль шло вразброд с «безумной» затеей, коей никто из деревенских не верил, полагая её бреднями наезжего горожанина, ставшего сельским попом. Бог ты мой, сколько за эти пятнадцать лет, пока «из слабого росточка выветвилось дерево», случилось минут и горьких, и вполне счастливых, и даже праздничных. Нет, нам не понять чувств сельского попа, который сейчас, запинаясь подшитыми валенками о раскаты

дороги, рассуждает со мною о вещах высоких, серьёзных, торжественных, но, оказывается, всякое большое дело рождается из посвящённости одной мечте и одержимости человека...

Батюшка вынул из проушин амбарный замок, и мы вошли в притвор. Нас обдало холодом. Зимняя церковь и внутри вдруг оказалась особенной, прежде мною не виденной. Нет, к счастью, она не была тем казённым новоделом, коих множество нынче встречается на Руси, но и не было того полусумрака, затаённых приделов, переулков, углов, за которыми можно постоять на коленях, всяких скрытен, кладовочек и повалуш для всякого храмового скарба, что за обычай в православной церкви. Всё в храме сельского попа открыто на погляд, на посмотрение, как в деревенской горнице, и тайна хранится лишь за царскими воротами, в прорезную резьбу которых во время службы то мелькнёт алая риза иерея, то белый стихарь клирика, то блеснёт огонёк свечи... С левого угла взгромоздилась ещё не протопленная нынче чугунная печь, похожая на локомотив, от неё на улицу отходит дымовая труба из жести. Здесь бы, конечно, не помешала изразцовая старинная столбовушка, похожая на русскую деву (да разве нагреешь её просторную церкву), и поначалу странно для меня выглядел этот приручённый огнедышащий «зверь об одной ноздре», припавший на передние лапы. Чуженин сначала отталкивал своим грозным видом, но скоро глаза привыкли. Широкие лавки, развешаны рядами по бревенчатым стенам простенькие иконы, царские врата тоже особой выделки и резьбы — рукоделие самого батюшки, — огромное кованое паникадило свисает с потолка, по правую руку клырос — небольшая стоечка с лавкой, за которой стоят деревенские певчие... Запах соснового выстоявшегося дерева, свечей, ладана, чуть придавленный уличной стужею. Домашний свойский храм, где, быть может, не хватает трапезной, целовальника в углу, собирающего с православных налогу. Храм — где ещё не потемнели, не задымели стены, не запылились углы, не запаутинились потолки, не иссякли запахи живой природы, ельников и сосенников, ещё не смешались былое, будущее и настоящее. Храм-врачеватель нового времени, ждущий богомольника, паломника, страждущего скитальца, заблудшего и погрязшего в скверне...

Одна из клырошанок попросила благосло-

вения протопить церковь к завтрашней литургии. Батюшка благословил, напутствовал быть приглядчивей. Он не спрашивал, приник ли к моей душе храм, да, собственно говоря, сельский поп и не нуждался в чужой оценке, ибо любой сторонний взгляд будет скользким, поверхностным, уже не меняющим сотворённого дела, для батюшки самого любимого, куда были помещены самые душевные искренние чаяния и давние мечты. Храм для отца Виктора — это не просто его рукоделье, его взращённое дитя, но воплощённый сон, а редко кому из простецов удаётся претворить собственное видение, нечто неосязаемое, мистическое, похожее на блазнь и причуду, обратить в видимое, осязаемое... Такие люди, думается мне, наперечёт.

Спускаясь с крыльца, батюшка вдруг запел хрипло, задиристо:

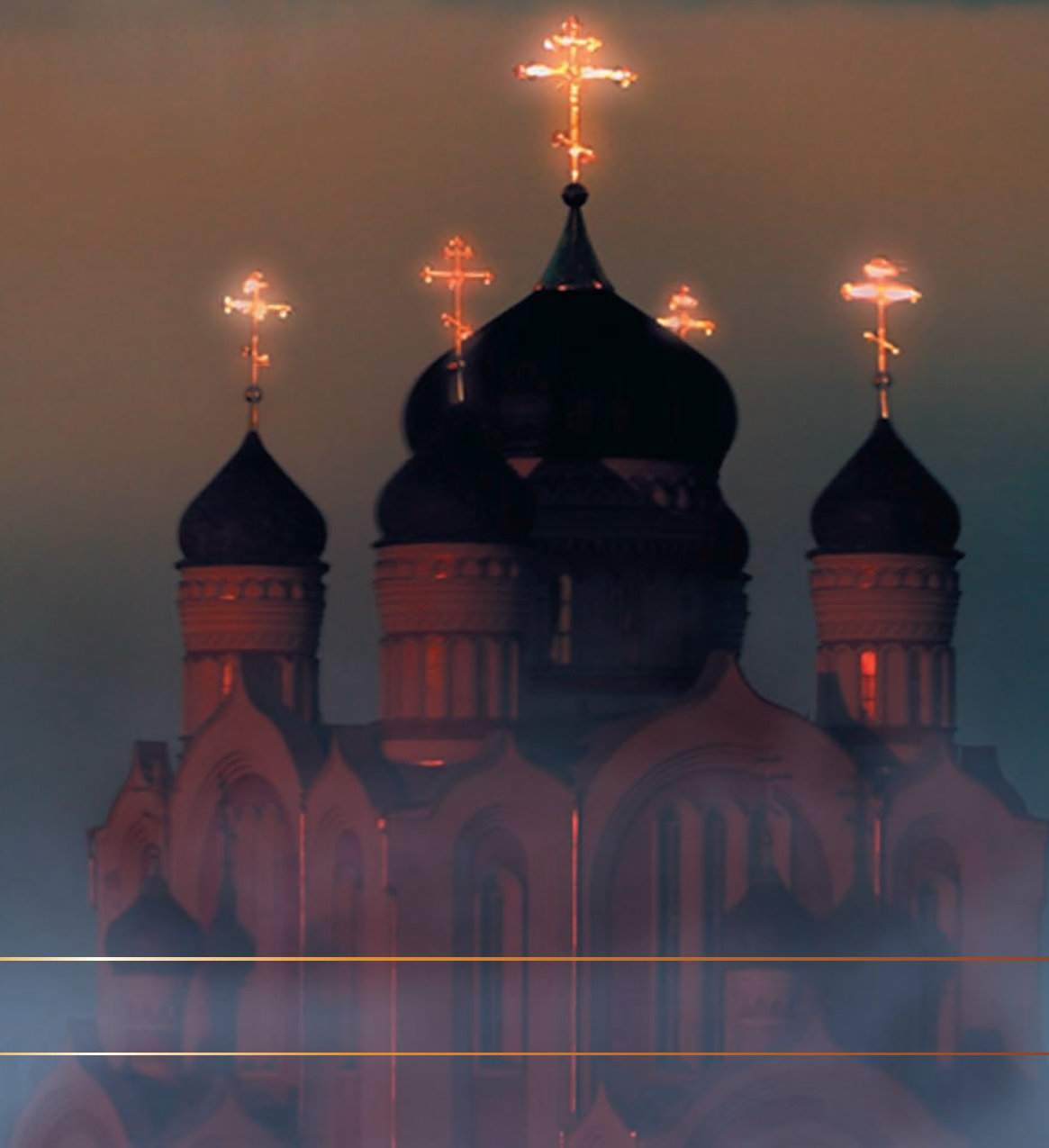
Знаю, ворон, твой обычай,
Ты сейчас от мёртвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел...
Где ж ты взял кроваву руку,
Руку белую с кольцом...
Где же ты летал по свету,
Где кружил над мертвецом...

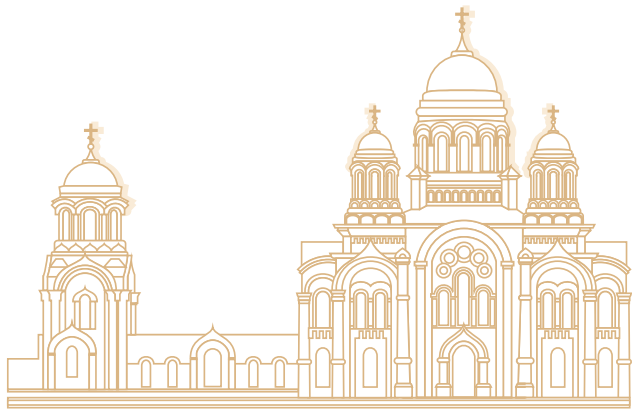
И так же неожиданно оборвал песню, но в тон ей запричитывал, лучась взглядом из-за очёчков: «Ой, милые вы мои, хорошие, как чудесно, что вы приехали, навестили старого сельского попа с попадьёй, доставили им столько радости».

* Владимир Владимирович Личутин — выдающийся русский писатель — родился в 1940 году в городе Мезень Архангельской области. В 1962 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета, в 1975 году — Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Романы, повести, очерки печатал в журналах Москвы. Автор повестей: «Белая горница», «Иона и Александра», «Долгий отдых», «Вдова Нюра», «Душа горит», «Бабушки и дядюшки», «Золотое дно», «Крылатая Серафима», «Последний колдун». Романы: «Фармазон», «Любостай», «Раскол», «Миледи Ротман», «Душа неизъяснимая», «Беглец из рая» и другие. Лауреат Всесоюзных литературных премии: Большая литературная премия, Имени Льва Толстого и другие.

**«ЕГО ЖИЗНЬ —
ЖИЗНЬ РОССИИ»**

О ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ЗИНОВЬЕВА

Виктор Бронштейн

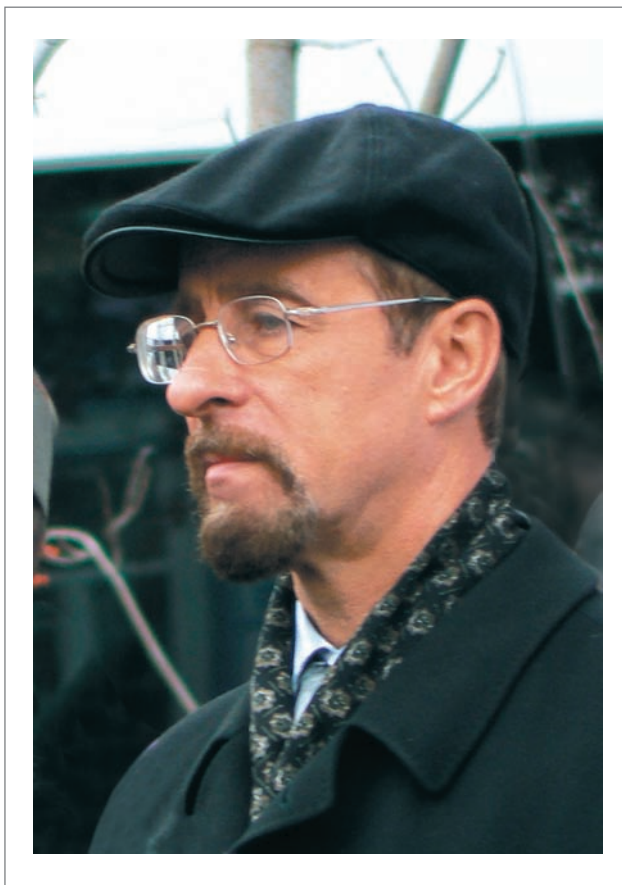
Знакомство иркутских любителей поэзии с творчеством поэта Николая Зиновьева произошло в Дни русской духовности и культуры «Сияние России» в 2004 году. В филармонии выступал ансамбль «Русичи», и ведущий вечера прочёл стихотворение Н. Зиновьева, которое поразило слушателей:

Я свои голубые глаза
Потерял в двенадцатом веке —
При внезапном степнячком набеге
Они с кровью скатились с лица.

И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И теперь они чёрного цвета.

А уже в следующем году Николай Зиновьев был официально приглашён на праздник «Сияние России», и иркутяне могли видеть и слышать поэта. А ещё через год по приглашению фирмы «СибАтом» он вновь посетил Иркутск. И сегодня можно сказать, что Николая Зиновьева знают в Иркутске, хотя его книги до нашего города не доходят, если не считать небольшой книжки «Новые стихи», выпущенной издательством «Вече» (Москва), которую привёз в наш город знаток и пропагандист истинной поэзии Геннадий Михайлович Гайда (1947–2008).

Николай Александрович Зиновьев родился в станице (ныне город) Кореновской Краснодарского края 10 апреля 1960 года. Его мама — потомственная казачка, учительница начальной школы, отец — из Курской губернии, рабочий. После окончания средней школы в 1977 году Николай Александрович поступил в Краснодарский станкостроительный техникум, проучившись год, пошёл работать на стройку. В 1979 году окончил ПТУ по специальности «электросварщик». Первые стихи были опу-

ликованы в 1980 году в альманахе «Кубань». В 1984 году поступил на заочное отделение филфака Кубанского государственного университета. Проучившись два года, университет оставил по состоянию здоровья. С 1993 года член Союза писателей России. Живёт в Кореновске.

Валентин Распутин, размышляя о творчестве Зиновьева, пишет: «Почти месяц я живу под впечатлением от прочитанных книг Николая Зиновьева, снова и снова заглядываю в них, удивляюсь-радуюсь тому, что не оскудела Русь талантами.

А этот талант особенный, вызванный сначала тревогой в ещё благополучные, казалось бы, времена, тревогой, ощущаемой только очень чуткими душами, а затем и обрушившимися на Россию несчастьями. Этот талант отличен от других ещё и тем, что он немногословен в стихе и чётко в выражении мысли, он строки не навешивает, как это часто бывает в поэзии, а вырубает настолько мощной и ударной, неожиданной мыслью, мыслью точной и яркой, что производит сильное, если не оглушающее впечатление. Все дороги в поэзии уже проторены, их так много, этих проторённых дорог, что поэт, даже ни на кого не похожий, как правило, идёт по чьему-то следу — быть может, уже и заросшему или только-только начатому, который он продолжает.

И.И. Левитан. «Над вечным покоем» (фрагмент)

Николая Зиновьева сравнивать не с кем, там, откуда он берёт свои слова, никто никогда не бывал, это словно бы и не взгляд и не суд современника, а доносящееся из земных глубин суровое и праведное о нас мнение тех, кто имеет на него право. Такие слова сейчас и нужны».

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...

Для него Российская Империя, Советский Союз, Россия — единая неделимая Родина живущая в истории, он не разделяет их по политическим соображениям, как это принято у либералов. Для поэта Россия не только прародительница русского народа, но и центр мира, главная скрепа его, сердечная мышца. Но вместе с тем, в стихах Николая Зиновьева видна и неподдельная любовь — жалость к Родине. Он предупреждает гонителей России о том, что её кончина может оказаться, в конечном итоге, гибельной для всей цивилизации.

Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не в убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт — придавит многих.

А может статься, что и всех.
Что, кроме мокрого следа,
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то — беда.

Так мне пророчествует лира.

«Я — русский» названа одна из книг Н. Зиновьева. В этом есть некий вызов, если выдрать фразу из контекста, но:

И человек сказал: «Я — русский».
И Бог заплакал вместе с ним.

Так выразил поэт боль сострадания к русскому человеку, выдержавшему такие испытания, которые для других народов могли стать роковыми.

Как православный человек, Н. Зиновьев видит возрождение России через веру в неё, надеясь, может быть, и на чудо. В стихотворении с эпиграфом из Ф.И. Тютчева «В Россию можно только верить» он говорит:

Всегда в Россию верить нужно.
А что касается невзгод,
Они уйдут, как псы, послушно.
Они сбегут в одном исподнем,
Гонимые бичом Господним.

Деятельное призывное вторжение в жизнь чередуется с созерцанием и даже ленью, необходимыми для всякого человека, чтобы остановиться, попытаться осознать себя в пространстве и времени, среди людей и страстей. Его ничегонеделание — это созидательное неучастие в делах тьмы.

У взрослого, умудрённого жизнью поэта с «поседевшим» сердцем сохраняется детская непосредственность, его хрупкий боязливый вопрос задан с такой интонацией, какой не было до него в русской поэзии:

Говорят, бессмертья нету.
И души нет, говорят.
Жизнь — погибельный обряд.
Жизнь — прыжок с обрыва в Лету.

Проклят самый миг зачатья,
Как дорога в никуда...
Что молчите? Отвечайте.
Ведь неправда это, да?

* * *

Вослед прошедшей нищенке любой
Болит душа, как рана ножевая.
Но как отрадно сквозь тоску и боль
Подумать о душе своей: «Живая».

Автор подмечает, что наша бешеная активность, уничтожающая планету, уже давно чужда Господу Богу.

...Знаю, нашими делами
Уж Господь по горло сыт.

Любовная лирика Н. Зиновьева сдержанна, ей свойственна целомудренная христианская недосказанность:

Я бьюсь над смыслом бытия,
Но ты войдёшь с улыбкой влажной,
Возьмёшь халат свой за края -
И ничего уже не важно...

Кем эта власть тебе дана?
В судьбу на радость и на муку
Тебя швырнул мне сатана
Или Господь привёл за руку?

«Лирической герой стихотворений Зиновьева, — пишет Виктор Барков, — принимает в себя нашу боль — всю разом, страдая не только от подлых ударов врага, но и от исконной мягкотелости российской, от доверчивости бескрайней, от духовной дикости и обычной людской глупости. Его жизнь — это жизнь России, всё остальное не суть важно.

Россия страдает, и поэт страдает вместе с ней. Надеется на Бога, уповает на Него и певец. Такова земная доля печальника народного во все времена.

Россия для него не страна, не государство, не территория, она — Мать. И этим словом всё сказано».

У Николая Зиновьева мысль обнажена до предела, она глубоко публицистична, при этом не становится банальностью или общим местом, она всегда неожиданно свежа. И даже банальности и общеизвестные факты под пером поэта обретают поэтическую первозданность.

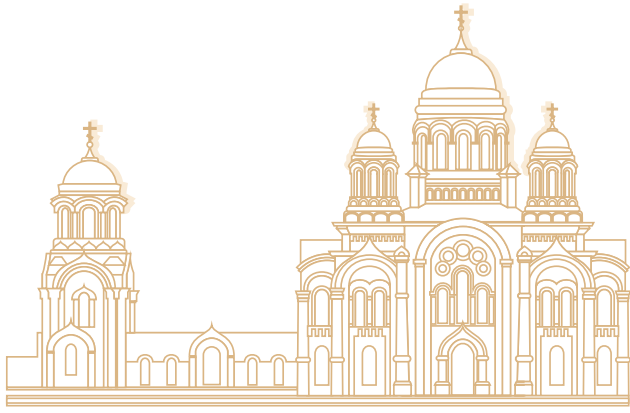
В одном из стихотворений он пишет:

Народ нетрезв и заморочен.
По-настоящему любя,
Я надавал ему пощёчин,
Чтоб он скорей пришёл в себя.

И действительно, большинство его стихов — хлёсткие пощёчины.

ХРАМ НА НЕБЕ

Николай Зиновьев

2009 год

ПРИЗНАНИЕ

Я жертва дьявольской эпохи,
И рай не светит мне, увы.
Но я пишу. Пишу о Боге
В надежде, что спасётесь вы.

Признание это иль призванье?
Но да продлятся ваши дни!
А человеческое знанье
Незнанью полному сродни.

И потому я не трясусь:
Быть может, с вами и спасусь.

ПЕТРО

Крестьяне полюшко пахали,
А кто-то пил коньяк в «Астории»,
Но нас тогда уже толкали
Ещё не в ад, но из Истории.

Как нынче прошлое поблекло!
Теперь нас тащат прямо в пекло.

ВИДЕНИЕ

Облака плыли низки и серы,
И мне было увидеть дано
То, как бесы зерно и плевелы
Просевали, сжигая зерно.

Я смотрел и стоял, но нестойко,
Когда бес мне один подмигнул:
«Перестройка идёт, перестройка»,
И в костре кочергой шевельнул.
И постиг я наитьем поэта
Тем, что дару пророка родня:
«Перестройка закончится эта
С наступлением Судного дня».

СИЛА МОЛИТВЫ

Я у иконы Иисуса
Молясь, смахнул слезинку с уса
И беса стёр с лица земли —
Осталась вмятина в пыли.

Пусть бесам имя легион —
На одного стал меньше он.

Ходил по храму юный служка
Прямой и тонкий, как свеча.
А за моей спиной старушка
Молясь, рыдала... в три ручья!!!

ПОЛНОЛУНИЕ

Сегодня полная луна,
А жизнь, увы, пустая.
Во всяком случае, моя,
Хотя не без креста я.

Никто не станет возражать,
Что я при русском деле:
Стараюсь душу удержать
В ей надоевшем теле.

* * *

Я птица ночного простора,
За плачи глухие мои,
Быть может, во времени скором
Меня заклюют соловьи.

Они станут вашим кумиром,
Я ж буду забыт, словно тать,
Но плачи глухие над миром
Всё будут летать и летать.

Вы их не поймаете в сети
Весёлого сна своего.
Как вам не хотелось бы, с этим
Поделатъ нельзя ничего.

СТРАШНЫЙ ВОПРОС

Господь, вопрос мой разреши,
Он вызывает опасенье:
Что, если Родины спасенье
В спасенье собственной души?

А я грешу, хоть в том и каюсь,
Но при раскладе при таком,
Не я ли, Господи, являюсь
Отчизны собственной врагом?!

* * *

Христос мне снился только раз,
И сон тот был так чудно дивен,
Что с той поры и по сей час
Любой другой почти противен.

Мне сна того не передать
Земным путём стихосложенья.
Была то Божья благодать.
Хочу дожидаться повторенья.

* * *

Звон колокольный пахнет медью
В прохладном воздухе сыром.
Не всё кончается со смертью —
Я это чувствую нутром.

От этой мысли замираю,
Знаменье крестное кладу...
Кто больше всех достоин рая?
Кто на земле жил, как в аду?

Коль так, то в путь в небесный рай
не узкий,
И, преимущественно, русский.

* * *

Ты любишь деньги, блуд и глум,
И поклоняешься химере.
О человеке, где твой ум?
Не говоря уже о вере.

Вот книга Нового Завета:
Верни себе и то, и это...

О СЕБЕ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ

Пускай он ближнего обманет и обидит,
Но знай, безбожный мир и жуткий век,
Никто свои грехи так ненавидит,
Как русский многогрешный человек.

Не стану говорить о слишком многом,
Хватает одного вполне штриха:
Ведь русский горько кается пред
Богом

Ещё до совершения греха.

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Мир занят блудом и собой
И на Тебя взирает косо.
Но Ты, пожалуйста, не бойся.
Не бойся, я всегда с Тобой,

Сказал я это в тишине
И мысль по свету полетела:
«Господь нуждается во мне,
Не только я в Нём». Вот в чём дело!
Вот отчего душа запела.

НЕСЛУЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Кто в окно мне постучал?
Да никто. Наверно, ветка.
Я томился и скучал,
Сердце билось редко-редко.

Почему я не ответил
На тот стук? Вот в чём вопрос.
Думал: ветку треплет ветер.
А в окно стучал Христос.

Он ушёл, пожав плечами,
В наступающий рассвет...
Я с тех пор не сплю ночами
Уж не помню сколько лет.

ИСПОВЕДЬ

И бессмысленность искусства
Вся насквозь видна.
Георгий Иванов

Навек ушло шестое чувство.
Я не хочу писать стихов.
Я есть вместилище грехов —
И всё! Плевал я на Искусство!
Оно нам лжёт с тех самых пор,
Как родилось. Объявим вето.
Все книги мира на костёр!
Все, кроме Нового Завета...

* * *

Один в поле не воин.
Поговорка

Привет, мои родные степи.
Я уходил от вас, родных.
Хотел я сбить с народа цепи,
Но сам он держится за них.

Он за сто лет так был напуган,
Что стал послушен, как овца.
Ослаб он телом, пал он духом,
И терпеливо ждёт конца.

И клонит шею он под игом,
Зовёт барыгу «господин»,
Но я родился в поле Диком,
В котором воин и один...

* * *

Любовь и страсть — две разных вещи.
Любовь глядит светло, а страсть глядит
зловеще.

С обеими встречался взглядом,
Но глаз не отводил, по чьей,
не знаю, воле.

И обе по душе, трубя, прошлись
парадом,

А бедная душа лишь корчилась
от боли.

* * *

Зачем явился в мирозданье?
Зачем пришёл на этот свет?
Стихи? Смешное оправданье,
Ну а другого просто нет.
Так отчего с тяжёлым вздохом
Бреду по собственной судьбе?
Больше положенного Богом
Дерзнул я думать о себе.

* * *

Пускай для кого-то нелепо,
Но ведь я степняк, и я прост.
Противно смотреть мне на небо,
Где спутников больше, чем звёзд.

Пускай мне сторонник Прогресса
Обидные скажет слова,

Заглушит их шумом трава,
Как Богу молитва — вой беса.

УТЕШЕНИЕ

Когда ты никому не нужен,
То не считай это бедой.
Лови плотву себе на ужин,
Любуясь пурпурной водой.

Скупых не надо даже слёз,
Любуясь месяцем двурогим.
Подумай: «Даже Сам Христос
Не нужен в наше время многим».

СОН

Я видел сон — всему конец:
Огромный Золотой Телец
Давясь, жевал не разнотравие,
А наше с вами Православие.

Телец был родом из пустыни,
Откуда родом вся беда.
И исчезали все святыни
В огромной пасти навсегда:

Кресты, хоругви и иконы,
Которым были сотни лет...
Хоть это сон, но вы спокойны?
Во мне с тех пор покоя нет.

2008 год

* * *

Когда детям, что было, отдам,
Ветер вечности в уши засвищет,
По святым я отправлюсь местам —
По заброшенным сельским
кладбищам.

Там, где корни берёз проросли
Сквозь глазницы и клетки грудные
Тех, кто воз государства везли.
Я один помяну вас, родные...

ХРАМ НА НЕБЕ

Облака на небосводе,
 Что за чудо этот храм!
 Гимн единственной свободе,
 Душам страждущим бальзам.
 До прекрасного охотник,
 Сам прекрасен и силён,
 Этот храм построил Плотник
 Всех народов и времён.

* * *

Я с давних лет плюю на то,
 Что жить душе мешает.
 Будь то сверхмодное пальто
 Или престижное авто,
 Поскольку точно знаю, кто
 Всем этим нас прельщает.

«Будь круче всех! Будь на виду!
 Всегда явлюсь на помощь».
 А что окажешься в аду,
 Умалчивает, сволочь.

ПЕЙЗАЖ

Распростёрто, как крест,
 во все стороны,
 Будто вспахано поле, черно.
 Но рукой я взмахнул —
 взмыли вороны,
 Целиной оказалось оно.

И пошёл я по полю по голому,
 Оседала за мной птичья мгла,
 И клевала со злобою в голову
 Тень мою, что на поле легла.

* * *

Одежда чуть ли не тряпье,
 И неказиста хата,
 Но разве нищ я, коль моё
 Всё золото заката,
 И серебро ночной реки,
 И бирюза рассвета.

Эх, олигархи... Жаль мне вас
 Всей жалостью поэта.

* * *

Мне надо жизнь переиначить,
 Причём я знаю даже как:
 Стать маяком, то есть маячить —
 На сотню миль пронзая мрак.

Но стих мой глух и несуразен,
 И так грешна душа моя,
 Что только место фонаря
 Мне предлагают. Я согласен.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Вновь больничная палата.
 За окном Россия, снег.
 У казённого халата
 Отыскал я семь прорех.

За окном метель плясала.
 «Ты была ль богатой, Русь?»
 Мне в ответ она сказала
 Отрешённо: «Ну и пусть...
 Дело ведь совсем не в этом,
 У меня иная суть.
 Если мнишь себя поэтом,
 Сам поймёшь когда-нибудь».

Зиновьев Николай Александрович,
 родился на Кубани, в станице Кореновской (ныне
 г. Кореновск) 10 апреля 1960 года. Автор 13 по-
 этических сборников, вышедших в Москве, Крас-
 нодаре, Новосибирске, Иркутске, Киеве. Член Со-
 юза писателей России. Лауреат международного
 конкурса «Поэзия третьего тысячелетия», между-
 народного конкурса поэзии «Золотое перо», Боль-
 шой Литературной премии России и других. Стихи
 публиковались в журналах «Наш современник»,
 «Родная Ладога», «Дон», «Москва», «Роман-жур-
 нал 21 век», «Родная Кубань», «Волга — 21 век»,
 «Сибирь», «Дальний Восток», а также в газетах
 «Российский писатель», «Литературная газета»,
 «Литературная Россия», «День литературы».

**МИСТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
АЛЕКСАНДРА МОСКВИТИНА**

Михаил Варфоломеев

Александр Москвитин — какое странное, не застиранное имя. Есть фамилии, которые как бы часто их ни использовали, только ярче блещут. Тому пример — Пушкин. Наверное, где-нибудь в Англии лорд Байрон больше чем поэт. Наверное, он вначале лорд, а уж после, как бы на досуге, ещё и поэт. В России всё по-другому. Как бы мы ни старались присобачить Пушкину титул графа, а всё же он Пушкин. Да и само искусство в России смотрится и видится совсем иначе, чем в Европе или Америке.

Что же касаясь живописи, а тем более живописи Александра Москвитина, то мне кажется, ему бы следовало построить павильон размером с Данию, так, чтобы можно было как ходить, так и ездить по его экспозиции. Я не знаю, есть ли ещё на Земле такой учёный, как Лев Гумилёв? Создатель универсальной концепции развития мировой истории конца XX столетия? Если был, я бы слышал. Я вообще умею слышать всё новое, какое, скажем, ещё и не переводилось на русский, не показывалось в галереях. Значит, не было такого учёного. Александр Москвитин — явление такого же порядка. Это явление уникальное, собирательное. Так происходит в природе, что сотни художников разных стран и национальностей что-то ищут, создают стили, направления. После приходит один и один всё вбирает в себя. Причём он берёт не стесняясь. Он знает, что надо не подражать, а развивать, обобщать всё прожитое человечеством за много веков. Ну, а кому это под силу, как не русскому художнику?

Таким художником и стал Москвитин. И дело тут не в том, что перед ним стояла такая

задача, нет! Дело в том, что сам Господь поставил перед ним эту задачу и дал впридачу к его гению ещё и географию. Гений и География — это исключительная возможность стать всем. Москвитин — гений. В этом промысел Божий. Он русский художник, и как всякому русскому ему понятно явление Космичности. Он — такое же явление в живописи, как Достоевский в литературе. Ему не пришлось специально выдумывать стиль, манеру, всё это родилось вместе с ним. Сибирь подарила ему такие горизонты, которые не приснятся ни одному французу или немцу. У русского нет дома. Его дом — Вселенная, его мир — весь Земной шар. Русский — это не национальность, это цивилизация. Атлантида не затонула, а переехала на Дунай, после на Волгу и уже с Волги ушла в Сибирь. Мне кажется, что мистическая память Москвитина помнит всё, даже начало исхода предков славян из Индии. Жизнь древнего человека-охотника жива в нём и поныне. Под седым пеплом времени живёт огонь. Когда я впервые увидел его картину «На нерест», я был восхищён! Точность красок и необъятность фантазии. Я сразу увидел, что место этой картине где-нибудь далеко-далеко, даже не знаю где. У неё должен быть свой, особенный зал, что-то вроде молельного дома.

Всякий, единожды прочитавший «Войну и мир», непременно становится умнее, а всякий пишущий понимает всю свою ничтожность. И лишь тот, кто отважится бросить вызов Толстому, становится чем-то большим, чем писатель. Так и Москвитин. Он больше чем художник. После его картин другие художники для меня как бы перестают существовать. Но это обманчиво. Искусство Москвитина как раз шлифует наше зрение. Приятно жить и сознавать, что живёшь в одно и то же время с Москвитиним.

Открыв каталог живописи XXI века, вы прочтёте — Александр Москвитин. Великий русский художник. Родился в Сибири.

Октябрь 1994 г.

А. Москвитин. «Барон Унгерн»

А. Москвитин. «Битва»

А. Москвитин. «Букет»

2007
А. Москвитин

на фото: Александр Москвитин
(из архива издательства
«Иркутский Кремль», 2007 г.)

Москвитин Александр Морисович родился в городе Улан-Удэ в 1954 году. В 1969–1974 годах учился в Иркутском художественном училище. В 1974 году поступает в Высшее художественно-промышленное училище им. В. Мухиной. С 1972 года участвует в многочисленных областных, зональных, республиканских, всероссийских, всесоюзных, международных, зарубежных выставках. С 1974 года ежегодно выезжает во Всероссийские и Всесоюзные Дома творчества. С 1975 года работает в Иркутских творческо-производственных мастерских Художественного Фонда РСФСР. С 1985 года — член Союза художников СССР. В 1986 году — путешествие по Америке. В 1988–1992 годах — член Комиссии по работе с молодыми художниками Союза художников России. С 1990 года живёт и работает в Москве. С 1993 года — член Международного Художественного Фонда. С 1994 года — член Международной Федерации художников при ЮНЕСКО. Работы находятся в Государственной Третьяковской Галерее, Иркутском областном художественном музее, Московской конфедерации художников СНГ, Железнодорожном краеведческом музее, Томской картинной галерее, Музее культуры и этнографии Бурятского национального округа г. Усть-Орда, Норильском художественном музее, Пермской художественной галерее, Художественном музее Бурятии г. Улан-Удэ, Галерее «Cit Art» в Милане, Галерее «Итон Союз» в Сеуле, а также в частных коллекциях страны и за рубежом.

КРАСОТА ЛЮБВИ

О НАРОДНОМ КИНО ЛИДИИ БОБРОВОЙ

фото Фёдора Ясникова: Пинега (место съёмок фильма «Верую!»)

От редакции:

В иркутские Дни русской духовности и культуры «Сияние России» состоялась премьера фильма «Верую!» в постановке талантливого русского кинорежиссёра Лидии Алексеевны Бобровой. Картина создана по мотивам рассказов Василия Шукшина и в юбилейный год выдающего

русского писателя, режиссёра и актёра. Но не потому именно в Иркутске и прошла премьера фильма, что шёл юбилейный шукшинский год, а потому ещё, что в картине были заняты Юрий Жигарьков и Фёдор Ясников — актёры Иркутского городского театра народной драмы (художественный руководитель — заслуженный артист России Михаил Корнев). И земляки наши не посрамились, на зависть профессиональным киноактёрам ярко и жизненно сыграли психологически сложные, предельно напряжённые, трагические роли. Особенно роль попа-расстриги (исполняет Фёдор Ясников). Фильм «Верую!», впрочем, как и другие картины Лидии Бобровой, стал истинно русским, истинно народным событием в российском кинематографе, а потому «Иркутский Кремль» и решил опубликовать статью, посвящённую творчеству кинорежиссёра Лидии Бобровой.

Анатолий Байборodin

Взалкал, и вы дали Мне есть; возжаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. (...) Истинно говорю вам: поелику вы сотворили сие одному из сих братьев Моих меньших, то Мне сотворили.
Евангелие от Матфея 25:35

Покаюсь во грехе, на сон грядущий почитать бы псалмы Давида да, помолясь, спать-почивать, ан нет, слаб, немощен — бездумно и равнодушно щёлкал пультом телевизора, листал «страницы», зевая и заведомо зная, что добра уму и сердцу не выгляжу, но лупил сонные зенки на заморских уродищ — бесову нежить, да на варнаков с большой дороги, что без передыху гробили народ, отчего из «голубого ящика» багровой рекой плескала кровь человека, словно одичалая вешняя вода. Смотрел клочками ...может, от того и нынешнее сознание человека рваное, клочкастое... хотелось ...уколоться и упасть на дно колодца... хотелось призабыться от суеты, от печальных и безысходных дум.

Листал, листал, и нежданно-негаданно открыл фильм Лидии Бобровой «Бабуся», и когда досмотрел картину, то подумал: вот ведь и добру может служить наше родное телевидение... Позже посмотрел фильм пристальнее, и хотя картина о городской жизни, отторгнувшей

ангельскую душу бабуся, но вдруг... словно явилась мне деревенская старуха из полузабытого забайкальского детства и, бесприютная на старости лет, родовой не привеченная, не обихоженная, не обласканная, одинокая и неприкаянная, с жалью слезливой глянула в мою засученную душу, не осуждая, а лишь наставляя: любите друг друга, родные мои, ибо все земные блага, коих ради бранимся меж собой, прах и тлен; голыми явились в сей мир, голыми и отчалим, а уж Господь примет по любви...

В напутном слове к фильму сказано: «Бабуся — так ласково называли её внуки, для которых она была главным человеком на свете (мать с отцом служили на железной дороге и были постоянно в разъездах). Прошли годы. Внуки выросли, обзавелись своими семьями. Бабуся продала дом, вырученные деньги отдала внукам, а сама стала жить с дочерью и зятем в полученной ими городской квартире. Но случилась беда — умерла дочь Вера. Зять стал заново устраивать свою жизнь и отказался от тещи. Из столицы приезжает её племянница, известная журналистка, и пытается пристроить бабуся к внукам, которые разъехались по разным краям, но которые когда-то её любили. Внуки, добившиеся в жизни успеха, ссылаясь на разные обстоятельства, отказываются принимать старуху. Оставить бабуся у себя соглашается только тот внук, который сам находится в тяжёлом положении: уехал из воюющей

Нина Шубина в фильме «Бабуся»

Чечни и живёт на правах беженца с ребёнком-инвалидом...»

«Бабуся» Лидии Бобровой — как, впрочем, и картина «Ой вы, гуси...», и особенно фильм «В той стране...» — выдающееся русское народное произведение: живописное, по-крестьянски мудрое и сострадательное, пронзительное по чувству любви к ближнему — любви, что долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, что и есть на земле воплощение любви к Вышнему. Хотя любовь к Вышнему выше любви к ближнему, но и без земной ласковой любви не войти в Царствие Небесное. Рече же святой апостол Павел: «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. И аще имею пророчество, и вем тайны вся, и аще имею всю веру, тако и горы переставлять, любви же не имею, а не имею любви, — ничто есмь» (1-е Кор. 13:1, 2). Бабуся и проходит по грешному и суетному миру сему, словно ангел Божий, чтобы убедиться, выжило ли в душах человеческих милосердие, не сгнило ли напрочь древо людское во зле, в бессердечии, и не подсечёт ли то древо Господь. «Уже бо секира при корене древа лежит; всяко древо, не творящее плода добра, посекается и во огонь вметается» (Лк.3:9). Встреча бабуся с немой правнучкой — словно встреча ангелов, ибо малые отроки и отроковицы, пока не набрались взрослых грехов, яко ангелы, а бабуся уже впала в ангельское детство. Что старый, то и малый, в народе говорят. Прощаясь с любимой деревней, что явилась на прощание счастливым видением, старуха и покидает сей мир ангельски, тихо уходит в небеса. А накануне упокоения образом своим молит: Владыко Человеколюбче, помилуй рабов Своих, ибо ещё не иссякло в избранных милосердие, а те, что творят зло, не ведают, что творят.

Печальная житейская история — не нужна бабуся ни сынам, ни дочерям, ни внукам, хоть и взрастила их — история, столь обычная в лихую русскую годину, обретает евангельское притчевое звучание, как у святого апостола Павла: «Ныне же пребывают вера, надежда, любовь — три сии; больше же их любовь» (1-е Кор. 13: 13).

* * *

Сюжет фильма «В той стране» прост и бес-

хитростен, и напоминает хронику жизни северной деревушки Веркола (родина талантливого русского писателя Фёдора Абрамова) на фоне судьбы всего нынешнего русского крестьянства. Веркольскому скотнику Николаю Скуридину выделяют бесплатную путёвку в санаторий. На зависть приятелям — деревенским пьяницам — трудолюбивый Николай получает возможность впервые в жизни отдохнуть и подлечиться, но его жена не рада путёвке, боясь, что её супруг во время отпуска может загулять. И дело не в сюжете — в истинно художественном, духовно значимом произведении сюжет особой роли не играет, — дело в глубинном постижении русской души, где яростно бранятся добро и зло.

Юродивым, блаженным во Христе, что христарадничали по церковным папертям, за неотмирность уже и в земном обитании, за пророчества о судьбе земли русской возводили храмы, молились святым юродам — помянем с любовью святого угодника Василия Блаженного или святую угодницу Ксению Петербургскую. Хотя и не речист, характером прост, обликом неказист колхозный скотник Николай Скуридин — герой фильма «В той стране...», хоть и страдал теми же немощами, что и другие деревенские мужики — случалось, выпивал, но близок блаженным по смирению и терпению, по духу всепрощающей любви к ближним. И душевными чертами напоминает героев Достоевского, хотя те и не деревенского, дворянского корня: чуешь нечто созвучное и Алёше Карамазову, и князю Мышкину; напоминает колхозный мужичок и своеобразных, нравственных подвижников Лескова, и дядюшку из романа Шмелёва «Лето Господне», но, первоначально, так душевно близок сказочному Ивану-дураку, ставшему предтечей святых юродов, вроде Василия Блаженного, который оказывался и мудрее мудрецов мира сего, ибо жил мудростью небесной, мудростью жертвенной и бескорыстной любви к ближнему, без коей нет любви к Вышнему. (Не случайно и Василий Шукшин, художник любимый и близкий Лидии Бобровой, воспел Ивана в киноповести «До третьих петухов».) Смирением, терпением, некорыстной любовью мужичок из фильма «В той стране...» негласно утверждает: спасись сам, и многие спасутся вокруг тебя. И сколько душ умягчилось возле него... даже парень шальной, по коему уже отплакала тюрьма, не признаю-

фото Фёдора Ясникова: Пинега (место съёмок фильма «Верую!»)

щий никакой власти, кроме власти кулака, и тот не устоял перед духовной силой простого деревенского мужика. У парня, хлебнувшего лагерной баланды, — свобода внешняя, языческая, суть эгоистическая вседозволенность, у мужика — воля внутренняя, присущая лишь духовным подвижникам в миру. Скуридин — не председатель колхоза, который возжелал указами-приказами, бранью поправить сельские нравы (борьба с пьянством), но, будучи внушительным внешне, правильным, порой и отважным, душой оказался слабым. Хоть и трезвенный, радельный был хозяин, хоть и переживал за судьбы вверенных ему земляков, а доброго слова заблудшим не изыскал в душе. Не всё же таской, а ино и лаской... «Доброе слово и злых делает добрыми, а злое слово и добрых делает злыми», — поучал святой Макарий. Если характер Скуридина, как и старухи из фильма «Бабуся», однозначен — «да, нет, остальное от лукавого», то в создании председательского характера от пролога до кульминации и развязки режиссёру необходим был сложный психологический рисунок.

* * *

После фильмов Лидии Бобровой рождается и радостное, и печальное чувство: вот он, народ русский, не осквернённый клеветой, но и лубочно не подмалёванный, испокон своего веку способный и на поднебесные взлёты духа, и на падения во тьму кромешную. Но такую власть предрержащие возвели стену между народом и народным искусством, что и неведомо, когда и какими путями оно, народное искусство, к народу и пробьётся, да и выживет ли сам народ, не обратится ли в стадо свиней, в коих вошли бесы и погнали в пропасть, где огонь, сера, стоны и скрежет зубовой. Хотя, по пророчествам святых старцев, и выживет, и явится миру в божественном свете.

А пока, увы, окаянное чужеродство, ухитившее власть над умами и душами, ёрнически осмеивает и охаивает РУССКУЮ НАРОДНУЮ ЖИЗНЬ. Вот и кино российское смертельно больно — вошёл в кино западный бес, искушает обывателя заманчивой плотской скверной, крутит и корёжит его, гонит в бездну. (И не благодаря власть имущим, а лишь вопреки рождаются народные картины, подобные фильмам Лидии Бобровой.) С экранов изгнали

совестливых работяг и смиренных сельских жителей, сотворив из них лицедейские карикатуры, и вместо трудящегося на экранах бушуют шоумены, кривляются актёришки, сверкают голым выменем блудни, и российское телевиденье, увы, часто напоминает ведьмовский шабаш, пляску нежити на русских погостах, в русских святилищах. Волей неволей вспомнишь пророческое шукшинское «До третьих петухов», где бесы полонили монастырь... Вместе с народной жизнью и РУССКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО властвующая элита загнала в катакомбы, чтобы народ о нём и не ведал, обвыкался с безродной «бесовщиной». Слава Богу, что хоть от Шукшина, Распутина, Белова окаянными трудно откреститься — советская власть (уж за то ей поклон земной) по таланту возвеличила их творчество до мирового звучания. А ежели бы их имена не были, как ныне выражаются, «раскручены» советской властью, то и произведения их были бы так же мало ведомы, как и творчество ныне здравствующих талантливых и народных РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ из новых поколений. Я имею в виду литературу и музыку, театр и кино, живопись, скульптуру и архитектуру. И беда русская не столь в том, что власть тьмы глухими заплотами отгородила народ от своего народного искусства, горе в том, что предано насильственному забвению само великое нравственное понятие русской НАРОДНОСТИ, о которой переживали, размышляли, писали Пушкин и Гоголь, Аксаков и Достоевский, Есенин и Шолохов, Белов и Распутин. И осмыслив, пришли к согласию, что народность — суть восхитительная и сострадательная любовь к родному русскому народу, запечатлённая в устном и письменном слове, в напеве и мелодии, в живописи и сценической картине — запечатлённая по мере творческих сил образами, близкими народному мировосприятию и мировыражению.

После фильмов Лидии Бобровой порадовался я, что не иссякло РУССКОЕ НАРОДНОЕ КИНО — суть крестьянское, особенно ярко и талантливо воплощённое в фильмах Василия Шукшина, в «Судьбе человека» Сергея Бондарчука и некоторых иных народных фильмах. Уже и вызревала школа народного русского кино, на вершине коего светятся любовью картины Василия Шукшина, созвучные фильмам Лидии Бобровой, не столь тематически — рус-

Фёдор Ясников в фильме «Верую!»

ское село, не столь и стилистически — народное мировыражение, сколь по светлому чувству восхитительной и сострадательной любви к русскому простолюдыю, добродушному, подетски доверчивому, униженному и оскорблённому. Но, увы, для ныне властвующих в российской искусстве чужд русский народный дух. Не говоря уж о «ментовских» сериалах, уголовном кинозрелище и бесконечных кинооперетках, даже фильмы выдающегося кинорежисера Никиты Михалкова при их барской русскости — не народное кино (исключение тут, пожалуй, лишь фильм «Родня»); Никита Сергеевич с огромным талантом, достойным классических дворянских писателей, отобразил узкую прослойку душевно больной, мутной интеллигенции из дворян и разночинцев, которая в большинстве своём, увы, всегда была далека от простолюдья, а порой и враждебна народу; от неё, «образованщины», испокон русского века народ страдал и кровь проливал. Чтобы изобразить русский народ, даже во втором и третьем колене не теряющий крестьянский дух, надо либо вырасти в деревне, либо дивом дивным, родовой памятью так проникнуться крестьянским духом, чтобы он стал душевной и творческой сутью. В своё время Александр Куприн в своём поклонном слове РУССКОМУ НАРОДУ сказал: «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80 % российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я — знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Посмотрел я «Бабусю», потом «В той стране», прослезился, а ведь нет выше похвалы художнику, выше награды писателю-сказителю, певне и вопленице, чем святые слёзы, излитые из самой настрадавшейся души, встретившей себе такое верное сочувствие, такую чистую ласку и любовь. Поминая плач Ярославны по мужу в «Слове о полку Игореве», поминая поэмы-плачи (причитания) величавой севернорусской плачеи Ирины Федосовой, поминая эти великие творения русского творческого духе, мы осознаём, что высшая хвала помянутым

произведениям — не восхищение гениально-образным слогом, а — наши слёзы, что проливаются прямо в душу, смывая пыль житейской скверны — нелюбовь к ближнему, а значит и к Вышнему. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). В былую пору довелось мне писать заупокойное слово о выдающемся русском народном режиссёре и актёре Сергее Бондарчуке, где я напомнил зрителям о сцене из фильма «Судьба человека».

Солдат Соколов (актёр Сергей Бондарчук) потерял на войне всё — и дом, и семью, чудом выжил в немецких лагерях, но, выжженный дотла и закаменевший в горе, вдруг возрождается для жизни... Сжимая баранку старенькой колхозной полуторки, неожиданно говорит мальчишке-беспризорнику: а ведь я твой отец... И мальчишка — оборванный, чумазый, одинокий посреди голодной и холодной, разорённой страны, — в слезах бросается на шею Соколову: «Папка, папка!.. я тебя долго искал!..» Слёзы стекают по небритой и пыльной щеке Соколова, слёзы застилают глаза, и плачет в темени кинотеатров народ русский, неистраченный душой, плачет, даже если и смотрит картину уж который раз. Вот она вершина искусства — очистительные слёзы, вот она, пусть даже и бессознательная, проповедь любви, завещанной нам Спасителем; вот оно, возможно, и некое оправдание искусства перед Судом Божиим.

Художники сплошь и рядом не ведают, как их слово в народе отзовется... Антон Чехов, сочинивший выдающиеся пьесы, не высоко ставил перед пьесами маленький рассказишко про Ваньку Жукова, а не, народ избрал этот немудрящий печальный сказ, освятил слезой, порождающей в душе милосердие. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5 : 7).

* * *

В картине «Верую!» по мотивам рассказов Василия Шукшина — картине предельно неожиданной — Лидия Боброва поставила перед собой предельно высокую, предельно трудную духовную задачу: если в помянутых выше фильмах запечатлены сельские жители душевные (не духовные, не церковные), лишь с исподвольным, подсознательным христианским духом, то в картине «Верую!» те же сельские

жители, но уже люди и душевные, и духовные, даже и молитвенно-православные. Кроме попарасстриги, заблудшего в мудрости века сего...

Глядя на деревенскую жизнь в картине «Верую!» (впрочем, как и в других фильмах Лидии Бобровой), плачет душа: какую мы деревню потеряли — саму Россию. Но может, чудо спасёт... Страшно не только то, что сгнили многие деревни, страшнее ещё, когда в большой ещё деревне либо в селе, как у меня на родине, бродит нищий, спившийся, отчаянный народ — мужики и бабы, парни и девки. Хотя есть в наших деревнях и крепкие хозяева, которые, чтобы выжить либо жить не в нищете, пашут в хозяйстве от темна до темна, не разгибая спины. Может, от таких хозяев и оживёт деревня, но это уже будет иная деревня; из прежней весь век выбивали смиренный и мудрый общинно-братчинный дух...

Поставив сложную идейную задачу в картине «Верую!», Лидия Боброва отважилась и на предельно смелый и предельно сложный режиссёрский ход, совместив времена шукшинские, хотя и душевные, но безбожные, с временами постсоветскими, когда ...нет худа без добра... отпахнуты двери российских церквей, когда православие провозглашено национальной идеологией. Я не веду ныне речь о фарисействе и лицемерии властителей, кои одной рукой истово лоб крестят, другой рукой грабят и гробят родной народ; их молитва — молитва татей придорожных: «Господи, в чужую клеть впусти, помози нагрести да вынести». Совместив шукшинские советские времена с нынешними, Лидия Боброва смело и нежданно-негаданно вплетает в художественную ткань произведения православный мотив, а в иных сценах и откровенно церковный, — сцена в разрушенном храме, где молятся молодожёны. Впрочем, ведь «по мотивам рассказов Шукшина...» Очень неожиданны идейные и временные совмещения, и нам, кинозрителям, надо привыкать и к эдакой Лидии Бобровой.

Картины Лидии Бобровой, как уже упомянуто, продолжают и развивают шукшинскую народную традицию в кино, отвергнутую нынешними «властителями российского киноискусства». Созвучие двух киномиров ощущается и в умиленной и сострадательной любви к нелубочному, живому сельскому жителю, и в

народном нравственном максимализме — «да или нет, остальное от лукавого», и в певучей живописности сельских пейзажей, деревенских жанровых сцен, за что поклон и операторам. Но, перво-наперво, созвучие картин Шукшина и Бобровой в портретах героев. Как и Василий Шукшин, Лидия Боброва подбирает актёров не смазливых и затасканных по фильмам, но предельно близких взаправдашним сельским жителям, отчего исполнители словно и не играют роли, а проживают свою жизнь, в кою веришь. Это истинно народные артисты, и грех было бы не помянуть их: «Ой, вы, гуси» — Юрий Бобров, Вячеслав Соболев, Василий Фролов, Нина Усатова, Галина Волкова, Светлана Гайтан, Марина Кузнецова; «Бабуся» — Нина Шубина, Ольга Онищенко, Анна Овсянникова, Юрий Овсянко, Владимир Кулаков, Сергей Гамов, Мария Лобачёва, Сергей Ануфриев; «В той стране» — Дмитрий Клопов, Владимир Борчанинов, Александр Стахеев, Анна Овсянникова; «Верую!» — Александр Аравушкин, Ирина Основина, Фёдор Ясников, Юрий Жигарьков, Александр Фёдоров, Сергей Амосов, Юрий Качалов.

Главные герои на первый взгляд даже и невзрачны, словно сошли с полотен Питера Брейгеля, а вернее, с картин доморожденных деревенских художников, повеличенных крестьянскими «примитивистами», чьи произведения кочевали по Европе (как и фильмы Лидии Бобровой), дивя европейского зрителя загадочной русской душой, но по мере развития характеров, когда от героев исходит свет любви, они преображаются, обретая благолепную красоту.

В том и сила картин Лидии Бобровой — в красоте любви к ближнему, что есть предтеча любви к Вышнему.

* Лидия Алексеевна Боброва, русский кинорежиссёр и сценарист, родилась 13 июня 1952 года в Амурской области. В 1983 году окончила сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. В 1990 окончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров. С 1995 работает режиссёром киностудии «Ленфильм». Лауреат Государственной премии России. Заслуженный деятель искусств РФ. Лауреат, дипломант и призёр гран-при многих международных и российских кинофестивалей за фильмы «Ой, вы гуси...», «В той стране», «Бабуся», «Верую!».

- **В СВЯТУЮ НОЧЬ**

**О русских
рождественских
традициях**

Виктор Кутковой

- **КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ —
РУССКИЕ ВОДОКРЕЩИ**

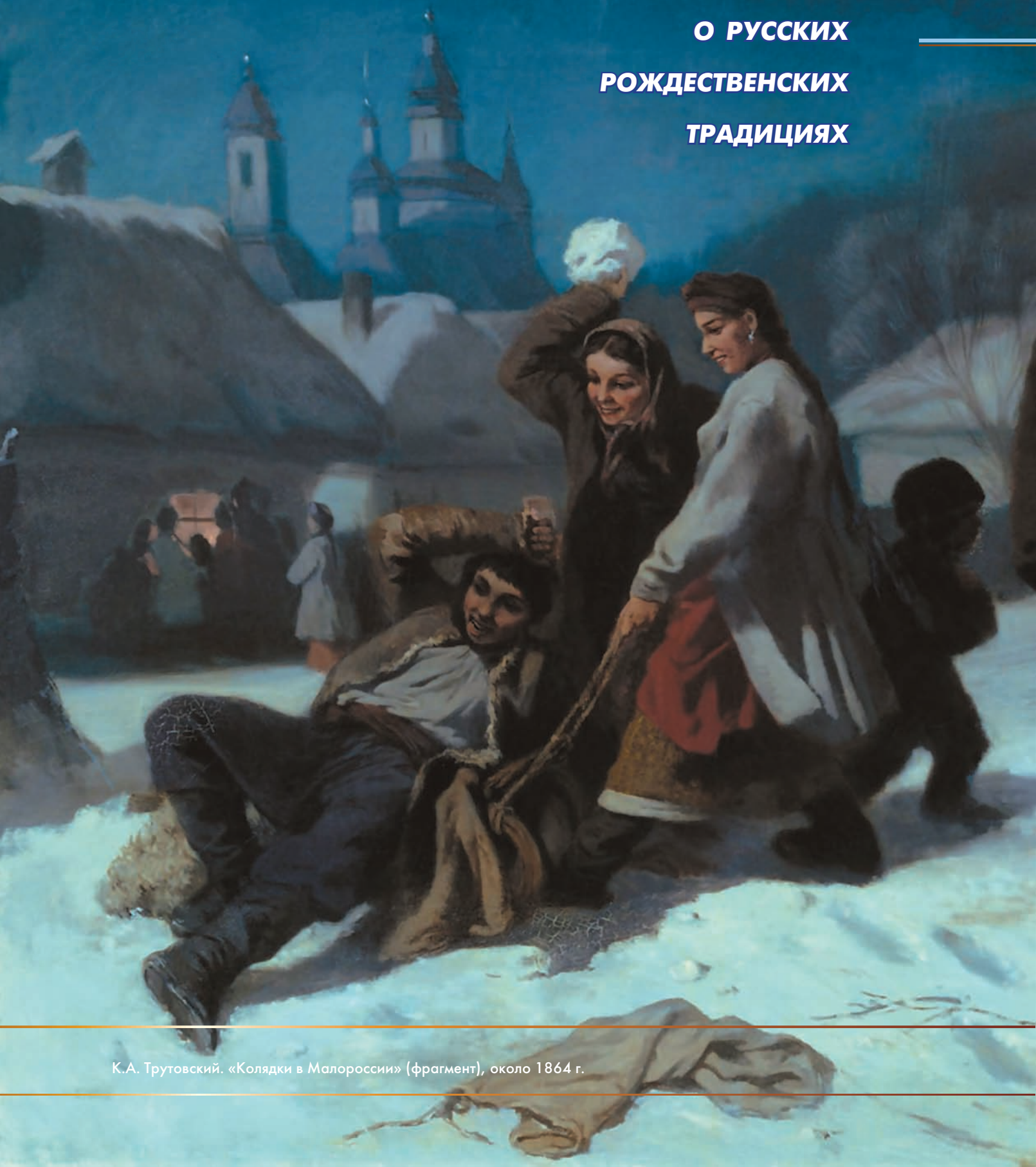
Елена Мадлевска

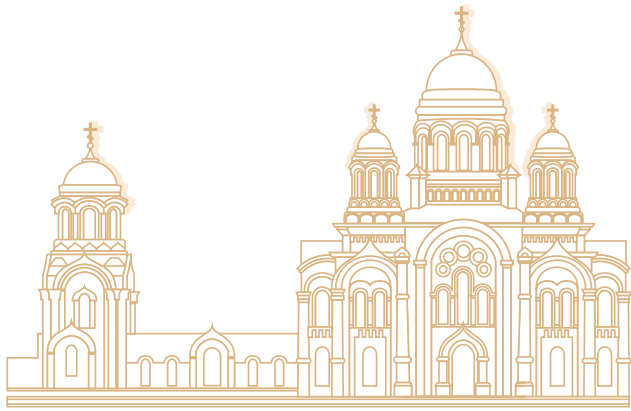
И.И. Шишкин. «На севере диком...» (фрагмент), 1891 г.

В СВЯТУЮ НОЧЬ

О РУССКИХ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ
ТРАДИЦИЯХ

К.А. Трутовский. «Колядки в Малороссии» (фрагмент), около 1864 г.

Виктор Кутковой,
член Союза художников России,
Великий Новгород

В предрождественское время наши воскресные школы преисполнены особым энтузиазмом, и от детей часто приходится слышать: «Мы разучиваем колядки». Им и невдомёк, что репетируемые песни к колядкам не имеют никакого отношения. Причина подобного неведения тянется, разумеется, к старшему поколению, ибо именно в умах взрослых людей за годы государственного атеизма всё успело перепутаться и смешаться.

Церковной среде обряд колядования всегда был чужд. Церковь его порицала и порицает. Так, на Стоглавом Соборе (1551) отмечалось: «Мужи, и жёны, и дети в домех и по улицам обходя, и по водам глумы творят всякими играми и всякими скомраштвами, и песнями сатанинскими, и плясанми, и гуслими, и иными многими видами, и скаредными образованиями, ещё же и пьянством. Подобна же сему творят во днеш и в навечерии Рождества Христова, и в навечерии Василия Великого, и в навечерии Богоявления» (глава 92. Ответ о игрищах еллинского бесования)¹.

Но откуда взялось слово «колядки»?² И почему они называются рождественскими? Из-за того, конечно, что они исполнялись «накануне Рождества». Церковный народ опытно знает: бесовская сила особенно активизируется в сочельник, поэтому в этот день бывает строгий пост — самое сильное оружие против врага.

Приведём один из самых типичных образчиков новгородской колядки:

Приходила коляда
Накануне Рождества:
Кто даст пирога,
Тому двор живота,

Кто не даст пирога,
Тому куричья нога!

В других колядках встречаются и более пространные пожелания:

Кто даст пирога,
Тому двор живота,
Овин с овсом,
Жеребца с хвостом.
Кто не даст пирога,
Тому куричья нога,
Гроб да лопата,
Корова горбата³.

Можно ли считать такие пожелания выражением христианского мировоззрения или даже просто доброжелательными? Кто-то, быть может, воспримет такую колядку юмористически и свяжет её с шутейным обрядом, а кто-то упрекнёт нас в излишне ригористичной позиции: евангельские символы в данном случае не причём, в древности, дескать, маски козы, быка или лошади употреблялись, исходя из хозяйственных функций перечисленных животных. На Украине и в Польше по сей день ряженные водят с собой живую козу, и отнюдь не из желания кого-либо пугать: козе просто приписывается некое воздействие на урожай.

Что на это ответить? «Некое воздействие на урожай» через вождение с собой козы есть обычная магия. Неужели от этого зависит урожай? Или всё же от Бога? И не так просто обстоит дело с предназначением козы в народных обрядах: «Коза играла громадную роль в религии множества народов Балкан, Придунайского региона, Малой Азии и Северного Причерноморья. Всё значение этого животного в мифологии древних народов нам сейчас не ясно. Но кое-какие признаки этих культов сохранились надолго и дошли до нас в искажённых формах. Например, образ Химеры, мифического чудовища, пребывавшего в Тартаре, который был неизмеримо преисподнее мрачного царства Аида («Тартар, столько далёкий от ада, как светлое небо от дола». — Гомер «Илиада». Перевод П. Гнедича)⁴. Комментарии излишни, хотя данное наблюдение сделано автором, явно симпатизирующим современным неоязычникам.

* * *

Необходимо сделать несколько попутных замечаний о масках. Сегодня в мире к ним сложилось слишком легкомысленное отношение.

Человек, надевший маску козла, разумеется, не воображает, что он и впрямь стал животным. Ношение маски сообщает ему некое «инобытие», некое отрешение от собственной личности. Когда-то это воспринималось магически, как таинственное сопричастие, теперь — как соблазнительная возможность говорить и поступать анонимно, как бы освобождая себя от ответственности за слова и действия, иногда подчас в целях справедливости и правды. Вот что пишет С.А. Токарев: «В любой форме, однако, и на любой ступени развития маскировка есть обман, начиная от древнего охотничьего умения обмануть зверя и вплоть до новейшего шуточно-карнавального морочения друзей и знакомых. Но наряду с безобидным шуточно-игровым поддразниванием маскарад может служить иногда и целям недружелюбной интриги, сплетни и клеветы (вспомним «Маскарад» М.Ю. Лермонтова)⁵. Приведённые слова принадлежат не апологету христианства, а известному современному этнографу. Для православного же человека надеть маску на лицо всегда означало одно — совершить большой грех⁶. О маске козла и говорить нечего — это агрессивное богоборчество и истинное кощунство.

Учёный из Санкт-Петербурга С.Е. Юрков пишет, что «ряжение в «личины звериные и беговские» в данном случае не является переряживанием, это не превращение, а замещение «нечистой силы», чьё присутствие требует материального воплощения. Сами представители потустороннего мира страха не вызывают, поскольку никаких сил, которые были бы только злыми, язычник не знал и им не поклонялся. Смерть для него есть жизнь с «обратным знаком», поэтому загробный мир, как и всё живое, одинаково способен и на зло и на добро. «Личины» и «хари» ряженных не рассчитаны на устрашение и служили лишь поводом к забаве и веселью»⁷.

Здесь мы снова встречаемся с попыткой свести всё к смеху, что не может не вызвать возражений. Во-первых, напомним канон 62 VI Вселенского Собора, предписывающий однозначно: «Не носить личин комических, или сатирических, или трагических». И В.И. Даль зафиксировал поговорку: «Кто на святки рожу надевал — купается на Иордани»⁸. Во-вторых, «замещение» нечистой силы ничем не лучше «превращения»: в любом случае происходит

общение с тёмными силами. Там же у Даля читаем: «Святоша, орл. нечистый, бес, который является о святках тому, кто рядится, накладывая на себя рожу». В-третьих, отметим, что благочестивые христиане никогда не пускали к себе колядовщиков, а пытались откупиться от них на улице. Славильщиков же (о них будет речь ниже), наоборот, хозяева сами зазывали в дом и без всяких просьб щедро одаривали их. Стало быть, нельзя согласиться с главным выводом С.Е. Юркова: «На протяжении Средневековья русский народ медленно усваивал правила религиозного поведения, предписанные Церковью, они так и не стали для него нормой жизни»⁹. Разговоры о двоеверии, о незрелом христианстве или даже фактическом отсутствии его на Руси не новость, будто и не было никогда Святой Руси. Её великое духовное наследие в таких разговорах стараются не замечать или занижают его оценку. Нет, русский народ всё же «усваивал правила религиозного поведения, предписанные Церковью», и они становились «для него нормой жизни»¹⁰. Это можно понять и читая «Толковый словарь» В.И. Даля.

* * *

Сюрпризы нас поджидают именно в церковной среде. Весьма странно сегодня воспринимается мнение одного псаломщика из Знаменской церкви в Вильнюсе: «Да, наши милые колядки, вернее слово, их обозначающее, имеют происхождение дохристианское: календы — древнеримский праздник начала месяца, коляда — древнеславянский бог солнца. Но попробовали бы эти журналисты-этнографы (выступающие против такого понимания, как у Фокина. — В. К.) сказать русскому мужику, что он не христианин, а язычник. Тот, не долго думая, пожалуй, и в лицо бы «угостил» умника. И был бы прав, потому что в них, в колядках, от язычества уже ничего не осталось. Что касается примет (небо усыпано звёздами — ожидай много грибов и ягод в лесу, иней на деревьях — к обильным хлебам и т. д.), то они к религии отношения не имеют, носят характер чисто сельскохозяйственный. Да и гаданья, которые в самом деле отголоски язычества и Церкви, мягко выражаясь, не одобряются, для простой крестьянской девушки, мечтающей о хорошем женихе, — это не нарушение православных

традиций, а забота о своём будущем»¹¹. Вот так церковный служака, понимая, что Церковь, мягко выражаясь, «отголоски язычества» не одобряет, тем не менее считает правыми тех, кто занимается оккультизмом, и сам «угощает» в лицо людей с действительно православным мировоззрением. Какие-либо дополнительные пояснения здесь излишни. Интересно, а что скажут подобные истолкователи по поводу появления сегодня хеллоуиновских колядок?

Данный случай есть, по меньшей мере, подтверждение того, что в настоящее время перестали различать колядки и славения. Из сообщений прессы, например, можно узнать, как воспитанники назарьевской воскресной школы «Тропинка» (г. Наро-Фоминск) «показали... прихожанам мастер-класс православного колядования». Но ещё Мельников-Печерский писал: «Святочные гаданья, коляда, хороводы, свадебные песни, плачи воплицы, заговоры, заклатья — всё это остатки языческой обрядности, а слова, при них употребляемые, — обломки молитв, которыми когда-то молились наши предки своим старорусским богам»¹².

В противоположность языческой коляде именно славение было популярным и почитаемым обрядом в жизни русских христиан. В чём же он состоял? В сёлах причетники ходили по домам с молитвами и пением. В столицах, с первыми звуками благовеста, процессия, возглавляемая патриархом, следовала во дворец славить Христа и поздравлять государя с Рождеством. Церковный обычай поздравлять императора зародился уже в IV веке, при Константине Великом. Первыми христославами, как известно из Евангелия, явились ангелы, потом вифлеемские пастухи, а позже волхвы — старец Мельхиор, царь халдейский, юный эфиоп Каспар и перс средних лет Валтасар. На Руси, помимо причта, обряд славения совершали и миряне, которых так и называли — славильщиками. На юге России славением занимались даже школьники и семинаристы. Посещая дома, они любили приветствовать хозяев латинскими и греческими стихами, чем, по всей видимости, демонстрировали свою образованность. Однако следует заметить: в XVIII — начале XIX века между устной, то есть народной, и книжной, в данном случае школьной, зрелищными традициями существенного разрыва не отмечалось. Необходимо лишь подчеркнуть два фактора.

Во-первых, словесное творчество семинаристов опиралось на канон¹³, и они легко насыщали типичные сюжеты и общепризнанные композиционные схемы, используемые в своих произведениях, витиеватыми силлабическими виршами. Во-вторых, крестьяне и средние слои городского населения были довольно приобщены к книжной культуре через Церковь, через популярные гравюры и лубочную литературу. Репертуар славильщиков состоял из ирмосов канона на Рождество Христово и связанных с ним тропаря, кондака и величания. Существовал также упомянутый выше жанр «христославии» — задушевных рождественских песен, носивших самодеятельный характер.

Может быть, употребление рождественских тропарей, кондаков и ирмосов вне храма таит в себе опасность их расцерковления и лишает церковное пение и богослужбное слово литургичности? Отнюдь нет. Псалмы тоже читаются верующими вне храма, целый ряд треб совершается на дому, на кладбище, в больницах. Можно ли тут говорить о каком-то расцерковлении? Наоборот, всё перечисленное следует считать актом воцерковления русской жизни с её обычаями, призывом к постоянной памяти о Боге. Христославие — одна из форм такого призывания, благая весть миру об Еммануиле.

* * *

Принято считать, что в XVII веке к традиционному обряду славения добавилось новшество западноевропейского происхождения, вертеп¹⁴: он представлял собой переносной ящик, в котором деревенским художником были изображены события и обстоятельства рождения Христа. Слово «вертеп» происходит от старославянского вертепъ — пещера. Некоторые учёные, отдавая предпочтение народной этимологии, связывают данный термин с глаголом «вертеть». Рождественские «ящики» нередко украшались целым комплектом вертящихся плоских вырезных кукол или звёздами, что тоже давало основание для возникновения подобной этимологии. В Италии, откуда вертеп распространился по всей Европе, его называли презепе. По мнению специалистов, «введение «презепе» в широкий цикл рождественских обрядов традиционно приписывается святому Франциску Ассизскому, который в ночь Рождества 1223 года в местечке Греччио приготовил в

Старинная рождественская открытка

гроте ясли с сеном для Богомладенца, привёл быка, осла и, создав своего рода «живой вертеп», в присутствии множества людей отслужил мессу»¹⁵. Франциском двигало желание показать людям, где и в какой обстановке родился Христос. Причём делалось это явно с расчётом создать «эффект присутствия». «Онаглядить» позитивистски, чтобы укрепить маловеров? Судя по живописным композициям Рождества того времени, ни о какой каноничности не могло быть речи. Реалистические тенденции дученто пробуждали интерес к миру земному, а не небесному. Что и делало главным религиозным праздником Рождество Христово. Появляются художественные школы Апулии, Базиликаты, Калабрии, Кампании, Лигурии, Рима, Сицилии и Трентино-Альто-Адидже, занимающиеся изготовлением вертепов. Сцену Рождества художники помещали как собственно в пещеру, так и в некое подобие дома. Смысловой разницы между «пещерой» и «домом» фактически не было. Дело в том, что на Востоке гостиница (караван-сарай, хан) представляла собой низкое здание, стены комнат которого имелись только с трёх сторон, и поэтому всё происходившее внутри помещения открывалось взорам посторонних людей. Но ведь сходная ситуация и в пещере. В обоих случаях стойло для скота от комнаты отделялось всего несколькими ступенями. К тому же немаловажно: гостиницы в Палестине очень часто пристраивались к многочисленным пещерам, созданным непосредственно природой, — и возникало единое целое архитектурного пространства. В чём можно убедиться и на примере некоторых вертепов. С живописью здесь не существовало принципиальных расхождений.

* * *

В России вертепы развились в святочный кукольный театр с подвижными фигурками. Кукольные спектакли были со временем перемещены из церковной ограды на городские площади. Тому имелись причины. По мнению М.Г. Давидовой, в нашей стране «вертепный рождественский театр воспринимался в отрыве от церковной жизни, поскольку объёмные и тем более кукольные изображения священных лиц никак не могут быть совмещены с канонами православного искусства. Вертепная сцена перестаёт ассоциироваться с храмом,

иконостасом, она делается простым ящиком для кукольных представлений»¹⁶. Страхи некоторых исследователей перед скульптурой явно больше подобных страхов самой Церкви, особенно Церкви допетровской эпохи, но с XVIII века, когда вертепы получают массовое распространение, это неприятие объёмных изображений действительно появилось, о чём свидетельствует ряд указов Святейшего Синода, направленных против изваяний. М.Г. Давидова совершенно права по поводу «кукольных изображений священных лиц»: иначе нам грозит распространение «оправославленных» салонов мадам Тюссо.

Отечественная традиция строительства вертепов имеет свою интересную историю. Вертеп представлял собой конструктивное сооружение из несколько уровней. В верхних рядах разыгрывались евангельские сюжеты, в нижних — бытовые истории. Поскольку рождественские «ящики» изготавливались народными мастерами, то русские вертепы, в отличие от итальянских презепе, не выглядели столь натуралистично. Но делались достаточно большими. Материалы были подручные: обычное дерево, гипс, камень, металл, раскрашенное папье-маше, терракота, древесная кора, пробковое дерево и др. Несмотря на русскую климатическую особенность, изготовление в те годы рождественских скульптур из снега или льда нам не известно. Куклами управляли снизу, через специальные щели в дне ящика. Позднее, с появлением одноэтажных вертепов, кукловод управлял куклами уже сверху (при помощи прута). Тексты вертепных пьес от поколения к поколению передавались устно, обрастая добавлениями, но и претерпевая сокращения. За несколько столетий в них отразилось множество языков и обычаев. Необходимо отметить трепет, с которым наши предки относились к празднику Рождества Христова. И, несмотря на некоторый отрыв вертепного театра от церковной жизни, как упоминалось выше, разыгрываемое действие воспринималось глубоко и серьёзно. Поэтому сцена в вертепе мыслилась не как развлечение, а как икона. Она освящала сюжетный смысл. Никогда и никто из исполнителей не дерзал произносить слов от имени Богородицы или Богомладенца.

Вертеп являлся совокупной художественной частью народных Святков и почти всегда

соединялся с разными формами «христославий»: хождением с рождественской звездой, исполнением ритмизованных диалогов катехизирующего характера, декламированием школьниками назидательных стихотворений, называвшихся «рацеями», пением духовных стихов.

* * *

Появление в России (в 1840-е годы) рождественских ёлок несколько пригасило интерес к вертепу, где-то же и вовсе его свело на нет¹⁷. Однако ныне рядом с ёлками в церковных дворах всё чаще возникает инсценированная Вифлеемская история. А в Свято-Троицком храме города Миасса сооружение изваяний из снега по сему случаю успело уже стать традицией. Впрочем, не только в нём одном. Изольда к празднику принято сооружать вертепы возле всех храмов Тюмени, а в Чехии этот символ Рождества Христова готовят даже из пряников. И здесь стоит нам всем призадуматься. Да, VII Вселенский Собор даёт широкое право применения «какого-либо другого вещества» при изготовлении священных изображений, но в то же время призывает и не терять благоразумия: «только бы сделаны были приличным образом»¹⁸. Употребляться может лишь «всякое соответствующее цели вещество»¹⁹. Легко представить ситуацию после праздника, когда скульптуры из льда и снега начнут таять и приобретать самые непотребные формы. Можно, конечно, такие статуи заблаговременно демонтировать, но опять же вообразим это разрушительное действие, производимое верующими людьми: постепенно будут отламываться руки, ноги, отсекаются головы, разбиваться фигуры... А как относиться к поеданию пряничного вертепа? Это ли не поругание священных образов! И если честь, воздаваемая образу, восходит к Первообразу, то и бесчестие, наверное, тоже. Стоит ли вообще возрождать нам католические по своим истокам традиции? Чужое обычно берут в двух случаях: когда не хотят думать сами и когда не хватает своего. А что именно не хватает? Бытия? Веры? Жизни? Соображения? Своя традиция славления Рождества Христова существует ведь давно, поэтому нет оправдания тем, кто ссылается на отсутствие отечественных форм и обычаев празднования. Но коль всё-таки появляется желание позаимствовать

чужое, то необходимо учитывать хотя бы тот позитивный опыт, который уже накоплен. Разумный выход нашли, например, в Свято-Введенском Толгском монастыре. Там иерархически самые значимые фигуры (Богородица, Матерь Божия и Иосиф) созданы иконописно, а менее значимые — первые свидетели Рождества — выполнены из гипса. И не менее важно решение сделать праздничный вертеп постоянным украшением монастыря, с тем, чтобы его могли увидеть все желающие. Это даже своеобразно перекликается с выступлениями на ярмарках городских вертепщиков-профессионалов в любой период года, независимо от календаря.

* * *

В заключение хочется заострить внимание на смысле первой строки праздничного тропаря: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума». И если не руководствоваться светом разума, готовясь к празднику Рождества, легко скатиться во тьму безумия при возрождении некоторых наших давних традиций, не говоря уже о заимствовании инословных. Будем помнить об этом.

Примечания

¹ Стоглов. Казань, 1911. С. 122.

² Происхождение слова «коляда» среди учёных по сей день вызывает споры. Самое распространённое толкование: это изменённое лат. *calendae* (календа) — первоначально — первое число каждого месяца, позднее — обозначение январских календ (с 14 декабря по 1 января) как точки отсчёта года. В Средние века данное слово обозначало и святочные игрища. На Русь оно пришло из Византии вместе с «отречёнными книгами». Существуют и другие толкования. Например: 1) от «кол ед» — вокруг идущий; 2) от «кол еда» — круговые яства; 3) от «колоды» — зажжённый пень (а таковой был связан с обрядом календ); 4) от «коло ладо», «колоду». К.И. Костомаров считал, что в основе названия слово «коло» — колесо. Но было ведь и божество с именем Коляда: «Коляда — старый солнечный бог, покровитель мира, дружбы и согласия. Колядовать, колдовать — молиться Коляде. Колдун — жрец Коляды. Коляда, вероятно, есть другое имя бога Коло либо что-

то весьма близкое Коло (около). У украинцев — Колодый («дый» — бог, «коло» — солнце), чей символ — колода. Коляда — праздник зимнего солнцеворота».

³ Традиционный фольклор Новгородской области. Л., 1979. С. 135.

⁴ См.: О русском Православии. (?)

⁵ Токарев С.А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 192.

⁶ На вопрос «Чего не хватает вам в жизни?» показателен ответ популярного актёра Сергея Маковецкого, сыгравшего отрицательные роли во многих фильмах режиссёров Киры Муратовой, Алексея Балабанова, Александра Прошкина и др.: «Мне не хватает жизни. Я не живу, я существую в иллюзорном мире» (Радио России. Передача «Отзвуки театра». 25 ноября 2007 г.). Стало быть, маски метафизически в какой-то степени всё-таки прирастают к коже?

⁷ Юрков С.Е. Гротеск в мифологическом сознании русского Средневековья // Смыслы мифа: Мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. СПб., 2000). С. 300.

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994 1.4. С. 161.

⁹ Юрков С.Е. Гротеск в мифологическом сознании русского Средневековья. С. 300.

¹⁰ Жизнь невозможно опутать паутиной схем — встречаются и колядки по-христиански добрые, светлые, красивые, но в них нет главного — прославления новорождённого Богомладенца и Его Матери. Содержание таких колядок всё равно целиком мирское, душевное, а не духовное.

¹¹ Фокин Пётр. Рождество Христово // Литовский курьер. Вильнюс, 2007. № 1 (612).

¹² Мельников П.И. (Андрей Печерский) «В лесах». Саранск, 1993. А.К. Веселовский, правда, находил обычай колядовать по своему происхождению христианским, но учёные давно отвергли данную точку зрения как ошибочную. Известный этнограф Михаил Драгоманов, например, не мог «принять, что в колядках нет следов дохристианского культа, ибо он слишком очевиден во множестве колядок, как и в других обрядовых и периодических русских песнях, с коими мы считаем особенно необходимым сравнивать колядки» (См.: Драгоманов Михаил. Учёная экспедиция в юго-

западный край // Вестник Европы. 1877, март. Ст. 85-109).

¹³ Кстати, каноничность почти до такой же степени характерна для фольклорного творчества, как и для церковного.

¹⁴ «Если принимать знаменитое, но очень спорное свидетельство Еразма Изопольского, видевшего в Ставищах вертепную сцену, с датой 1591 г., появление вертепной драмы у восточных славян можно отнести к XVI веку», — пишет М.Г. Давидова в своей статье «Вертепный театр в народной культуре».

¹⁵ Вертеп: Рождественская традиция Италии.

¹⁶ Давидова М.Г. Вертепный театр в народной культуре.

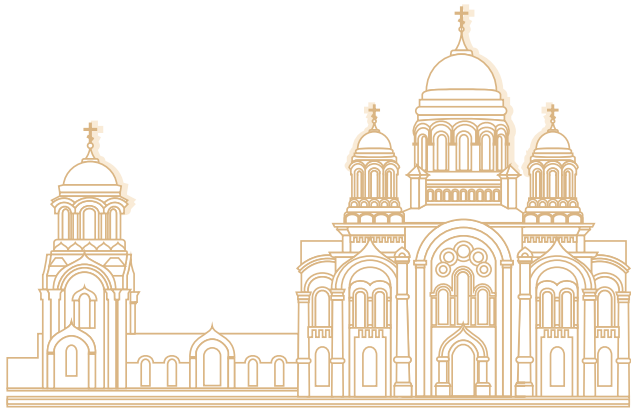
¹⁷ Вертеп устойчиво традиционным оставался в Италии и Польше, в то время как на севере и востоке Европы в новое время символом праздника становилась рождественская ёлка.

¹⁸ Деяния Вселенских Соборов. Т. 7: Собор Никейский Второй, Вселенский Седьмой. Казань, 1891. С. 285.

¹⁹ Успенская Л., Успенский Л. О материалах в церковном искусстве // Журнал Московской Патриархии. 1988. № 11. С. 20.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ — РУССКИЕ ВОДОКРЕЩИ

Крещение Господне и Богоявление (водокрещи) — великий двенадцатый праздник, приходящийся на 6 января по ст.ст. В этот день Церковь вспоминает Крещение Иисуса Христа от пророка Иоанна в Иордане. Второе название — Богоявление — праздник получил потому, что при крещении Спасителя произошло «явление всех трёх лиц Божества: Отец из отверзтых небес гласом свидетельствовал о крещаемом сыне, и Св.Дух в виде голубя сошёл на Иисуса, подтверждая таким образом Слово Отца» (Христианство, Т. 1, 1993, С. 290). Народное название праздника — Водокрещи — возникло в связи с одним из основных крещенских обрядов — водосвятием, или водокрещением.

В русском крестьянском календаре день Крещения был одним из важнейших праздников начала года, и приготовления к празднику начинались ещё накануне: избы мыли и тщательно выметали сор, в котором, по поверьям, мог спрятаться чертёнок. В Сибири верили, что утром перед водосвятием все «чертенята» должны утонуть.

Подготовкой к празднику Крещения являлся и строгий пост накануне до первой «вечёрной» звезды; пожилые люди полностью воздерживались от еды и стояли весь день на молитве. Даже дети и подростки старались ничего не есть.

Вечером все отправлялись в церковь на службу. По окончании службы совершалось великое водосвятие, которое крестьяне считали особенно важным торжеством. Украшение сосуда с освящаемой водой свечами, перевитыми лентами и разноцветными нитями, дало одно из названий крещенскому сочельнику в центральных губерниях — «свечки». В Сибири канун Крещения тоже был очень почитаем и назывался Великим сочельником.

По возвращении со службы и водосвятия крестьяне совершали обряды, в которых ис-

пользовались очистительные, продуцирующие и апотропейные свойства святой воды: пили её всей семьёй, окропляли дом, хозяйственные постройки и скот. В Саратовской губернии каждый домохозяин ставил мелом кресты, окуривал дымом горящего ладана и окроплял святой водой все места в доме и во всём хозяйстве, которые, по традиционным представлениям, осмыслились как границы, отделяющие «своё» пространство от «чужого»: косяки окон, рамы, двери, заслон у печи, задворки, ворота, калитки, верей — воротные столбы, двери хлевов, конюшен, погреба и проч. В некоторых местах мел для окрещивания построек святили в церкви вместе с водой. Там, где хаты были белёные, кресты ставили углём. Все эти действия, имевшие не только очистительный, но и апотропейный характер, производились в связи с представлениями о том, что в крещенский сочельник нечистая сила особенно опасна, так как она встревожена предстоящим водосвятием и потому мечется повсюду. В Сургутском крае верили, что если не защитит в этот вечер скотину, окропив её и загородь святой водой, то нечистый будет сильно мучить скотину, и утром в Крещение она будет в мыле и в поту.

Праздничный ужин в крещенский сочельник назывался «голодной кутьёй». Обязательными блюдами этой трапезы были кутья, блины, овсяный кисель. Блины на Крещение ставили в хлев для домашнего с целью обеспечить благополучие для скота.

По народным представлениям, в ночь на Крещение открываются небеса; происходит это в момент, когда Иисус Христос, по поверьям, входит в реку. Знаком отверзания небес для того, кто желает увидеть это, является волнение воды в чашке или стакане. Дождавшись этого знака, следует быстрее бежать на улицу; и если счастливцев увидит «разверстые небеса», он может просить у Бога всё, что пожелает, даже «царство небесно», и получит просимое.

* * *

Главным торжеством дня Крещения и Богоявления являлось «хождение на Иордань» и водосвятие. Очистительные обряды с помощью «иорданской» воды были направлены как на обеспечение благополучия людей, так и скота и проводились не только дома, но и на самой «иордани». Многие люди, особенно больные, в надежде получить здоровье умывались прямо из «иордани»; а те, кто участвовал в святочных развлечениях, считающихся, с христианской

точки зрения, греховными (гадания, надевание масок — ряжение, святочные бесчинства и проч.), ныряли в прорубь целиком.

По народным представлениям, ребёнок, окрещённый в Крещение, должен стать очень счастливым человеком, на него снизойдёт благодать Божия.

На «иордань» пригоняли и скот, который священники окропляли освящённой в реке водой. В Орловской губернии считали необходимым на крещенское богослужение приезжать на лошадях, а не приходить. По объяснениям крестьян, это делалось для «освящения» скота с целью предохранить его от болезней и от порчи колдунов и ведьм: «...в реку, конечно, лошадь не загонишь, потому что вода очень студёная, так пусть хоть по льду пройдёт и освятится малость — святая ведь вода-то на Крещенье» (Максимов С.В., 1994, С. 280–281). В Воронежской губернии в день Богоявления скот не поили до окончания водосвятия, а затем поили сразу же, чтобы весь новый год скот был здоров. С этой же целью и для приплода у русских смачивали «иорданской» водой сохранённые до дня Богоявления козули и скармливали их скоту (см. Козули). Архаичные формы обряда крещенского окропления скота были зафиксированы в Курской и Орловской губерниях. Здесь после обеда хозяева раскладывали во дворе необмолоченные снопы разных видов зерновых культур, разломленный на куски хлеб и ржаные лепёшки, оставленные для этого обряда с праздников Рождества Христова и Нового года. К разложенной пище выпускали из хлевов скотину и в то время, пока она ела, её окропляли принесённой с «иордани» водой; при этом окроплявший животных хозяин надевал шубу мехом наружу. В Орловской губернии в обряде принимали участие все члены семьи: процессия домочадцев, направлявшаяся во двор, происходила в торжественном молчании. У каждого в руках были необходимые для обряда предметы: икона с божницы, зажжённая свеча, кадильница, топор, миска с богоявленской водой и соломенное кропило. Топор несли во главе процессии и так, чтобы он оставлял на земле след своим остриём. Действия с топором же и завершали обряд: после кормления и окропления скотины его дважды перебрасывали через скот так, что траектории его полёта образовывали крест. В этом обря-

де очевидно соединение элементов языческой и христианской культуры, а также стремление достигнуть нескольких целей, объединённых под общим понятием — обеспечение благополучия для скота. Так, действия с кадильницей (окуривание) и топором, обладающим, по народным представлениям, сильными апотропейными свойствами, как и любой острый или металлический предмет, имели целью защитить скот от нечистой силы, колдунов и ведьм. Кормление разными видами необмолоченного хлеба производилось для того, чтобы скот был сыт весь год. Использование в обряде рождественского и новогоднего хлеба, козуль, вывороченной шубы было связано с идеей приплода: обрядовая пища и мех наделялись в традиционном сознании продуцирующей силой. Для осуществления всех перечисленных целей, а также для обеспечения здоровья скота использовалась освящённая в «иордани» вода.

Как и в сочельник, в день Крещения после водосвятия совершали обряды очищения домов и хозяйственных построек, используя уже «иорданскую» воду. С этой же целью совершались обходы причта по домам прихожан с крестом и святой водой.

Окропление святой водой строений накануне и в день праздника совершалось ещё и для того, чтобы выгнать отовсюду нечистую силу, имеющую в разных местностях свои названия. Так, в Вологодской губернии святой водой из домов, овинов, бань и т.п. выгоняли шолышнов. В Иркутской губернии чертей — шулюпанов во время крещенского водосвятия давили копытами лошадей состязавшиеся в верховой езде у «иордани». Подобным образом в некоторых местностях нечистую силу изгоняли ночью накануне Богоявления: «...толпа молодых парней верхом на лошадях носится по всем дворам, бьёт мётлами и кнутами по всем тёмным углам и закоулкам с заклинанием, криком и визгом» (Степанов Н.П., 1899, С. 18).

В связи с изгнанием из деревень нечистой силы и освящением воды в «иордани» у русских был широко распространён запрет полоскать бельё на реке в течение недели после Богоявления: по народным представлениям, уходящая после Святков в воду нечистая сила может схватиться за бельё и вылезти наружу.

Магические свойства приписывались в народе не только святой воде, но и другим атри-

бутам праздника Крещения и Богоявления: солоне и вершинам ёлочек, которыми устилали и вершили дорогу к «иордани»; крещенскому снегу, богоявленской свече, т.е. свече, которую зажигали во время обедни. Снег, собранный в ночь на Крещение со стогов, использовали для исцеления разных болезней; считалось также, что только с его помощью можно выбелить весь холст как следует; крещенский снег бросали в колодцы в надежде, что он даст влагу земле, если летом не будет дождя. Богоявленскую свечу хранили в течение года и зажигали во время грозы для предотвращения пожара. В Сургутском крае большую предохранительную силу от нечистых духов приписывали свече, которую приносили вместе со святой водой со службы в крещенский сочельник. Эту свечу ещё в церкви опускали в воду и так в воде и держали всё время. В день первого выгона скота в поле кусочек этой свечи прикрепляли коровам между рогов, а коням — под гриву или под чёлку; считали, что эту скотину не тронут ни леший в лесу, ни водяной в воде.

* * *

К празднику Крещения во многих местах России ещё в конце XIX века приурочивался обычай смотрин девушек, достигших брачного возраста — «невест» или «славушниц». Обряд назывался «дивьи смотрины», «выбор невест», «большой смотр невест», «на глибке стоять» (глибка — возвышение из глибок — комьев снега) «подольницы смотреть».

В день Крещения вся молодёжь одевалась в свои лучшие наряды, девушки белились и румянились. По случаю обряда «выбора невест» в более крупные местные центры на праздничную службу и водосвятие съезжались из соседних деревень «славушницы» и парни, намеревающиеся жениться в новом году.

Присматривание «невест» начиналось ещё во время службы в церкви. В селе Никольском Кадниковского уезда Вологодской губернии после обедни весь народ, образуя две сплошные стены по главной дороге, ведущей к «иордани», наблюдал, как «славушницы» ехали в санях на водосвятие: в каждых санях сидело по две девушки; сбруи лошадей, идущих одна за одной, украшались, как на свадьбе. Не доезжая до «иордани», все сани устанавливали в каре, а девушки вставали в санях. В ряде уез-

дов Новгородской губернии во время водосвятого молебна «невесты» стояли на горе или на высоком месте на реке, а парни — под горой. Непосредственно смотрины происходили после возвращения с «иордани» и обеда. В некоторых местах девушки в сопровождении матерей катались на санях по городской площади; в других — на реке около «иордани» или около церковной ограды девушки становились в один длинный ряд или в несколько рядов, а «женихи» прохаживались между ними. Помимо парней «невест» высматривали их родители, а в некоторых местных традициях несколько «женихов» рассматривали «невест» под руководством пожилой женщины, выполнявшей функцию эксперта по рукодельным качествам девушек.

В Вологодской губернии для главного этапа смотрин «славушницы» надевали по 5-6 рубаш с вышитыми подолами (только нижняя рубаша была украшена лишь двумя красными полосами); далее надевали сарафан, а на него — три или четыре передника с обильной вышивкой. Поверх всей одежды надевалась овчинная шуба, опушённая мерлушечьим мехом и крытая синим сукном. Подойдя то к одной, то к другой девушке, стоящей неподвижно, пожилая женщина, раздвинув полы шубки, демонстрировала «женихам» вышивку и кружева, украшающие передники и рубахи, поднимая все детали костюма одну за другой до рубахи с красными полосами на подоле.

На смотринах оценивались не только внешние качества «славушницы» (рост, полнота, красота) и её умение прясть, ткать, шить, вышивать, плести кружева, что обнаруживалось при просмотре надетых на девушку нарядов; при выборе «невесты» уделялось внимание и её здоровью. Помимо внешних данных, критерием здоровья девушки являлись тёплые руки: матери «женихов» брали «невест» за руки, которые во всё время смотрин (около 2-3 часов) оставались голыми, без рукавиц. Зябкую девушку, то есть с холодными руками, считали не подходящей для брака.

После Крещения начинался «мясоед» — время свадеб.

Материал сайта
«Российский этнографический музей»
подготовила Мадлевская Елена Львовна

**Памяти настоятеля
Успенской церкви
протоиерея Дионисия
(Садовникова)**

● **«ИТАК, БОДРСТВУЙТЕ...»**

Диакон Игорь Бакшеев

● **ОН ПОДАРИЛ
МАЛЬЧИШКАМ
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО**

Николай Стеценко

● **НАСТОЯЩИЙ СВЯЩЕННИК**

Елена Трифонова

памяти настоятеля
Успенской церкви
протоиерея Дионисия
(Садовникова)

Диакон Игорь Бакшеев

«ИТАК, БОДРСТВУЙТЕ...»

«В чём застану, в том и служу...» (Иустин философ «Разговор Трифона сиудеем»), «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придёт!» (Мф. 24:42). Суть этих речений: в чём Господь застанет того или иного человека в час смерти — за каким занятием и мыслями — исходя из этого, во многом определит посмертную судьбу человека. Это — как последнее слово подсудимого, которое способно совершенно изменить мнения присяжных и судьи. Так некогда Цицерон последним словом, сказанным за одного, по мнению Цезаря, известного негодяя, изменил смертный приговор императора и судей, и они оправдали его. Беда в том, что многие люди оказываются не готовы к последнему слову, ибо Господь приходит как тать ночью, т.е. внезапно.

Был ли отец Дионисий готов к этому слову? Да, был готов, потому что для истинно верующего смерть всегда ожидаема. Смерть из внезапной пагубы явилась для него долгожданной встречей с Господом. У многих его друзей возникло ощущение, что он знал о дне этой встречи. Последние дни своей земной жизни он как будто прощался со всеми. Кому-то дарил подарки, у кого-то настойчиво просил прощения, некоторых спешил увидеть и сказать сокровенное слово, а главное, накануне исповедовался и причастился. Как часто, задолго до этого дня, он — человек чрезвычайно рискованный по жизни — говорил: «А вот этого я делать не буду — это опасно, а я давно не исповедовался, а значит, к смерти не готов».

В чём застал его Господь? В том, в чём он находился постоянно, — в служении Богу и людям, — главным образом, детям и подросткам. Это было его главное и любимое занятие. Служил, может быть, не без ошибок, но всегда искренне и честно.

Позовёшь его на рыбалку — откажется, скажет: «У меня богослужение, поехали завтра». Завтра приезжает, а у него полная машина детей. Или пробирается по бурелому к истоку Лены, от него только и слышишь: «Обязательно покажу эти места ребятам». В крещенскую прорубь — опять с ними. Сбрасывает их с парашютом, а сердцем рядом. Занимает деньги, значит — для них. Всё лучшее им. Позвонишь ему: «Ты где?», а он — на Байкале, в лесу, на речке, в храме, но всегда с подростками. Вся жизнь для Бога и для них. И уже невозможно было представить отца Дионисия без этого множества ребят, которые всегда окружали его. А эти его летние военные лагеря, где всё совершенно бесплатно, где каждый ребёнок чувствует, что здесь всё для того, чтобы он стал добрее, мужественнее, а этот «батяня, батюшка, комбат» тоже для этого. Ради них он готов на всё. При организации своего последнего лагеря он так спешил, что глубокой ночью, на неустойчивой резиновой лодке отправился из села Большое Голоустное в Песчанку по беспокойному, ледяному морю, при этом он далеко не был превосходным пловцом. Другой раз, спеша к детям, он отправился в Песчанку сквозь густой туман и заблудился в море, но, к счастью, сделав несколько кругов, лодка упёрлась в берег. Он служил детям, а дети доверяли ему и слушались во всём, впрочем, не всегда. Однажды у машины не хватило мощности въехать на крутую гору, и был риск перевернуться, тогда отец Дионисий приказал всем покинуть машину и отойти в сторону, но дети ослушались и не бросили своего батюшку. Своими слабыми руками они вытолкали машину на вершину. Он любил их, а они отвечали ему тем же.

Были среди них те, к которым он относился по-особому, с большей теплотой. Это ребята, сумевшие после долгого общения с ним обрести главную ценность нашей жизни — любовь к Богу и людям. Среди них выделялся, конечно, Рома. Мальчишка с ясными глазами полюбил Бога всем сердцем, прекрасно стал разбираться в богослужении, научился петь на клиросе, мечтал поступить в семинарию и связать с Церковью всю свою жизнь. Он не отходил от отца Дионисия все последние месяцы жизни ни на

шаг. Не разлучила их и смерть, которая стала для них не потерей, но приобретением жизни вечной.

Были и ещё люди, которых отец Дионисий любил больше других. Своих родителей, жену, двоих детей, брата и сестру... «Вы себе не представляете, как я люблю свою Екатерину!» — говорил о жене. Родного отца почитал, как владыку Вадима, а владыку, как родного отца, — о чём часто говорил. Мать любил всей душой и с детства чувствовал, что должен быть ей опорой и защитником.

Вообще любил многих. Умел обижаться, но умел и прощать, оттого очень много имел друзей. Некоторые из них приехали даже из Москвы, Красноярска и других городов, чтоб проститься с другом.

Любя многих, тем не менее, отец Дионисий более всего любил Бога и Церковь. А церковное послушание — восстановление Успенского храма бывшего Вознесенского монастыря — считал главным делом своей жизни. Где бы он ни был, сердце его всегда оставалось в храме, который ему с прихожанами удалось воскресить. О храме и монастыре он мог рассказывать часами. Поэтому совершенно логично, что после смерти его сердце осталось в этой обители. Вечная тебе память, друг!

фото: irkutsk.orthodoxy.ru

Николай Стеценко,

студент Иркутского
государственного университета
путей сообщения

ОН ПОДАРИЛ МАЛЬЧИШКАМ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

— Взвод!!! Подъём! На построение! — трудно сразу понять, что это — продолжение сна или реальность. Но по шлёпанью босых ног по полу понимаешь, что со сном пора прощаться. И как можно быстрее. Голос отца Дионисия гремит над самым ухом:

— Сорок пять секунд — одеться!

Вылетаем из тёплой казармы в холодную и дождливую августовскую ночь. Строимся.

— Отбой! — удовлетворённо командует наш взводный — священник Дионисий Садовников.

Три десятка мальчишек — возраст от тринадцати до шестнадцати лет — несут службу под его командованием. Служба это, разумеется, добровольная. Наш лагерь называется «Святая Русь». И собрались в нём в основном ребята из прихода церкви Успения Божией Матери. Есть у нас, конечно, и девчонки, но ночными тревогами их никто не беспокоит.

Живём мы в казарме на аэродроме ДОСА-АФ в посёлке Оёк и не просто играем в солдатиков, а тренируемся к предстоящим полётам и прыжкам с парашютом.

Взрослые на аэродроме не ворчат и не поучают нас. Как к равным относятся и мастера спорта по прыжкам с парашютом, мастера спорта по пилотированию, даже с «крутым» ветераном афганской войны мы сумели подружиться. Слушаем с открытыми ртами их рассказы, завидуем белой завистью. А оказалось, что и они нам завидовали: вот бы, дескать, ребята, нам такое детство, как у вас.

...Выдался погожий день. Был подписан приказ на полёты. На взлётном поле многолюдно: никогда не думал, что за наши прыжки будет отвечать столько специалистов, приехали ро-

Елена Трифонова

дители, друзья. Батюшка Дионисий отслужил молебен...

— Первый взлёт, на борт!

Мы вспоминали потом с ребятами, никто не помнит дня счастливее, чем этот. Радость — и за себя, и за всех остальных. Говорили, что теперь нам прямая дорога в десант. А позже отец Дионисий договорился о том, чтобы мы сделали ещё по два прыжка и сдали нормативы третьего разряда.

...В августе 2009 года отец Дионисий погиб. В храме на отпевании народу было много. И в основном — мальчишки. Многих я уже и не знал: мои сверстники из первой команды парашютистов служат в армии, а это — новые воспитанники нашего батюшки.

Он восстанавливал церковь Успения Божией Матери — единственное храмовое здание, уцелевшее от некогда богатого и известного всей Сибири Вознесенского мужского монастыря. Возможно, если бы отец Дионисий занимался только строительными работами, храм был бы восстановлен быстрее. Но он взвалил на себя задачу тяжелее и ответственнее — приобщить к Православной вере мальчишек и девчонок из Жилкинского предместья. Впрочем, батюшкино сердце было открыто для всех. Приезжали ребята из других районов Иркутска, из Красноярска, Саянска, других городов.

...Байкал. Бухта Бабушка. Тут наш лагерь жил обычно две недели в июле. Первые десять дней готовились к игре «зарница».

А потом два дня и две ночи шло сражение. Боевые операции разрабатывали друзья отца Дионисия — по совместительству наши вожаки, многие из них сами, что называется, «нюхали порох». Ночи в дозоре, разведка, бой... Эмоции захлёстывают.

И наш батюшка рядом — строгий в определённых пределах — чтобы на утреннюю и вечернюю молитвы все успевали, чтобы не обижали слабых, чтобы помогали друг другу, а во всём другом — ласковый, иногда насмешливый, но всегда добрый и щедрый.

Мы стоим у гроба отца Дионисия — мальчишки, которым он подарил счастливое детство. Из этого детства мы многое взяли в жизнь.

НАСТОЯЩИЙ СВЯЩЕННИК

Жилкино — это окраина Иркутска, его рабочая косточка. Туда трудно добраться на общественном транспорте и ещё труднее выбраться. Там нет ни театров, ни гипермаркетов, да и прочих достижений цивилизации мало. Музеев тоже нет, хотя именно с историей в Жилкино всё в порядке. До революции в этом месте был Вознесенский мужской монастырь, самый большой в Сибири. «Особенное место для Иркутска. Святое место», — говаривал настоятель единственной сохранившейся от монастыря Успенской церкви отец Дионисий Садовников. Он и сам был ещё одной достопримечательностью этого района. Особенный батюшка для особенного места. К сожалению, писать об этом приходится в прошедшем вре-

мени, потому что в конце лета о. Дионисий погиб в автокатастрофе вместе со своим 17-летним помощником Романом Черепановым.

Вознесенский мужской монастырь был основан старцем Герасимом с братией в 1669 году, за три года до закладки в Иркутском остроге первой, ещё деревянной, Спасской церкви. Постепенно он разрастался, и перед революцией поговаривали даже о присвоении ему статуса лавры. В год монастырь принимал до десяти тысяч паломников. Для сравнения: население Иркутска в то время составляло 60 тысяч человек. В Вознесенском монастыре жил первый епископ Иркутский святитель Иннокентий Кульчицкий. Здесь же, в Тихвинской церкви, покоились и его мощи.

После революции монастырь был разрушен. От великолепного Вознесенского собора не осталось камня на камне. Теперь на его месте стоит блочная пятиэтажка, выпирая из господствующей в Жилкино частной застройки. Вообще из пяти храмов оставили только небольшую Успенскую церковь. Да и ту в первоизданном виде сохранять не стали, пристроили некий кубический объём, снесли купола, сняли кресты, и получился советский клуб с кинозалом. Местная молодёжь бегала туда на танцы и в киношку. На месте монастыря построили мелькомбинат и мясокомбинат. Очень символично получилось. «Душу свою на хлеб и мясо променяли», — как любил повторять отец Дионисий. Променять-то променяли, только богаче от этого не стали.

До сих пор стоят у дороги два добротных каменных дома в два этажа, в них когда-то были монашеские кельи. Потом сюда стали заселять рабочих с новых предприятий, в основном молодёжь. Знаете, какие толстые стены в этих домах! На подоконнике вполне можно гладить пелёнки. В знаменитой русско-мунгальской школе святителя Иннокентия, которую историки называют едва ли не «первым очагом просвещения в Сибири», теперь тоже живут люди.

Около стен Успенской церкви бил святой источник, над ним была выстроена часовенка. Люди верили, что от его воды можно получить исцеление. Источник этот вызвал у советской власти особую ненависть. Сначала его попытались закопать. Не получилось — вода всё равно прорывалась наружу. Тогда над ним

построили... общественный туалет. Отец Дионисий потом долго пытался очистить источник. Но нет, вода ушла. «Местные жители постоянно рассказывают, что в огородах то там, то здесь неожиданно появляется вода; — говорит нынешний настоятель Успенской церкви в Жилкино отец Олег Данилов. — Источник «гуляет», но назад не возвращается». Осквернению подверглось и монастырское кладбище. Его попросту перекопали бульдозерами, когда начали строить «светлое будущее». Долго ещё мальчишки таскали черепа, пугали прохожих.

Вот такое наследство получил отец Дионисий, когда его назначили настоятелем в Успенский храм. Собственно, и храма-то не было. Был заброшенный клуб, устроенный в храме. Нужно было всё вернуть на круги своя — из клуба в храм. И началась работа, ежедневная, тяжёлая, когда не хватало ни сил, ни средств. А настоятелю и самому-то было 23 года. Больше всех помогали... нет, не взрослые, которые ломали храмы и строили на их месте заводы и дома. Помогали дети, и это, наверное, самое удивительное. «Мне лет семь было, когда здесь строительные работы начались, — вспоминает коренной житель Влад Савин. — Интересно было смотреть. А батюшка спрашивает: «Хочешь помочь?» Я сказал: «Хочу!» Сегодня Владу 18 лет и, как шутливо заметил отец Олег, он уже «представитель старшего поколения».

Службы в Успенском храме в возобновились в 1998 году, и первый ход составили те самые мальчишки и девчонки, которые помогали его восстанавливать. Так и повелось: главные заботы отца Дионисия — стройка и дети. Ему даже на родных детей вечно не хватало времени. Не хватило времени и чтобы купить собственное жильё. Батюшка с семьёй так и проживал в настоятельском домике при церкви, где раньше был монастырский склад. Уже после смерти отца Дионисия епархия купила двухкомнатную квартиру для его семьи. Деньги собирали все приходы, и даже маленький и бедный храм мученика Уара из деревни Тихоновка прислал свою лепту из пенсионных копеек старушек-прихожанок в 1200 рублей.

Появилась воскресная школа. Да не какая-нибудь! Говорят, после неё можно было и в семинарию поступить. (Вот и алтарник Роман, который погиб вместе с батюшкой, тоже собирался поступать в семинарию.)

Потом рискнули, организовали летний палаточный лагерь на Байкале. Опыт был настолько удачным, что лагеря стали ежегодными. Мальчишки ходили за батюшкой хвостом и канючили: «Ну давайте ещё куда-нибудь поедем». Жилкино — район небогатый, поэтому важно, что лагеря были бесплатными для ребяташек, отец Дионисий всегда умудрялся найти спонсоров. Например, воскресную школу дважды возил в Санкт-Петербург. А главным помощником и спонсором стал его двоюродный брат Александр Фероверов.

«Он всех брал, и плохих, и хороших, — вспоминает отец Олег. — Я с ним спорил. Ну как же так, ведь пацан ворует из храма. А он знал, но ни слова не говорил. Только тяжело посмотрит и промолчит. И этот взгляд мальчишек пронимал лучше любой отповеди». «Любили его и боялись перед ним облажаться», — прокомментировал Влад Савин. В лагерях действовала строгая дисциплина и сухой закон, курение тоже было под запретом. Но запретный плод сладок, мальчишки тайком пытались курить. «Мы думали, что об этом никто не знал, — вспоминает Влад. — Но батюшка нас как-то выследил и устроил засаду. Только затянешься, бабах, тут же настигает «божья кара» пониже спины. Это он на дереве сидел и стрелял бумажными пульками». «Вразумление» приходило мгновенно.

Сын геолога, Денис Садовников с 11 лет в одиночку бродил по тайге с ружьём. «Я не даю им ничего такого, через что не прошёл сам, — говорит сам отец Дионисий в кадрах фильма «Батяня, батюшка-комбат», который о нём снял иркутский режиссёр Андрей Гундоров. — Я бы сам хотел, чтоб у меня в детстве было такое. И это лучшая школа для воспитания характера». Но к настоящей войне относился плохо. «Когда в армии служил, нам, солдатам-срочникам, предлагали поехать в Чечню. За это обещали скостить полгода. Я подумал и отказался, — рассказывал отец Дионисий. — Поехать и убить человека за полгода службы в армии? Нет».

Несколько лет назад судьба свела его с инструктором ДОСААФ. Так его питомцы после соответствующей подготовки стали прыгать с парашютом. Были случаи, когда некрещёные ребята прыгали и после этого просили их окрестить. Потому что с парашютом прыгнуть — это поступок. Отец Дионисий вообще воспитывал

не только словом, которое до детей не всегда доходит, но и делом. Больше всего не любил равнодушия, часто говорил: лучше, когда ты против, лишь бы тебе было не всё равно.

«Он говорил: хочется подвига», — вспоминает отец Олег, и голос его теплеет. Наверно, эта жажда и не давала ему сидеть на месте, всё гнала куда-то. В сапогах и ковбойской шляпе по лесам и болотам, или в рясе с крестом по тем же лесам. В прошлом году он умудрился дойти до истока реки Лена и освятить его. Теперь в Лене течёт святая вода. «Настоящий священник», — так сказал о нём архиепископ Вадим.

— Как это — настоящий священник? — переспрашиваю отца Олега.

— Отец. Когда священника рукополагают, он обручальное кольцо снимает с руки и кладёт его на алтарь. Священник не принадлежит полностью даже своей семье, он принадлежит церкви. А церковь — это не стены, это люди, которые в неё приходят. Приход становится семьёй, и священник — её глава, отец.

Мало у кого так получается. Но у отца Дионисия, похоже, получилось. Для многих местных жителей приход стал второй семьёй. Только бы сохранить её и теперь, когда все они осиротели. Уныния здесь нет, отцу Дионисию оно бы точно не понравилось. Брат его и друг Александр Фероверов уже планирует сделать клуб для ребяташек в заброшенном детском саду, который передан епархии. Вот и будет общее дело. А ребята здесь много.

«Меня недавно спросили: и откуда у вас здесь столько ребяташек? — улыбается местная жительница Инна Хайрюзова. — Я задумалась: и правда много. Вроде три дома стоит, наша пятиэтажка да два монастырских общежития, а ребяташек бегают целая орава». Обычно Инна не может по утрам разбудить свою шестилетнюю Соню, но когда говорит: «Вставай, в церковь пойдёшь», Соня подпрыгивает мгновенно, и бежит, и всю службу выстаивает, как свечечка. Наверное, здесь место такое, где дети и священники — особенные.

Восточно-Сибирская правда,
№ 155, 10 октября 2009 г.

- **МЫСЛИ О РУССКОМ**

*с древнейших и
до нынешних времён*

Составитель Анатолий Байбородин

- **«ИЩЕМ ЧЕЛОВЕКА»**

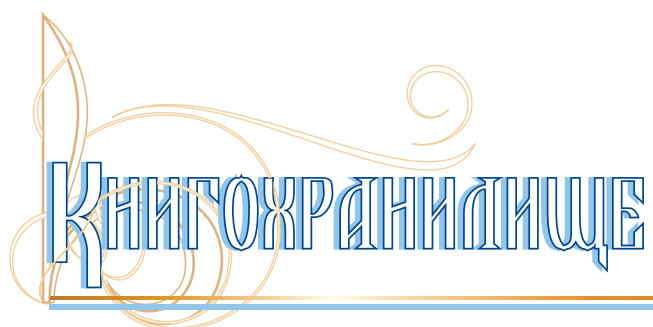
*О сборнике произведений
лучших писателей России*

«Для тебя»

Капитолина Кокшенева

- **«НАД СМЫСЛОМ БЫТИЯ»**

О книге Николая Зиновьева

Е. Бем. «Учёный»

МЫСЛИ О РУССКОМ

с древнейших и до нынешних времён

Составитель Анатолий Байбородин

Региональная общественная организация поддержки молодёжных инициатив «Иркутский кремль» совместно с издательством регионального отделения Союза писателей России «Иркутский писатель» готовят к изданию сборник «Мысли о русском с древнейших до нынешних времён». Руководитель издательского проекта — главный редактор журнала «Иркутский Кремль», священник Евгений Старцев, составитель сборника — писатель Анатолий Байбородин. Рецензенты сборника — писатель В.Г. Распутин и доктор филологических наук, профессор В.П. Владимирцев. (Рекомендация к изданию была написана ныне покойным профессором В.П. Владимирцевым в 2006 году.)

Книга составлена согласно разделам: Русь православная, Любовь к Родине, История России, Россия и мир, Русский народ, Русский характер, Русское крестьянство, Русское воинство, Русский язык, Русское искусство, Домострой, Россия многонациональная, Славянофильство, Западничество, Русофобия.

В «Напутном слове» к сборнику составитель пишет: «Несмотря на внушительные объёмы рукописи, в данный сборник, разумеется, вошла лишь малая толика из того, что за тысячу лет от Крещения Руси было речено и письменно запечатлено духовно мудрого и словесно яркого о русском. Глянешь на книжную полку, где в строгой величавости выстроились тома «Жития святых», на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского» и труды православных любомудров, глянешь ниже, где книги русских мыслителей прошлого и позапрошлого веков, и поскорбеешь обречённо: не объять

необъятного, как не вычерпать море, куда впадают бесчисленные ручьи и многие реки. И лишь одно худо-бедно утешает, что нечто основное, типичное, касаясь русского, всё же отобразилось в сборнике. (...) Мысли, выражающие неприязнь, а порой и страстную либо холодно-расчётливую враждебность к русскому, потому выделены в небольшое «Приложение», завершающее сборник, что составитель не озадачивался лишь одной мыслью — дать «цельную картину» отношения к русскому, ибо основная цель сборника — укрепить либо пробудить, коль дремлет, любовь и восторженную, и сострадательную к русскому народу с его духовно-православным, народно-нравственным, культурным миром».

ИЩЕМ ЧЕЛОВЕКА

о сборнике произведений лучших писателей России «Для тебя»

Капитолина Кокшенёва,
председатель Гражданского
литературного форума России,
доктор филологических наук
(г. Москва)

«ДЛЯ ТЕБЯ» — это первый Сборник произведений лучших писателей России, объединённых Гражданским литературным форумом России. Книга выходит в свет в начале января 2010 года (издательство «ПоРог»). В книге — произведения Михаила Тарковского, Захара Прилепина, Анатолия Байбородина, Виктора Николаева, Александра Потёмкина, Веры Галактионовой, Сергея Шаргунова, Лидии Сычёвой, Анны и Константина Смородинных, а также статьи Капитолины Кокшенёвой, Владимира Бондаренко, Андрея Рудалёва, Галины Якуниной.

От сегодняшнего мира, в котором так по бедно шествует глянец с его ложной «философией оптимизма» и так велика отверженность людей от подлинного, — от сегодняшнего мира

часто хочется отвернуться. Уйти в иллюзорность, забыть себя, и читать только те книги, которые «уводят от действительности», — но это ли выход? Гражданский литературный форум представляет лучших писателей России, которые занимают активные позиции в литературе, — они хотят, чтобы читатель думал и понимал, что «счастье быть русским — трагическое, трудное счастье» (Н. Калягин), чтобы читатель не отчаивался, но размышлял вместе с писателями о том, что же с нами происходит. Гражданский литературный форум представляет первую книгу нашей новой литературной серии и надеется на внимание и понимание читателей — ведь у культуры нет иного способа быть переданной, кроме как из рук — в руки, от души — к душе.

Книга выпущена издательством «ПоРог», Москва, 2010 г.

По вопросам приобретения книги обращаться на сайт ГЛФР (сайт ГЛФ: <http://www.glfr.ru>) или в издательство «ПоРог».

Информационный центр
«Иркутский Кремль»

Что от нас, сегодняшних, требует современность; какого человека она воспроизводит, к какому она обращается? Да, она видит в нас исправных налогоплательщиков, жадных потребителей, усердных избирателей. Но разве уже нет среди нас людей, для которых, по слову Ф.М. Достоевского, «искусство есть такая же потребность для человека, как есть и пить». Потребность в искусстве, о которой говорил наш классик, — это и есть потребность красоты, без которой «человек, может быть, не захотел бы жить на свете». Увы, но наш XXI век всё чаще предлагает нам «труп красоты», «безобразную красоту», «эстетику смерти» и «хищную пустоту» гламура. И мы живём. Живём несмотря на то, что наша жизнь превращается в крикливый балаган и нам заведомо внушается неверие в себя именно как в человека.

Увы, но «путёвка в жизнь» тому или иному писателю сегодня часто выдаётся не за талант, но за рыночную востребованность. Нужно стать «предметом обожания» той или иной группы экспертов, чтобы немедленно стать «новым культурным феноменом». Так создаются «зоны культурной активности», в которые

втягивается и читатель. И эти культурные стратегии направлены на уравнивание серьёзного и поверхностного, глубокого и второсортного (трэша), когда происходит подмена вдумчивого и умеющего мыслить попросту зрелищем, пусть и эффектным. Художественный акт понимания, энергия общения и сопереживания пускаются в распыл — на увеселение и идиотскую «праздничность», на профанацию подлинного и серьёзного высказывания.

Авторы нашей книги предлагают иной подход к человеку, иной взгляд на наши беды, болезни и боли. Они полагают, что именно в литературе может сохраниться полный образ человека — человека современного, но вросшего и в историю, культурно и религиозно всё ещё связанного с русской традицией признания безусловных требований мира духовного. Ни комфортный дизайн жизни, ни бесконечный «релакс», ни игривость и пышная риторика в отношении социальных и общественных задач — ничто не прикроет подлинных целей обеднённого и жалкого современного искусства. Ничто не прикроет его целей создания продажных (во всех смыслах) культурных «трендов». А потому им и нужна кондовая «рыночная стабильность» в мыслях и чувствах наших современников (читателей и зрителей).

Наш Форум и наша книга — это культурная площадка, на которой содружество художников готовит себя к иным задачам. Задачам человекоберегающей культуры, которая предполагает чёткое осознание писателем своего этического назначения. Все наши авторы ищут человека в человеке, все они видят, что у кого-то «душа выбывает» из жизни, и такому человеку «и жить скучно, и умирать страшно», но видят они и других — кто несмотря ни на что умеет «душу накопить», а не растратить.

Их можно назвать «новыми почвенниками», полагая, что «почвой» может быть и городская культура (для Веры Галактионовой, Александра Потёмкина, Сергея Шаргунова), и «земляная» (для Лидии Сычёвой, Михаила Тарковского, Захара Прилепина), и христианская (для Анатолия Байбородина, Виктора Николаева). Но объединяет их одно — чувство своей личности как народной, сохранение национальной литературы в современности как противостояние опасному обезличиванию культур (мультикультурности). Конечно же, ни

клятвы в русскости (таких сегодня много), ни патриотическая благонамеренность не в состоянии сопротивляться глобалистским культурным тенденциям. Сопротивляться им может только национальный талант и национальный труд. О сущности своего труда очень хорошо сказала Вера Галактионова — её творчество, действительно, сродни «собиранию росы в пустыне». Сегодня всё можно подделать, кроме подлинного таланта. Для большого художника всегда есть внутренняя обязанность сопряжения временного и вечного в нашей жизни, что решительно пронзает собой всё — человека, его душу, его сознание. То вечное, что втягивает внутрь себя поколение за поколением и учит нас тому, что человеку опасно оставаться «голым» (с правами человека, но без защитной стены традиции, веры, государства). Опасно оставаться эгоистически — индивидуалистически — нарциссически — принципиально — одиноким. Без привязанностей и обязанностей. Здоровая роль современного писателя и всего нашего русского интеллигентного слоя состоит в умении видеть живую и подлинную жизнь народа, в объединении разрозненного и встрече разъединённого.

Наша книга обращена к каждому читателю — лично. А потому напомним читателю слова талантливого писателя-петербуржца Н.Калягина о том, что «каждая книга, дошедшая до нас из глубины времён, является просьбой о помощи. Каждую книгу следовало бы открывать так, как открывают выловленную в море бутылку с письмом: ведь слова, которые вы сейчас прочтёте, обращены именно к вам, и только к вам. Именно о вас думал человек, который запечатывал эту бутылку, именно в той минуте, которая сейчас наступила, полагал он заветнейшие свои надежды! И только от вас, от высоты вашего духовного строя, от глубины вашего сочувствия и вашего понимания, зависит остальное: будет ли разрушено одиночество жертвы кораблекрушения, услышит ли голос друга одинокая человеческая душа, «обретут ли разделенье, принесут ли плод» (Баратынский) её лучшие мысли и чувства или погибнут на диком берегу без пользы и следа».

«НАД СМЫСЛОМ БЫТИЯ»

О книге Николая Зиновьева
(Издание Виктора Бронштейна)

Так названа книга выдающегося русского поэта Николая Зиновьева, в которой глубокое народно-православное осмысление вчерашнего сегодняшнего, завтрашнего дня русского народа. Поэт с неповторимым и в то же время глубоко народным голосом показывает трагизм русского безвременья, но и указывает пути спасения России, кои заключены в искренней и полной православной вере. «С нами Бог!» и нам нечего бояться.

Книга издана в 2009 году издательским центром журнала «Сибирь» с предисловием иркутского поэта Виктора Бронштейна.

